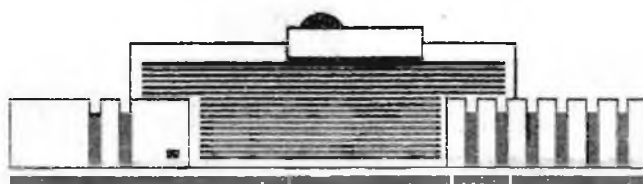

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

2004 № 4(34)

Рэдакцыйная калегія:

А.У. Русецкі (галоўны рэдактар),

І.Я. Андрушкевіч (нам. галоўнага рэдактара)

Г.І. Міхасёў (нам. галоўнага рэдактара),

А.І. Мацяюн (адказны сакратар),

С.С. Ануфрыева, С.Л. Багамаз, А.А. Бачкоў, М.Ц. Вараб'ёў,

Я.А. Васіленка, Н.С. Віслабокава, В.І. Гідрановіч,

В.П. Клімовіч, В.А. Космач, В.Я. Кузьменка, І.Л. Лапін,

С.А. Матораў, Г.М. Мезенка, В.М. Мінаева, П.І. Навіцкі,

В.І. Несцяровіч, А.А. Несцярэнка, І.М. Прышчэпа,

Э.І. Рудкоўскі, Ю.А. Русецкі, М.А. Слямнёў

М.К. Талочка, У.Л. Фядотаў

Адрас рэдакцыі:

ВЕСНИК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта імя П.М. Машэрава

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з верасня 1996 года

Выходзіць чатыры разы ў год

2004 № 4(34)

Змест

Гісторыя. Культуралогія

- Мизуцкий С.Г.* Становление гражданского общества в современной Беларуси и влияние идеологии на его формирование 3
- Півавар М.В.* Краязнаўчая дзейнасць клуба «Узгор'е» ў Віцебску ў канцы 1980-х — пачатку 1990-х гадоў 10
- Пушкина О.И.* Брак как критерий оценки женского успеха и модели его достижения в сказках восточных славян 14

Эканоміка

- Смольский А.П.* Антикризисное управление экономически несостоятельным предприятием: оперативный и стратегический аспекты 18
- Орлов В.И.* Неформальная экономика и реформирующиеся общества 24

Педагогіка

- Жукова Е.Т., Родичева Е.В.* Графическая подготовка воспитателей дошкольного образования к работе с детьми 31
- Гайковая О.Л.* Готовность будущего педагога к формированию у учащихся-подростков социально-нравственной устойчивости 39

Псіхалогія

- Девярых С.Ю.* Идеалы мужа и жены в юношеском возрасте: прогноз супружеских отношений 45
- Кухтова Н.В.* Сравнительный анализ личностных и ситуационных детерминант у старших школьников с просоциальной и асоциальной направленностью поведения 50

Мовазнаўства

- Минина Н.Е.* «Нам всем подобает умирать за единый азъ...» (о взаимосвязи языка и обрядности в старообрядческом социуме) 56
- Кузьміна А.У.* Суадноснасць лексічнага і граматычнага (трывальнага) значэнняў афіксаў 60
- Тагаев М.Дж.* Морфемно-словообразовательная концептосфера как дискурсивно-семантическое поле смыслопорождения 64
- Алісіевіч С.А.* Эвалюцыя паняцця «перыяд» у мовазнаўстве 69

Літаратуразнаўства

<i>Емяльянаў А.С.</i> Якуб Колас – дзіцячы пісьменнік і педагог у «Другім чытанні для дзяцей беларусаў»	73
<i>Лапацінская В.В.</i> Ідэйна-мастацкая функцыя тропаў у творчасці Анатоля Сербантовіча (на прыкладзе метафары)	77

Мастацтвазнаўства

<i>Гребельнік С.Г.</i> О соотношении слуха абсолютного и относительного	84
<i>Захарова Т.Л.</i> О некоторых проблемах развития современного самодетельного хорового творчества	88

Матэматыка

<i>Liu Yu-Feng, Yu Qiu.</i> On Modular Property for Fitting Classes	92
<i>Княгина В.Н.</i> О разрешимости конечных групп с перестановочными подгруппами Шмидта четного порядка	94

Механіка

<i>Михасев Г.И., Ермоченко С.А., Ситников В.П.</i> О простейшей модели расчета напряженно-деформированного состояния колебательной системы реконструированного среднего уха	97
<i>Корчевская Е.А.</i> Потеря устойчивости некруговой слоистой цилиндрической оболочки при кручении	102

Хімія. Біялогія

<i>Гидранович В.И., Лесович А.А.</i> Активность фосфоглюкомутазы под действием нитрат-ионов в организме <i>Anodonta cygnea</i>	107
<i>Денисова С.И.</i> Динамика содержания вторичных метаболитов в листьях кормовых растений чешуекрылых	112

Геаграфія

<i>Пиловец Г.И.</i> Полувековая деятельность Белорусского Географического общества	119
<i>Шаматульская Е.В.</i> Демографические и региональные аспекты старения сельского населения Витебской области (1979–1999 гг.)	123
Канферэнцыі. Сімпозіумы	127
Бібліяграфія	129
Пэрсаналіі	131
Хроніка	134
Памяці калегі	137
Рэфераты	139
Звесткі пра аўтараў	145
Пэралік артыкулаў, змешчаных у часопісах «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава» (№№ 31–34)	147

Рэдактар	А.М. Фенчанка
Камп'ютэрны набор	Г.У. Разбоева
Карэктар	Л.В. Прыстаўка

Рэгістрацыйны № 1313 ад 2.07.1999.

Ліцэнзія ЛВ № 02330/0056790 ад 1.04.2004.

Падпісана ў друк 8.12.2004. Фармат 70x108 1/16. Папера друкарская. Афсетны друк.

Ум. друк. арк. 10,59. Ул.-выд. арк. 10,67. Тыраж 100 экз. Заказ 127.

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава»
210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33.

Становление гражданского общества в современной Беларуси и влияние идеологии на его формирование

Понятие «гражданское общество» заняло прочное место в терминологическом арсенале политических и общественных наук, стало тем базовым понятием, на основе которого выстраиваются целые концепции и теории. Тем не менее, феномен гражданского общества и его роль в социальной реальности изучены еще далеко не полностью. В частности, не вскрыты взаимосвязь и взаимодействие гражданского общества и государства, не выявлены правовое пространство и механизмы этой взаимосвязи [1].

В настоящее время в республике инициируются многочисленные исследования, конференции, ведутся активные дискуссии по проблемам становления и развития гражданского общества.

С особой остротой этот вопрос встал после распада социалистического лагеря и СССР и формирования на этих пространствах качественно новых государственных образований со своей спецификой. Именно исчезновение с карты Европы некогда могущественных Советского Союза и политической системы стран «народной демократии» заставляют пересмотреть многие представления в отношении гражданского общества и устойчивости политических систем в целом.

Начало 1990-х гг. в республиках бывшего Союза ССР, в том числе Беларуси, прошло под знаменем демократических преобразований. Эти страны в целом декларировали свою приверженность идеалам рыночной экономики, демократии, правам человека и т.п. Для них главной задачей стал поиск соединения принципов демократии со страновой спецификой, этическими нормами и национальными особенностями. Гражданское общество воспринималось как одно из проявлений всемирного торжества демократии наряду с крушением тоталитарного социализма в странах Центральной и Восточной Европы. Казалось, что народ Беларуси убедился в преимуществе демократии и готов воспользоваться западным опытом парламентаризма и партийного плюрализма.

С обретением реальной независимости после распада СССР республика имела неплохие стартовые возможности для формирования гражданского общества. Экономические реформы, проводимые в нашей республике избежали таких аномалий, как, например, на Украине или в России. Отсутствовала почва для межнациональных конфликтов; система руководства, представленная своеобразным «двоевластием» в лице Верховного Совета и правительства, отличалась относительной стабильностью в отличие от той же России, которая уже дважды успела побывать на грани политического кризиса (август 1991 г. и октябрь 1993 г.).

Политологи указывают также на то, что в начале 1990-х гг. ситуация с правами человека значительно улучшилась. Государство частично отказалось от монополии на средства массовой информации, посягательств на граждан, занимающихся политической деятельностью [2].

Глобальные социальные потрясения на рубеже 1980-1990-х гг. оказали существенное влияние и на общественно-научную мысль Беларуси и прежде всего тем, что выдвинули в центр исследовательских интересов поиски истоков, глубины и последствий этих потрясений. Не случайно интенсивными темпами стали развиваться геополитика, пслитология, социология и др. Одновременно в число наиболее приоритетных и актуальных тем входит проблема гражданского общества. В феврале 1992 г. возник Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ). А в июне того же года по инициативе этого учреждения был проведен первый крупный семинар «Проблема перехода от тоталитаризма к демократии» [3].

Естественно, говорить о плодотворном сотрудничестве независимых структур и государства в этот период, об их равноправном партнерстве пока еще, к сожалению, не приходится. Деятельность «третьего сектора» была возможна в тех рамках, которые определяли государственные структуры. В целом оказалось, что перспектива гражданского общества в рамках белорусского варианта оказалась сильно ограниченной. Объективная ситуация в республике не особо благоприятствовала восприятию идей гражданского общества как наиболее высокой ступени исторического развития.

В первую очередь, это было обусловлено половинчатым, неполным характером реформ, а в некоторых отраслях – полным их отсутствием. Несмотря на явный перенос акцентов с классовых приоритетов на общечеловеческие ценности, дало о себе знать стремление руководства обеспечить политическую стабильность и экономическую эффективность в условиях государственного регулирования. К тому же законодательная база вообще не затрагивала такой категории, как гражданское общество [4].

Другим фактором, существенно тормозившим реформы, была особенность структуры белорусской экономики. Политика форсированной индустриализации в 1930-е гг., гигантомания в послевоенные пятилетки и интенсивное колхозное строительство привели к возникновению крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий с большим количеством рабочих и обслуживающего персонала. Так, например, любые попытки реформирования ведущих флагманов белорусской индустрии (приватизация, реструктуризация, переоснащение оборудования и т.п.) неизбежно вели к массовой безработице, а, значит, к социальной напряженности. Это, естественно, не устраивало власть. В результате в Беларуси не был сформирован институт частной собственности – основа гражданского общества, который не привносится извне в готовом виде, а возникает на определенном уровне социально-экономического и политического развития.

В условиях слабой стратификации белорусского общества, отсутствия «третьего класса» сохранилось сильное традиционное влияние государственных институтов. Это давало возможность органам власти эффективно контролировать общественное мнение.

В целом в начале 1990-х гг. у «третьего сектора» и государственных органов не было крупных осложнений и конфликтов. В такой обстановке в республике прошли первые президентские выборы. Можно долго спорить о целесообразности введения института президентства или сохранения в республике парламентской формы правления. Однако оспаривать факт мощного влияния президентской власти на дальнейшее становление гражданского общества нет смысла. Первые президентские выборы стали проверкой на

прочность многих негосударственных объединений, в том числе и политических партий, которых в республике к тому времени насчитывалось около двух десятков. Предварительные результаты выборов показали слабость политических партий, непопулярность большинства из них среди избирателей.

В первую очередь, необходимо было выработать и реализовать принципы взаимодействия «третьего сектора» и государства. Казалось, сохранится существовавший ранее принцип относительной автономии. Некоторые авторитетные белорусские политологи прямо утверждали, что после избрания президента условия для деятельности негосударственных организаций будут еще благоприятней [3, с. 35].

Действительно, государство не только не препятствовало образованию и функционированию негосударственных институтов, но и всячески поощряло их, особенно на региональном уровне. В частности, немалую поддержку в этом отношении получили региональные отделения Белорусского фонда Сороса (БФС).

Негосударственным институтам был дан «зеленый свет» и в законодательном пространстве. В октябре 1994 г. был введен в действие закон о политических партиях и общественных объединениях, который регламентировал возникновение и деятельность «третьего сектора». Негосударственным учреждениям давали налоговые льготы, предоставляли помещения. В результате всего этого наметилась тенденция, которая впоследствии получила название «ренессанс» белорусского гражданского общества – беспрецедентный рост числа негосударственных институтов. В 1995 г. их насчитывалось около 600 [5].

Вопреки распространенному мнению о своей аполитичности, «третий сектор» проявил абсолютно противоположную тенденцию. Политические партии и различные негосударственные объединения стали активно участвовать в общественной жизни страны. Например, в ходе майского раунда выборов в Верховный Совет Республики Беларусь (ВС РБ) примерно 54% кандидатов в депутаты выдвигались политическими партиями и общественными объединениями и только 20% – трудовыми коллективами [6].

Медленный, мучительный, но все же необратимый процесс формирования «третьего сектора» привел к тому, что проблемы гражданского общества, его специфики в Беларуси начинают активно обсуждаться на теоретическом уровне. Наиболее рельефно это проявилось на Международной научно-практической конференции «Становление гражданского общества в Беларуси в контексте устойчивого развития», проходившей в мае 1999 г. в г. Минске.

Главная цель конференции состояла в том, чтобы выявить инновационные процессы в формировании гражданского общества в республике как гаранта эффективности экономических реформ, определить наиболее эффективные пути их оптимизации. «Третий сектор», констатировалось в ходе конференции, переживает сегодня в Беларуси период глубокой трансформации и самоидентификации, вызванный, с одной стороны, прессингом государства, и переосмыслением своей роли в жизни общества – с другой. В таких условиях перед обществом и государством встают задачи по координации усилий и программ на самом различном уровне, в том числе и на региональном.

В ходе конференции выделились и реализуются два кардинально различных подхода по вопросам формирования гражданского общества в Республике Беларусь. Сторонники первого подхода, как правило, представители официальной власти, и те, кто в той или иной степени связан с законодательной деятельностью, считают, что в Беларуси в последние годы созданы «относительно благоприятные условия» для формирования гражданского общества и правового государства. Большую роль, в частности, здесь сыграл ноябрьский референдум 1996 г., внесший существенные изменения в основной закон страны – Конституцию [7].

При этом имеют место призывы использовать опыт СССР для формирования гражданского общества, ибо оно, как таковое, «исчезло вместе с советской властью» [8] и что фундаментальный принцип разделения властей «не решает тех задач, ради которого он формировался» [9].

Представители второго подхода (лидеры политических партий, общественных объединений, независимые эксперты и т.п.) убеждены, что государство так и не поняло «слабых» гражданского общества, оно больше «уповает на эффект насилия, нежели на воспитание» [10]. Для приверженцев данного подхода является характерным резкое противопоставление майской (1994 г.) и ноябрьской (1996 г.) конституций, подчеркивание роли «сдержек и противовесов» исполнительной власти и сожаление, что оппозиция и гражданские структуры не являются единой, консолидированной силой.

По их мнению, политика государства привела лишь к незначительным, косметическим изменениям, которые и определяют в общих чертах современную модель белорусского общества, для которого характерно тотальное господство государственного начала. В отношении независимых структур проводится политика не содействия и стимулирования, а регламентации и опеки. Если государство и поддерживает «третий сектор», то такое покровительство носит исключительно конъюнктурный характер, обусловленное, например, избирательными кампаниями. Между тем главным критерием гражданского общества как системы самостоятельных институтов и отношений должно быть его независимость от государства. В результате этого обеспечиваются условия для реализации отдельными индивидами и коллективами своих частных интересов и потребностей, свободное создание и деятельность в рамках Конституции общественных объединений, реальная защита государством прав и свобод граждан, политический плюрализм и многопартийность [11].

Тем не менее, сторонники второго подхода признают, что уже заложены «первые камни» в фундамент гражданского общества – предпринимательские структуры, творческие союзы и т.д. С 1997 г. в республике действуют традиционные для Запада и абсолютно новые для Беларуси негосударственные объединения – «фабрики мысли». Их функция сводится к детальному анализу политико-экономической ситуации в стране и выработке соответствующих рекомендаций для правительства, политических партий, общественных объединений.

Программы «фабрик мысли» – это сложный комплекс средств, как теоретических, так и практических, которые позволяют отстраивать адекватные стратегии на различных уровнях социальной организации, начиная от отдельного человека и заканчивая большими профессионально ориентированными группами, которые, как правило, рассматриваются в качестве объектов электорального исследования.

В декларации Белорусской ассоциации фабрик мысли 1997 г. констатировалось, что дальнейшее углубление политического и экономического кризиса в стране связано со слабостью позиций гражданского общества, которое является скорее мертворожденным [3, с. 549]. Между тем сегодня необходимо осознать, что в Беларуси фактор номер один – человеческий капитал. Хотя бы потому, что республика, которая не имеет богатых природных ресурсов и не может связывать свои перспективы с металлоемкими и энергоемкими производствами. Можно рассчитывать только на максимальную интенсификацию и оптимизацию человеческого труда. Формирование гражданского общества и развитие коммуникации невозможны без человека, он – их центральный элемент. Поэтому неудивительно, что большое внимание уделяется развитию Интернета, который должен стать главным «винтиком» новой системы общественной экспертизы качества и достоверности информации, в том числе

касающейся работы органов власти, напрямую оказывающей влияние и на принятие управленческих решений.

Констатируется постоянный рост сторонников рынка, особенно среди молодежи, тогда как популистская экономическая модель, основанная на причудливом симбиозе рыночных элементов и командно-административных методов, медленно, но неумолимо уходит в небытие [12].

Однако неразвитость гражданского общества, слабость его основных структур ни в коем случае нельзя связывать исключительно с позициями власти, жестким законодательством. Существенную роль играет и объективная обстановка. Граждане живут в транзитивном обществе, то есть обществе переходного периода, не соответствующего постиндустриальному образцу или стандарту развитых западных стран, и социальная система, которая бы гарантировала эффективность структур гражданского общества, находится в начальной стадии формирования.

Между тем в Беларуси после провозглашения независимости были выдвинуты тезисы об универсализации западной модели гражданского общества, о возможности утверждения демократии даже в тех странах, где для нее, как считалось раньше, нет достаточных предпосылок. Предполагалось, что кризиса и бесперспективности тоталитарного механизма, а также воли политических лидеров вполне достаточно для формирования гражданского общества.

Независимые объединения создавались не как результат представления интересов различных экономических и политических сил, а были скорее выразителями абстрактной системы социальных ценностей, слепо копируя западные стандарты и образцы. При этом неизбежно происходила деформация этих институтов, которые во многом носили фиктивный характер. К тому же имело место стремление лидеров «третьего сектора» абсолютизировать национальную идею, выдвинуть ее на первый план, не считаясь с реальными условиями, что вызывало негативную реакцию граждан [13].

Нередко негосударственным объединением становился коллектив всего в несколько человек, способных, в лучшем случае, собрать некоторый объем информации, систематизировать ее. Но такие «объединения» не имели фундаментальной базы, не могли выйти на футурологический прогноз, увидеть перспективы, а проекты, которые они предлагали, чаще носили характер ситуативный и поверхностный, отсюда имела место их низкая эффективность.

В условиях сложного взаимодействия государства с гражданским обществом, системой перестройки и трансформации всех сфер человеческой жизни в Республике Беларусь у государства возникла острая необходимость в идеологии. Именно идеология должна была закрепить основные ориентиры развития белорусского общества, причем примат общечеловеческих ценностей должен был сочетаться с национальной спецификой. При этом нельзя полностью отказываться от лучших достижений идеологии советского периода, но без ее всеобъемлющего прессинга. Поэтому на страницах газет, экранах телевизоров, сайтах Internet ведется активная дискуссия по вопросам идеологии белорусской государственности.

Важнейшим условием эффективности государственной идеологии, ее способности обслуживать реальные интересы белорусского народа является наличие некоего критического уровня согласия между различными социальными силами нашего общества относительно основополагающих социальных ценностей, принятие их большинством граждан страны в качестве ориентиров и установок деятельности всего общества. Это большая отдельная тема,

но хотелось бы привести письмо учителей на официальном сайте президента Беларуси. Они убеждены, что идеология должна иметь три составляющие: во-первых, «православие – вера наших предков, культурно-творческий фактор, без которого невозможно возрождение духовности и моральности нашего народа. У народа, который был насильственно лишен духовного наставника (Церковь) не может быть будущего; во-вторых, патриотизм. Я гражданин Беларуси, Белая Русь – моя Бацькаўшчына; в-третьих, социальная справедливость. В основу нашей идеологии должны быть положены христианские ценности. Она должна выполнять объединительную функцию, вести к развитию и укреплению государства.

Идеологический работник должен быть духовным человеком и иметь христианское мировоззрение» [14].

Несмотря на то, что это напоминает печально известную теорию официальной народности XIX в. – «православие, самодержавие, народность», в данном письме отражены реальные проблемы белорусского общества. Но тем не менее, строгое следование программе, изложенной в письме, противоречит Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с поправками и дополнениями 1996 г.), где заложены условия для недопущения разжигания религиозной вражды, говорится об отделении церкви от государства и т.д.

Гражданское общество – деполитизированное и деидеологизированное общество. Это вовсе не значит, что оно не проводит никакой политики, не исповедует никаких идей, взглядов. Ему чужд лишь идеологический монополизм. Ни одна теория не может претендовать на исключительность, когда она фетишизируется и обожествляется как единственно верная и непогрешимая. В ст. 4 Конституции Республики Беларусь содержится положение, гласящее, что «идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан». Впрочем, в печати обращалось внимание на то, что указанная статья сформулирована не совсем корректно, ибо у государства все же должна быть общенациональная идея, вокруг которой можно было бы консолидировать все общество. Поэтому процесс деидеологизации нельзя понимать упрощенно. Стремление освободиться от всякой идеологии есть тоже идеология, и она может привести к отрицательным последствиям – разобщенности и даже конфронтации людей, их борьбе между собой. Сама конституция есть не что иное, как система идей, выраженная в концептуальной политико-юридической форме [15].

Деидеологизированное общество, деидеологизированное государство, деидеологизированный человек – это всего лишь ориентиры и методы отхода от партийного государства и партийного общества, от той системы, которая была жестко пропитана одной «всепобеждающей» и непререкаемой идеологией. Но отсюда не следует, что на месте исчезнувшей доктрины останется пустота, вакуум, которые ничем не могут быть заполнены, что у государства нет никакой позиции по идеологическим вопросам, так как у любого государства есть скрепляющие символы, духовная основа, принципы, на которых оно стоит. Гуманные, прогрессивные идеи органически присущи гражданскому обществу, правовому государству. В гражданском обществе создаются необходимые условия и атмосфера для беспрепятственной реализации основных прав и свобод личности, принципов демократии, равноправия, нравственных и культурных ценностей, идеалов справедливости. Оно предполагает наличие особой (легальной) сферы интересов, строго очерченной и охраняемой законом, в том числе и от произвола самого государства. Закон, олицетво-

ряющий порядок в гражданском обществе, призван властвовать над всеми. А это уже определенная идеология, точнее – духовная опора общества. Идеология, кроме того, это и система представлений о желаемом общественном устройстве и путях его достижения. В Беларуси такие цели провозглашены, а следовательно, государственная идеология существует – это идеология реформ, демократических преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гражданское общество. Истоки и современность.* – СПб., 2000. – С. 3.
2. *Государственная политика Республики Беларусь в 1993 г.: основные параметры.* – Мн., 1994. – С. 29.
3. *Манаев О.* Становление гражданского общества в Беларуси: социологические опыты 1991–2001 гг. – Мн., 2000. – С. 549.
4. *Кузнецов Н.В.* Становление гражданского общества в Беларуси // Куда идет Беларусь? Материалы международной научной конференции. – Мн., 1994. – С. 64.
5. *Протьюко Т.* Проблемы становления гражданского общества в Беларуси (1995–1999) // Новости НИСЭПИ, 1999, № 2. – С. 37.
6. *Карбалевич В.И.* Нарастание политического противостояния // Belarus Monitor, 2000, № 1. – С. 7.
7. *Красуцкий А.В.* Представительство интересов народа в ходе современных изменений политической системы Республики Беларусь // Становление гражданского общества в Беларуси в контексте устойчивого развития. Материалы научно-практической конференции. Минск, 24–26 мая 1999 г. – Мн., 1999. – С. 20.
8. *Котляров И.В.* Задачи и проблемы построения гражданского общества в Республике Беларусь // Становление гражданского общества в Беларуси в контексте устойчивого развития. Материалы научно-практической конференции. Минск, 24–26 мая 1999 г. – Мн., 1999. – С. 35.
9. *Данилов А.Н.* Власть и общество: поиск новой гармонии. – Мн., 1998. – С. 270.
10. *Кузнецов Н.В.* Гражданское общество: сложности и противоречия функционирования в Республике Беларусь // Становление гражданского общества в Беларуси в контексте устойчивого развития. Материалы научно-практической конференции. Минск, 24–26 мая 1999 г. – Мн., 1999. – С. 35.
11. *Бобков В.А.* К вопросу о национальной концепции устойчивого развития и становления гражданского общества в Республике Беларусь // Становление гражданского общества в Беларуси в контексте устойчивого развития. Материалы научно-практической конференции. Минск, 24–26 мая 1999 г. – Мн., 1999. – С. 8.
12. *Молодежь и гражданское общество: белорусский вариант.* – Мн., 1999. – С. 92.
13. *Карбалевич В.И.* Национальная или либеральная идея? // Философия социального действия и перспективы демократии. Материалы международной научно-практической конференции. – Мн., 1994. – С. 63.
14. <http://president.gov.by/rus/president/ideologia/>
15. *Мельник В.А.* Республика Беларусь: власть, политика, идеология. – Мн., 1998.

S U M M A R Y

This article explores civil society in the post-soviet area, particularly in Belarus; problems, which non-governmental organizations face; role of the ideology in the process of civil society development in the Republic of Belarus.

Поступила в редакцию 6.05.2004

М.В. Півавар

Краязнаўчая дзейнасць клуба «Узгор’е» ў Віцебску ў канцы 1980-х — пачатку 1990-х гадоў

На пачатку 1980-х гг. адбываюцца пэўныя змены ў савецкім грамадстве. З аднаго боку, працягвае праводзіцца афіцыйная палітыка, накіраваная на сціранне этнасацыяльных адрозненняў, фарміраванне новай гістарычнай супольнасці — «савецкага народа». З другога, назіраецца пэўны крызіс камуністычнай ідэалогіі, страта ў частцы народа даверу да камуністычнай партыі, складванне розных палітычных поглядаў.

Спрабуючы знайсці выйсце з новай сітуацыі, Палітбюро ЦК КПСС у асобе Генеральнага сакратара М. Гарбачова абвясціла курс на «перабудову», дэмакратызацыю і галоснасць савецкага грамадства. З пачаткам гэтай палітыкі адбылося ажыўленне грамадскай актыўнасці мас. З дазволам плюралізму, «галоснасці», некаторым паслабленнем дзеяння абавязковага прынцыпу партыйнасці і метаду сацыялістычнага рэалізму ў літаратуры і мастацтве па ўсім СССР пачынаюць дзейнасць грамадскія ініцыятывы, суполкі. Яны ўзнікаюць ва ўсіх саюзных рэспубліках. На Украіне, напрыклад, дзейнічалі дзесяткі нефармальных таварыстваў. У 1988 г. у адным толькі Львове іх было 29 [1]. На пачатку існавання яны насілі гісторыка-культурны характар, які, на нашу думку, можна разглядаць, як краязнаўчы. У дзейнасці такіх таварыстваў галоўную ролю адыгрывала аднаўленне роднай мовы, вывучэнне, прапаганда і ахова гісторыка-культурнай спадчыны [2].

У Беларусі адным з першых узніклі маладзёжныя гісторыка-культурныя аб’яднанні «Майстроўня» (1980), «Талака» ў г. Мінску (1985) і «Паходня» у г. Гродна (1986). У Гомелі, Брэсце, Полацку, Наваполацку таксама існавалі менш вядомыя таварыствы — «Талака», «Край», «Маладзік» адпаведна [3].

Дзейнасць гэтых грамадскіх аб’яднанняў знайшла пэўнае адлюстраванне ў навуковай літаратуры: у «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» [4, 5], манаграфіях і зборніках [3, 6], публікацыях у прэсе [7]. У якасці прыкладу падобнай дзейнасці ў Віцебску засяродзім увагу на малавывучанай дзейнасці грамадскага таварыства «Узгор’е», створанага ў 1986 г.

Асноўнай мэтай на пачатку дзейнасці з’яўлялася «дапамога грамадскасці ў аднаўленні, рэстаўрацыі, абарона помнікаў гісторыі і культуры» [8] і іх рэшткаў у Віцебску, дапамога археолагам, якія праводзілі раскопкі на гэты час у горадзе. Данінай часу ў планах дзейнасці было «вывучэнне і прапаганда ленінскіх ідэй захавання гісторыка-культурнай спадчыны савецкага народа» [9]. Планавалася праводзіць сустрэчы з архітэктарамі, якія распрацоўваюць праекты рэстаўрацыі і рэканструкцыі помнікаў культуры, ладзіць мастацкія выставы. Такім чынам, асноўнай мэтай дзейнасці была ахова помнікаў гісторыі і культуры, развіццё ў віцязблян беражлівых адносін да архітэктурных і культурных каштоўнасцяў свайго горада, фарміраванне эстэтычнага густу [10, 11].

Падобныя накірункі дзейнасці былі абраны не выпадкова, таму, што сітуацыю з аховай помнікаў і захаваннем культурнай спадчыны ў г. Віцебску у той час можна вызначыць як вельмі складаную. Да сярэдзіны 1980-х гг. была знішчана старая забудова на плошчы Свабоды і вуліцы Леніна. Рыхтаваўся да знішчэння комплекс

трынітарскага кляштара (сучасная Пакроўская царква). Пэўная частка грамадства жадала прымаць удзел у фарміраванні архітэктурнага вобліку горада.

Афіцыйныя ўлады падтрымалі грамадскую ініцыятыву. Клуб быў зарэгістраваны пры гарадскім цэнтры культуры. (У 1990 г. у дакументах статус аб'яднання змяняецца на «клуб аматараў даўніны» [12]). Назвалі клуб у гонар Узгорскага замка, з якога пачыналася летапісная гісторыя Віцебска.

Членам клуба мог быць любы чалавек, які прызнаваў і выконваў статут і палажэнні клуба, актыўна ўдзельнічаў у суботніках ці іншай дзейнасці, якая ішла на карысць захавання і аднаўлення гісторыка-культурнай спадчыны.

Дзейнасць аб'яднання была дастаткова шматпланавай: праводзіліся пасяджэнні з абмеркаваннямі дакладаў па гісторыі і археалогіі Беларусі і Віцебска, па праблемах захавання помнікаў культуры, мовы, экалогіі з удзелам работнікаў абл- і гарвыканкамаў, ладзіліся суботнікі па падрыхтоўцы помнікаў да рэстаўрацыі, чыталіся лекцыі. Члены аб'яднання «Узгор'е» сустракаліся са школьнікамі, студэнтамі, навучэнцамі ПТВ, ладзілі вандроўкі па цікавых, славурых мясцінах Беларусі, багатых на архітэктурную спадчыну (Слонім, Нясвіж, Жыровічы, Мір і іншыя гарады). На свята «Дзяды» практыкаваліся выходы на Старасямёнаўскія могілкі [13]. У розных акцыях таварыства прымалі ўдзел ад дзесяткаў да сотні чалавек. Сярод тых, хто найбольш актыўна ўдзельнічаў у працы клуба, можна адзначыць В.М. Арлова, Л.У. Вакар, А.В. Куржалава, А. Мемуса, М. Паўлава, С.М. Цярэнцьева, Р.І. Пушкарэву, Л. Хмяльніцкую, Т. Цаль, Ю.А. Якімовіча [14].

З мэтай захавання помнікаў гісторыі і культуры, змены адносін насельніцтва да гістарычнай спадчыны горада аб'яднаннем праводзіліся фотавыставы, прысвечаныя рэстаўрацыі (як на Беларусі, так і ў іншых месцах СССР) помнікаў архітэктурны [15, 16]. Напрыклад, адна з такіх выставаў была размешчана ў вітрыне магазіна «1000 дробязяў» на Маскоўскім праспекце г. Віцебска. Яна складалася з планшэтаў з лагатыпам клуба (сцяг Віцебскай харугвы: значок «Пагоні» на зялёным фоне), са здымкамі старога Віцебска, з інфармацыяй пра клуб, а таксама запрашэннем удзельнічаць у суботніках. Мэтай выставы была прапаганда гісторыі горада, адраджэнне мінуўшчыны.

Актыўна ўздыхаліся пытанні экалогіі Віцебска і яго наваколляў (будаўніцтва атамнай электрастанцыі на Віцебшчыне, высечка лясоў, меліярацыя балот і інш.). Адзначым, што роля грамадскасці Віцебска (у тым ліку і «Узгор'я») у адмене будаўніцтва АЭС у в. Мяжа Гарадоцкага раёна заслугоўвае асобнага даследавання.

Вялася вялікая асветніцкая і грамадская работа. Сябрамі клуба пісалася шмат артыкулаў на збадзённыя тэмы: аб ахове помнікаў, захаванні мовы, пра экалагічныя праблемы. Пісалі міністру меліярацыі, у рэспубліканскія структуры адносна асушэння балот, высечкі леса ў наваколлях Віцебска (напрыклад, ад птушкафабрыкі каля в. Хайсы да чыгуначнай станцыі Лосвіда). Пісалі ў ЦК КПБ, у Маскву Патрыярху Пімену (адносна Пакроўскай царквы, каб не даць забудоваць месца на Успенскай горцы). Быў напісаны ліст адносна стану беларускай мовы ў Віцебску на адрас аргкамітэта па падрыхтоўцы Пленума ЦК КПСС па нацыянальным пытанні. Сябры клуба ўжо ведалі, што падобны ліст быў накіраваны генеральнаму сакратару ад беларускай інтэлігенцыі 15.12.1986 г. і паўторны – 4.06.1987 г. [3, с. 202, 282–288]. У лісце ўзгорцы адзначалі, што беларуская мова павінна стаць дзяржаўнай, засяроджвалася ўвага на тым, што адсутнічае пераемнасць у вывучэнні мовы (дзіцячы садок – школа – інстытут), адсутнічаюць сацыяльна-палітычныя гарантыі функцыянавання беларускай мовы, давалася гістарычная даведка [15]. Была і рэакцыя на гэтую дзейнасць. У Віцебск прыязджалі адказныя асобы з Мінска і Масквы, якія звярталі ўвагу мясцовага кіраўніцтва на стан аховы помнікаў, на сітуацыю з мовай і культурай. Маўляў, «чаму грамадзяне звяртаюцца да нас,

быццам вы не можаце вырашыць сітуацыю на месцы самастойна». Такім чынам, можна адзначыць, што такі від дзейнасці даваў вялікі плён і прыводзіў да пэўных змен.

З 1988 года актывізуюцца кантакты «Узгор'я» з новастворанымі грамадскімі арганізацыямі і рухамі рэспублікі і СССР. Актыўныя члены клуба ўдзельнічалі ў сумесных пасяджэннях мінскіх групавак (напрыклад, «Талакі»), бралі ўдзел у акцыях і імпрэзах, якія яны праводзілі, а таксама ў сустрэчы актыву ў Маскве з міністрам культуры СССР В.Г. Захаравым.

Па прапанове членаў аб'яднання пры Віцебскім гарвыканкаме была створана камісія па ахове гісторыка-культурнай спадчыны, у склад якой увайшлі не толькі адказныя работнікі партыйных і савецкіх органаў, але і прадстаўнікі грамадства. Старшыней камісіі быў абраны В. Акуневіч, які працаваў на той час у абкаме кансультантам па нацыянальных адносінах. Сумеснымі намаганнямі ўдалося падрыхтаваць да рэстаўрацыі такія значныя для архітэктурнага вобліку г. Віцебска помнікі, як Пакроўская царква, касцёл Св. Варвары, не дазволіць забудову старажытнай часткі Віцебска (Успенская горка), пасляхова правесці археалагічныя раскопкі ў старажытнай частцы горада [17, 18].

Трэба адзначыць, што ў сітуацыі з помнікамі гісторыі і культуры ў Віцебску знішчэння шэрага з іх можна было б пазбегнуць. Пры будаўніцтве большасці аб'ектаў у горадзе архітэктары прадстаўлялі планы толькі ў гаркам КПБ, без абмеркавання з шырокімі коламі грамадскасці. Партыйнае кіраўніцтва, як правіла, пагаджалася з любымі прапановамі архітэктараў, якія спасылаліся на свой прафесіяналізм, кампетэнтнасць і дасведчанасць. У выніку руйнаваліся помнікі старасветчыны. Па стварэнні камісіі такая практыка стала немагчымай. Напрыклад, прыняцце генеральнага плана забудовы цэнтра горада было зроблена келейна, без абмеркавання. Грамадзяне, якім быў неабыхавы лёс гістарычнай спадчыны горада, сярод якіх было шмат удзельнікаў клуба «Узгор'е», сталі пісаць лісты ў партыйныя ўстановы, артыкулы ў газеты. Паўторнае абмеркаванне адбылося ўжо ў прысутнасці камісіі па ахове помнікаў гісторыі і культуры. Члены камісіі, якія адстойвалі думку грамадства, выказаліся адназначна – гістарычны цэнтр горада мусіць быць адноўлены. Архітэктары не пагаджаліся, лічылі, што будучыня цэнтра ў новабудоўлі, спасылаючыся на свой досвед і кампетэнтнасць. Грамадства апаніравала, гаворачы, што прафесіяналы не заўсёды кажуць праўду, прыводзіла прыклады з замежнага досведу, нагадвала пра аднаўленне гістарычнага цэнтра Варшавы, Будапешта.

На вялікі жаль, не ўсе планы таварыства здзейсніліся. Не атрымалася стварыць майстэрні народнага мастацтва пры гарадскім цэнтры культуры, зрабіць галерэю выдатных ураджэнцаў Віцебшчыны, адкрыць помнік Грунвальдскай бітве. Планаваў клуб прычыніцца да стварэння музея «Старажытны Віцебск», які збіраліся арганізаваць у горадзе па выніку раскопак, што актыўна праводзіліся ў горадзе ў 1970–1980-я гады. На той час было знойдзена шмат добра захаваных рэшткаў драўляных забудов і планавалася адкрыццё археалагічнага музея па ўзоры музея «Старажытнае Бярэсце», які існаваў у Бярэсце. Саветам міністраў БССР была прынята Пастанова «Аб стварэнні ў г. Віцебску археалагічнага музея» ад 11 сакавіка 1980 г. [19]. На жаль, эканамічны крызіс не дазволіў спраўдзіцца гэтым цікавым ідэям.

Пік актыўнасці культурна-асветніцкага аб'яднання «Узгор'е» прыйшоўся на канец 1980-х гадоў. У пачатку 90-х гг. XX стагоддзя, калі пачынаецца актыўная палітызацыя грамадства, выкліканая нарастаючым сацыяльна-палітычным крызісам, развалам СССР, эканамічнымі цяжкасцямі, большасць актыўных членаў клуба пачынае прымаць удзел у палітычнай барацьбе. Пэўная частка ўдзельнікаў, падзяляючы погляды БНФ «Адраджэнне», становіцца членамі гэтай арганізацыі. Пытанні культуры і гісторыі ва ўмовах, што склаліся на той час, адыходзяць на другі план. Па прычыне палітычнай барацьбы да аб'яднання далучаюцца людзі, якія далёка стаялі ад ідэй аховы культурнай

спадчыны Віцебска, але ў гэтай барацьбе жадалі выкарыстаць магчымасці і аўтарытэт клуба. Да ўсяго «далучаецца» эканамічны крызіс, які паставіў перад грамадствам зусім іншыя задачы. Лёс «Узгор'я» у гэтым вельмі нагадвае лёс іншых беларускіх грамадскіх таварыстваў («Талака», «Паходня»), якія спынілі сваю дзейнасць на пачатку 1990-х гадоў. Патрэбна адзначыць, што падобныя тэндэнцыі адбываліся не толькі ў грамадскіх культурна-асветніцкіх арганізацыях Беларусі [3, с. 94]. Фактычна на гэты час спыніла сваю дзейнасць Віцебскае абласное аддзяленне Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры.

Дзейнасць клуба была вельмі важнай і карыснай яшчэ і таму, што па прычыне закрыцця на рэканструкцыю абласнога краязнаўчага музея, яно фактычна адыгрывала ролю метадычнага цэнтра па вывучэнні гісторыі Віцебска і ахове помнікаў гісторыі і культуры [14].

Абагульняючы, трэба адзначыць, што дзякуючы дзейнасці аб'яднання «Узгор'е» адбыўся пералом у грамадскай думцы віцеблян адносна помнікаў гісторыі і культуры, зменены іх адносіны да захавання нацыянальнай спадчыны.

ЛІТАРАТУРА

1. **Данилюк Ю.З.** Общественные формы охраны памятников истории Украины на современном этапе // Историческое краеведение в СССР: Вопросы теории и практики. – Киев, 1991. – С. 243.
2. **Новік Я.К., Жданко Л.Ю.** Беларусь у перыяд правядзення рэформ: сучасныя праблемы сацыяльна-эканамічнага, палітычнага і культурнага развіцця (1985–1995 гг.). – Мн., 1995.
3. **Денисюк О.Л.** Неформальные объединения, общественно-политические движения, партии в СССР: предпосылки, становление, развитие (1985–1991 гг.). – Мн., 2003. – С. 100.
4. **«Паходня»** // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 5. – Мн., 1999. – С. 452.
5. **«Талака»** // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. – Мн., 2001. – С. 495.
6. **Екадумаў А.** Культурныя рэаліі беларуска-расійскай інтэграцыі. – С. 173–221 // Беларуская-расійская інтэграцыя. Аналітычныя артыкулы. – Мн., 2002. – 312 с.
7. **Ткачоў М.** Паходня: Кніга публіцыстыкі. – Мн., 1994. – 288 с.
8. **Статут клуба «Узгор'е»** // Бягучы архіў Віцебскага аддзела БДТАПГіК. – С. 1.
9. **Паўлаў М.** Клуб аматараў старажытнасці // Віцебскі рабочы, 1987, 17 студзеня. – С. 2.
10. **Паўлаў М.** «Узгор'е» // Віцебскі рабочы, 1986, 12 сакавіка. – С. 4.
11. **Узгор'е** // Советская Белоруссия, 1986, 30 сакавіка. – С. 4.
12. **Праграма абласной навукова-практычнай канферэнцыі па гістарычнаму краязнаўству, 16–17 студзеня 1990 года** // Бягучы архіў Віцебскага абласнога аддзялення БДТАПГіК. – С. 9.
13. **Сарокіна Т.** Памочнікі рэстаўратараў // Віцебскі рабочы, 1987, 21 кастрычніка. – С. 4.
14. **Навумчык С.** «Закрытых паседжанняў не робім» // Чырвоная змена, 1989, 7 студзеня. – С. 3.
15. **Наумчик С.** Сберегающие память // Знамя юности, 1987, 2 красавіка. – С. 2.
16. **Федоров В.** Сквозь глубь столетий // Сельская газета, 1987, 3 сакавіка. – С. 4.
17. **Перабудова і мы: урокі, спадзяванні, трывогі** // ЛіМ, 1989, 13 студзеня. – С. 3.
18. **Плавінскі М.** Узважыць «за» і «супраць» // Віцебскі рабочы, 1989, 26 жніўня.
19. **Постановление Совета министров БССР № 111 от 11 марта 1980 г. «О создании в г. Витебске археологического музея – филиала Витебского областного краеведческого музея** // ЭБД «Эталон». Віцебская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна.

S U M M A R Y

The article throws light upon unknown pages of the history of Vitebsk non-governmental organization Uzgorje, which played an active role in social & cultural life of the city at the end of the 1980s – beginning of the 1990s.

Поступила в редакцию 27.03.04

О.И. Пушкина

Брак как критерий оценки женского успеха и модели его достижения в сказках ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Каждый человек с момента рождения включается в общественную жизнь, усваивает социальный опыт, знания, ценности и нормы поведения, выработанные предыдущими поколениями. Этот процесс начинается с детства и продолжается всю жизнь. Однако волею обстоятельств человек оказывается погруженным в тот или иной культурный контекст, из которого и черпает знания об отличительных особенностях окружающего мира. Именно культурный контекст является определяющим для усвоения человеком гендерных ролей и моделей, которые приобретаются с самого раннего возраста. Уже в самом раннем детстве человек знакомится с культурным наследием своего народа посредством сказок. В наше время слишком малое внимание уделяется изучению влияния сказок на человека, что в корне неверно. Сказки являются носителями и передатчиками культурных стереотипов, выработанных рядом поколений. Их отражением являются имена главных героев, словесное оформление мотивации их поступков, язык сказки. В сказках нашли отражение традиционные модели поведения человека, сопровождавшие его в процессе социализации. Их исследование может способствовать более полному пониманию многих явлений современности. Зафиксированные в сказках нормы и правила позволяли избегать ошибок и создавать модели правильного, «успешного» поведения. Интерес представляет анализ моделей достижения успеха женскими персонажами восточнославянских сказок.

Практически все волшебные сказки заканчиваются свадьбой, которую принято расценивать как наивысшее достижение успеха. В современном обществе традиционно «успешность» либо «не-успешность» женщины продолжает анализироваться с точки зрения ее семейного положения: замужем она или нет. Такой критерий оценки женского успеха присутствует уже в сказке. В данном случае женские модели достижения успешности можно разделить на активные и пассивные.

Прежде чем начать анализировать эти модели, следует обратить внимание на некоторые особенности женских и девичьих персонажей. В восточнославянских сказках героиня не может быть изучена как самостоятельная личность. В них даже не дается описание ее внешности. На протяжении длительного времени так и не был выработан даже примитивный канон женской красоты, как, например, в сказках «Тысячи и одной ночи». В лучшем случае о красоте героини говорится «красна девица», «ненаглядная краса», «ни в сказке сказать, ни пером описать». Можно предположить, что внешние признаки героини не являлись определяющими. Более пристальное внимание уделялось ее действиям. Следует отметить, что в сказках, где подчеркивалась красота героинь, не встречалось упоминания об их умственных способностях. О личных качествах героини мы узнаем опосредованно, через восприятие ее героем, а также через их взаимоотношения. Чаще всего уже при первом знакомстве с героиней мы узнаем о ее мудрости. В сказках она нередко наделяется эпитетом «премудрая». «По мере развития интриги мудрость героини проявляется не сама по себе, а служит глав-

ным аргументом в ее отношениях с мужскими персонажами, чаще всего – с главным героем... всякий раз мы получаем представление о женской мудрости через мужское восприятие» [1]. В иных случаях женские персонажи обладают различными атрибутами премудрости – волшебной книгой, волшебными предметами и помощниками. Эти признаки в сказках часто сочетаются. Следует отметить, что бинарность, характерная как для славянской сказки, так и для славянской мифологии в целом, проявляется именно в противопоставлении ума и глупости. Яркой иллюстрацией этого являются образ «мудрой девы/жены» и мужской образ «дурака».

Активные героини в сказках по сравнению не только с героем, но и другими женскими персонажами очень часто выделяются своим происхождением (невеста-царевна) или именем (Василиса в переводе означает «царица», Марфа – «владычица»). Уже в начале сказки такая героиня стимулирует поступки героя, является для него направляющей силой. Прежде, чем вступать в брак, она испытывает жениха, задавая «трудные задачи». Иногда невеста-царевна изображается богатыркой, воительницей, и испытание жениха может принять формы открытого состязания с героем. Однако весьма распространенным является сюжет, когда героя испытывает отец невесты. В данной ситуации вся женская активность направлена на оказание всяческой помощи своему жениху. Он жалуется на невыполнимость задачи, даже не предприняв никаких попыток к ее разрешению. Одновременно трудная задача вызывает в герое «черную удаль»: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать». И, только благодаря помощи невесты, жених достигает успеха. Часто активная модель поведения женских персонажей в сказках стимулирует пассивность героя. И такой стиль поведения часто поощряет сама героиня, говоря ему: «Ложись спать – утро вечера мудренее». Во время сна героя невеста обращается за советом к волшебным книгам и предметам, отдает приказания своим помощникам. В итоге героиня, выполнив трудную задачу вместо своего жениха, становится его законной супругой. Такая модель достижения успеха в восточнославянских сказках широко распространена.

Яркой иллюстрацией женской активной модели являются сказки о Царевне-лягушке. Царь, желая женить своих сыновей, дает каждому по стреле: «Куда стрела упадет – там и невесту ищите». Стрела является фаллическим символом. Однако, «отстрелявшись», сыновья норовят забрать стрелы у своих невест, не желая связывать себя узами брака. И только благодаря настойчивости девушек царицы не нарушают данное царю-батюшке слово. Следует отметить, что в сказках негативное развитие событий происходит из-за преднамеренного или случайного нарушения мужскими персонажами норм и обязательств. Отсутствие волевых, деятельных импульсов у героев в русской сказке напоминает, по мнению В.И. Мильдона, психологию ребенка, которого надо направлять, за которым надо следить [2]. Иногда этот ребенок, забывшись, не удержавшись, нарушает наставления и запреты. И это происходит потому, что в данный момент рядом не было женщины. Своеволие как проявление активности мужчиной служит причиной бед. Герой, подобно ребенку, сонлив, доверчив, не может предвидеть следующий шаг, причем вне зависимости от возраста. Именно в сказках восточных славян женщина является талисманом-оберегом для мужчины вне зависимости от того, кем она ему приходится: невестой, женой, сестрой или матерью. Стремясь оберегать и контролировать действия мужчины, героиня часто теряет свою свободу. Она начинает проживать его жизнь вместо своей, воспринимая его заботы и проблемы, как свои собственные.

Еще одним примером проявления активности героинь в сказке является сюжет клеймения героя. Невеста метит жениха клеймом, чтобы в дальнейшем его опознать и выйти замуж. Такая линия развития является отголоском

архаических времен, когда при вступлении в род жены проводились обряды посвящения мужа. Подобные аналоги инициации и принятия в род до сих пор бытуют у народов, ведущих первобытный образ жизни.

В сказках наряду с активной моделью поведения для женских персонажей выработалась и пассивная модель. Как отмечает В.Н. Люсин, «с какого-то момента активный женский сценарий подвергся подавлению, «вытеснению». Сакральность женщины переосмысливается – отныне всякая женщина, отклоняющаяся от нормы, фигурирует в народных верованиях как ведьма» [3]. Такой трансформации подвергся один из наиболее активных женских персонажей – Баба-Яга. Многие детали сказок, повествующие о страшной Бабе-Яге, позволяют предположить, что изначально она воспринималась как богиня-прародительница, берегиня, повелительница мира и некогда считалась верховным божеством. В результате перехода от матриархата к патриархату, от потребляющего хозяйства к производящему, с приходом христианства образ языческой богини изменился, и она стала демоническим существом.

Постепенно формируется образец «хорошей девушки/женщины», для которой типичной становится пассивная модель поведения. Именно падчерица, находящаяся под гнетом мачехи и ее дочек, в конце сказки награждается мужем-царевичем. Следует обратить внимание на особенное отношение в сказках к младшей дочери или сестре. Именно на долю младшенькой выпадают самые тяжелые испытания. Психолог В. Мершавка считает, что именно она, а не старшие сестры, является воплощением трансформации женственности. Он также подчеркивает ее характерную символику «скрытой красоты», подобно кукле-матрешке, символизирующей бесконечный процесс раскрытия скрытой тайны, т.е. красоты русской женщины [1, с. 93–94].

Следует отметить, что мотив противодействия двух женщин в сказках весьма распространен. Очень часто главным врагом героини является именно другая женщина: мачеха, Баба-Яга, сестра и пр. Это может являться отражением сложившихся за долгое время социальных практик: соперничество женщин за одного мужчину в условиях патриархального многоженства. Однако во многих текстах наблюдается парадокс: активная женщина, обладающая большими знаниями, силой и властью, проигрывает пассивной, инфантильной женщине в борьбе за мужчину. Возможно, причина данного противоречия в том, что издавна понятия брака и смерти отождествлялись. Этнографы и фольклористы отмечают сходство между свадебными и похоронными обрядами у восточных славян. Яркой иллюстрацией этого является сохранившийся до наших дней древний ритуал так называемых «кукушкиных похорон». Перед свадьбой деревенские девушки удалялись в лес, пели печальные культовые песни, в которых говорилось о том, что брак будет бременем и тяжелой ношей. Кульминацией ритуала были похороны символической куклы, называемой «кукушкой». Ее либо хоронили в лесу, либо пускали по воде, украшенную венком. Являясь наследием древних культов, этот обряд – символический акт прощания с царством Великой Матери: ведь именно кукушка была наиболее древним религиозным синонимом Богини-Матери. Девушка перед вступлением в брак в образе куклы отдавала часть самой себя стихиям Великой Матери – Земле и Воде. Для сильной, самостоятельной женщины брак представляется как смерть женской индивидуальности и независимости. Падчерице, не знавшей свободы, нечего терять, и она не боится замужества. В патриархальном обществе брак для нее является символом достижения успеха. Получая в награду мужа из высшего сословия, падчерица тем самым повышает свой социальный статус. Таким образом, в сказке идеализируется пассивная модель женского поведения, а активный сценарий женского поведения постепенно уничижается.

Переход в сказках активной женской модели в пассивную можно проследить и на других примерах. Например, выдающийся русский исследователь сказок В.Я. Пропп, основываясь не на личных качествах героинь, а на ходе действия сказки, выделял два типа невест. Первый – тип кроткой невесты, которая была освобождена от змея героем-спасителем. Во втором случае героиня берется в жены насильно (похищается, берется против воли хитрецом, разгадавшем ее загадки, либо во сне). Здесь следует отметить, что ни в одном, ни во втором случае не обращается внимание на волеизъявление самой героини. В.Я. Пропп обращал внимание на двойственность невесты-царевны. С одной стороны, она – верная невеста, ожидает своего суженого и отказывает остальным женихам. С другой – «существо коварное, мстительное и злое, она всегда готова убить, утопить, искалечить, обокрасть своего жениха, и главная задача героя, дошедшего или почти дошедшего до ее обладания, – это укротить ее» [4]. Процесс укрощения заключался иногда и в использовании грубой мужской силы: жених прутьями хлестал свою избранницу. Как ни странно, но до сих пор сохранилось представление о побоях как одной из форм проявления любви. Достаточно часто можно услышать весьма неоднозначное высказывание: «Бьет, значит, любит», или еще более парадоксальное: «Не бьет, значит, не любит».

В сказках существует еще одна разновидность брака, когда невеста добровольно выходит замуж за «чудище лесное». В древние времена брак ассоциировался с жертвоприношением. Сказочные избранницы, приносимые в жертву дракону или морскому царю, отличались красотой и назывались невестами. Подобный сюжет был заимствован С. Аксаковым для сказки «Аленький цветочек». Сюжет данной сказки является зеркальным отражением западноевропейской сказки о Спящей красавице с переменной ролей. Современный исследователь русской сказки В.Н. Люсин отмечает, что «точно так же несчастные женщины устраивают себе «подвиг», десятилетиями нянчась с мужьями-алкоголиками... Подобные сценарии «спасения» чрезвычайно живучи и сами просятся в мазохистское сознание, шантажируя его возможностью исполнения мечты...» [3, с. 99].

Доминирование пассивной модели, утвердившейся в сказках и усвоенной в раннем детстве на подсознательном уровне, может проявляться и в дальнейшем. Представление о замужестве как показателе успешности может приводить к тому, что женщина будет готова заключить брак хоть со «зверем лесным», хоть «с чудом морским», надеясь с помощью своей любви сделать из него прекрасного принца, героя своей мечты. Прямое подражание активному женскому сценарию может приводить к тому, что женщина всеми силами будет оберегать своего героя, холить и лелеять его, выполняя вместо него «трудные задачи». Обе крайности не могут способствовать гармоничному развитию женской личности, а, следовательно, и ее успеху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мершавка В. Кто же «она» такая... Психея или Василиса Прекрасная? // Р.А. Джонсон. Она. Глубинные аспекты женской психологии. – Харьков, 1996. – С. 112.
2. Мильдон В.И. Сказка – ложь... // Вопросы философии, 2001, № 5.
3. Люсин В.Н. Особость архетипов женского/девичьего успеха в русской сказке // Общественные науки и современность, 2000, № 4. – С. 95.
4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986. – С. 298.

S U M M A R Y

The author has considered a marriage as criterion of an estimation of the woman's success and investigated models of its achievement in eastern-slavic fairy tales.

Поступила в редакцию 30.01.2004

Антикризисное управление экономически несостоятельным предприятием: оперативный и стратегический аспекты

Экономическая несостоятельность субъекта предпринимательской деятельности наступает вследствие постепенного, достаточно длительного процесса взаимодействия различных неблагоприятных факторов в условиях отсутствия или недостаточности уделяемого менеджментом внимания угрозам внешней среды и слабым сторонам деятельности предприятия. Она характеризуется устойчивой неплатежеспособностью и невозможностью осуществлять даже простое воспроизводство, что требует использования особых подходов к управлению предприятием, которое мы будем рассматривать как антикризисное управление при осуществлении процедур банкротства и досудебного оздоровления.

В процессе антикризисного управления должны быть решены две важнейшие задачи: 1) восстановление платежеспособности, предоставление возможности дальнейшего функционирования; 2) реструктуризация предприятия, вывод его на новый уровень развития. Исходя из этого, необходимо выделять оперативный и стратегический уровень антикризисного управления. Основные подходы и элементы таких действий теоретически достаточно проработаны, имеется обширная практика их осуществления [1, 2, 3]. Однако в Беларуси существует определенная специфика социально-экономических отношений, в результате чего не может быть слепо скопирован даже российский опыт антикризисного управления, не говоря уже о практике проведения такой работы в странах дальнего зарубежья. С учетом этих особенностей, а также практики работы белорусских антикризисных управляющих целесообразно выработать приемлемый для наших условий вариант плана действий.

Оперативное антикризисное управление можно представить как комплекс мероприятий по восстановлению платежеспособности хозяйствующего субъекта, осуществляемых в ограниченный, как правило, несколькими месяцами промежуток времени. Жесткие временные рамки, отсутствие внутренних резервов и возможности быстрого привлечения внешних инвестиций обуславливают специфику действий, при которых вероятно возникновение потерь стоимости активов предприятия в номинальном выражении.

Задачами оперативного антикризисного управления являются максимизация доходов и экономия ресурсов, а реализованы они могут быть посредством проведения работы по следующим основным направлениям:

- увеличение объемов поступления денежных средств;
- ускорение оборачиваемости оборотных средств;
- рациональное использование и реструктуризация кредиторской задолженности;
- снижение величины и оптимизация структуры затрат, а также использования денежных средств по другим направлениям;

- управление денежными средствами;
- уменьшение величины обязательных платежей в бюджет;
- присоединение к более сильному хозяйствующему субъекту;
- продажа предприятия-должника.

Увеличение объемов поступления денежных средств может быть достигнуто несколькими способами:

- увеличение объемов продаж за счет активизации маркетинговой деятельности, выделения и увеличения производства наиболее рентабельной продукции и прекращения выпуска убыточных товаров;
- распродажа запасов готовой продукции со скидками;
- продажа или сдача в аренду неиспользуемых основных средств, нематериальных активов, вложений во внеоборотные активы;
- продажа финансовых вложений;
- продажа не являющихся критическими для обеспечения работы предприятия запасов сырья, материалов и других материальных ценностей;
- истребование, продажа или факторинг дебиторской задолженности;
- привлечение кредитных ресурсов по договору цессии или на иных условиях, предлагаемых организациями кредитно-финансовой системы;
- продажа осуществляемых инвестиционных проектов;
- финансовая помощь собственников предприятия, заинтересованных в продолжении его деятельности контрагентов или государства;
- получение финансирования путем наращивания уставного капитала существующими или новыми собственниками предприятия.

Ускорение оборачиваемости оборотных средств может реализовываться посредством:

- снижения до минимальных величин норм и нормативов запасов оборотных активов;
- уменьшения сроков выполнения заказов поставщиками;
- совершенствования работы в области хранения и отпуска в производство материально-технических ресурсов;
- стимулирования покупателей к более быстрой оплате поставленной продукции путем предоставления им скидок в зависимости от срока оплаты;
- упорядочения взаимоотношений с дебиторами, установления лимитов отпуска продукции в зависимости от их надежности, поиска новых клиентов;
- установления зависимости оплаты труда работников маркетинговых и сбытовых служб от объемов продаж и сроков оплаты поставленной продукции клиентами, с которыми они работают.

Рациональное использование и реструктуризация кредиторской задолженности обеспечивается путем:

- пересмотра условий и сроков выплаты долга кредиторам, основой которого должен быть убедительный план развития предприятия, показывающий, что при таком развитии ситуации они потеряют меньше, чем при его ликвидации и распродаже имущества по частям;
- поиска поставщиков, работающих на более выгодных для предприятия условиях;
- установления особых отношений с важнейшими поставщиками;
- откладывания осуществления платежей менее важным и настойчивым кредиторам;
- изыскания более выгодных для предприятия схем платежей;
- проведения двустороннего или многостороннего взаимозачета.

Снижение величины и оптимизация структуры затрат, а также использования денежных средств по другим направлениям может быть достигнуто следующими способами:

- налаживанием эффективной системы учета затрат, дающей возможность их определения по видам производств, структурным подразделениям, видам продукции, экономическим элементам и калькуляционным статьям, выделения переменных и условно-постоянных, прямых и косвенных, основных и накладных расходов;
- упрощением организационной структуры, сокращением аппарата управления и затрат на оплату труда;
- сокращением непроизводственных расходов, продаж или передачей объектов социально-культурной сферы;
- сокращением затрат на оплату труда путем приведения в соответствие численности работающих объемам выпускаемой продукции, установления соответствующих обстоятельствам форм и систем оплаты труда;
- сокращением материальных затрат путем замены используемых ресурсов на более дешевые там, где это возможно; самостоятельного производства отдельных необходимых компонентов, выполнения работ или, наоборот, отказа от этого; внедрения ресурсосберегающих технологий;
- пересмотром и сокращением расходов, оплачиваемых за счет прибыли;
- приостановкой реализации или изменением графика финансирования осуществляемых инвестиционных проектов;
- переводом, по возможности, своей деятельности в более дешевое место;
- снижением величины амортизационных отчислений за счет выбытия или консервации основных фондов либо изменения амортизационной политики;
- остановкой производств, генерирующих убытки;
- использованием аренды (лизинга) основных средств;
- отказом от исполнения договоров, влекущих получение убытков.

Управление денежными средствами заключается в планировании, организации и контроле движения финансовых ресурсов с помощью:

- проектирования притоков и оттоков наличности с максимально возможной степенью детализации на основе пессимистического сценария;
- ежедневного контроля за поступлением и расходованием средств;
- предоставления полномочий распоряжения денежными средствами одному-двум руководителям;
- вменения в обязанность одному из руководителей контроля над поступлением оплаты за поставленную продукцию, реализованные активы.

Уменьшение величины обязательных платежей может быть обеспечено при реализации следующих мероприятий:

- снижения расходов на оплату труда, а соответственно и отчислений в фонд социальной защиты населения;
- консервации неиспользуемых производственных мощностей, влекущей за собой уменьшение величины налога на недвижимость.

Присоединение к более сильному хозяйствующему субъекту (или их слияние) является реальной возможностью оживления деятельности, сохранения бизнеса, пусть и под контролем другого собственника. При этом не только имущество, но и долги, а также все остальные проблемы предприятия переходят к другому субъекту предпринимательской деятельности.

Продажа предприятия должника единым имущественным комплексом – самый радикальный способ восстановления платежеспособности. Фактически речь идет о реализации одной из основных функций института банкротства – перераспределения собственности к более эффективно хозяйствующим субъектам предпринимательской деятельности. В таком случае за счет средств, полученных от продажи единого имущественного комплекса, как правило, могут быть удовлетворены все требования кредиторов, а предприятие получает возможность продолжить функционирование «с чистого листа», без долгов и, возможно, в иной организационно-правовой форме. Основ-

ными пострадавшими при этом становятся прежние собственники предприятия, не обеспечившие его эффективную работу.

Два последних направления только условно можно рассматривать в качестве элементов оперативного антикризисного управления. Фактически они предполагают формальный вывод предприятия из кризисного состояния путем ликвидации (видоизменения) его прежней внешней оболочки, определяемой организационно-правовой формой и составом собственников. Их реализация чаще всего не означает, что отсутствует необходимость в дальнейшей трансформации бизнеса, просто данная задача ложится на плечи новых собственников, а не антикризисного управляющего и выполняется вне рамок процедур банкротства.

Таким образом, оперативное антикризисное управление является процессом разработки и реализации программы стабилизации текущей деятельности, консолидации, восстановления платежеспособности и прибыльности предприятия.

Однако для поддержания положительных тенденций в долгосрочном периоде, вывода предприятия на новый уровень развития во многих случаях нельзя ограничиваться только реализацией программы стабилизации, что часто рассматривается в качестве конечной цели антикризисными управляющими. При осуществлении процедуры досудебного оздоровления большинства предприятий или санации предприятий увядающих отраслей, градообразующих и работающих в отраслях, подвергающихся жесткому государственному регулированию, необходимо обеспечить устойчивость их деятельности в долгосрочной перспективе.

Между краткосрочными и долгосрочными программами имеются существенные противоречия, проявляющиеся, во-первых, в целях и способах их достижения – для программы стабилизации это быстрый выход на прибыльную деятельность за счет экономии затрат и увеличения доходов, что препятствует достижению длительного устойчивого положения на рынке за счет реструктуризации, внедрения инноваций и маркетинговых усилий, требующих значительных затрат для осуществления программы трансформации; и, во-вторых, во времени проявления эффекта реализации программы – положительное воздействие программы стабилизации на финансовое состояние предприятия проявляется быстро, а отрицательные последствия консервации существующей ситуации только через ряд лет, для программы трансформации характерно негативное воздействие ее реализации на текущую прибыль и достижение конкурентных преимуществ на рынке через годы¹. Эти противоречия проявляются в типах стратегического поведения, которых придерживается компания: консервативном, с помощью которого пытаются сохранить неизменным достигнутое когда-то положение; постепенных изменений в деятельности вслед за изменениями внешней среды; бессистемных изменений, когда несоответствие состоянию внешней среды очевидно, а четкой стратегии развития не выработано, и радикальных изменений в направлении достижения соответствия условиям внешней среды.

Так как мы говорим о кризисе как о свершившемся факте, о разработке программы выхода из него, то должны исходить из необходимости проведения радикальных преобразований, выраженных в формировании и реализации стратегии развития – программы реструктуризации, трансформации предприятия и бизнеса, осуществляемой в течение длительного периода времени в целях обеспечения их адаптации к изменяющимся условиям внешней среды, поддержания и увеличения конкурентоспособности.

Процесс выработки и реализации стратегии должен основываться на следующих подходах:

- создание позитивного морально-психологического климата в коллективе, осуществление перелома в упаднических настроениях людей, вызванных

¹ Это подтверждается множеством примеров из практики работы как иностранных, так и белорусских компаний [2, 4, 5, 6].

кризисом и проведением жестких мероприятий в рамках оперативного антикризисного управления;

- адекватное организационно-кадровое обеспечение, предусматривающее создание группы стратегического планирования высокого уровня; активизацию обучения и переподготовки персонала в целях развития потенциала работников и их способности осуществлять изменения; осуществление горизонтальной и вертикальной ротации управленческого персонала; приглашение на работу ценных специалистов других предприятий и выпускников вузов; налаживание тесных взаимоотношений с профильными научно-исследовательскими организациями или развитием собственных исследовательских подразделений;

- разработка концепции развития, которая должна определить целевые рынки, на которых будет работать предприятие; его конкурентные преимущества, т.е. уникальные деловые способности, знания, навыки, не поддающиеся полному воспроизведению другими; возможности и способы укрепления и развития конкурентных преимуществ;

- параллельность и однонаправленность мероприятий оперативного антикризисного управления и стратегии развития.

В качестве основных возможных направлений стратегии развития субъекта предпринимательской деятельности и его бизнеса могут быть предложены следующие:

- реструктуризация предприятия и бизнеса;
- развитие рынков сбыта продукции;
- развитие продукта;
- использование ранее не применявшихся видов ресурсов.

Реструктуризация предприятия и бизнеса заключается в кардинальном изменении их структуры, внутренних условий функционирования предприятия и включает в себя комплекс организационных, правовых, экономических и других мероприятий. Необходимость таких действий в ряде случаев обусловлена их крупными размерами, сложившимися в условиях специализации и разделения труда в рамках СССР и СЭВ, а также ориентацией на самодостаточность, самообеспечение практически всеми вспомогательными и обслуживающими процессами труда. Можно выделить внутреннюю и внешнюю реструктуризацию. К наиболее целесообразным способам проведения внутренней реструктуризации следует отнести:

- продажу объектов непроизводственной сферы, а также убыточных (низко rentабельных, неперспективных), а также тех производств, функционирование и развитие которых в составе предприятия в рамках выбранной стратегии признано нецелесообразным;
- выделение указанных объектов и производств, а также других подразделений на самостоятельный баланс с сохранением зависимости от головного предприятия (создание дочерних, зависимых предприятий и обществ);
- частичное обособление подразделений и производств в рамках существующего хозяйствующего субъекта, организация их работы в качестве филиалов или представительств либо на принципах внутреннего подряда;
- разделение крупного предприятия, имеющего много подразделений и осуществляющего различные виды деятельности, на автономные бизнес-единицы, независимые в определении как стратегических, так и текущих задач и способов их реализации и контролируемые головной компанией в вопросах распределения и использования финансов, решающей также вопросы разработки новых товаров, поиска новых рынков и областей деятельности.

Во всех случаях должна быть обоснована экономическая целесообразность таких действий, просчитано, что является более выгодным – собственное производство либо покупка полуфабрикатов, работ и услуг у сторонних или дочерних (зависимых) организаций, в том числе исходя из соображений

экономии затрат на поддержание их функционирования, изменения налоговых взаимоотношений, повышения эффективности деятельности в условиях самостоятельности, увеличения расходов на администрирование системы.

Внешняя реструктуризация обеспечивается интеграцией или диверсификацией бизнеса и может осуществляться по следующим направлениям:

- вертикальная интеграция, предполагающая развитие бизнеса за счет приобретения или установления контроля над поставщиками или покупателями (если это не конечные потребители) продукции предприятия;
- горизонтальная интеграция, обеспечивающая приобретение или установление контроля над предприятиями-конкурентами;
- конгломератная диверсификация, т.е. приобретение или установление контроля над предприятиями, выпускающими иные виды продукции либо осуществляющими другие виды деятельности.

Развитие рынков сбыта продукции может выражаться в концентрации бизнеса за счет:

- укрепления позиций на рынке, т.е. увеличения маркетинговых усилий для продвижения существующих продуктов на имеющихся рынках, увеличения доли предприятия на них;
- поиска новых рынков сбыта для уже существующих продуктов.

Развитие продукта проявляется в концентрации или диверсификации бизнеса путем:

- производства новых разновидностей и видов продукции, предназначенных для реализации на уже освоенных рынках и ориентированных на потребителей уже существующего продукта предприятия;
- производства новых видов продукции на существующей технической и технологической базе с выходом на новые рынки сбыта;
- производства новых видов продукции на базе ранее не использовавшихся технологий, новых способов производства и предназначенных для реализации на новых рынках.

Использование ранее не применявшихся видов ресурсов, т.е. употребление в качестве основных элементов продукции или технологических процессов вновь созданных, ранее считавшихся недоступными или нерациональными для использования источников и видов ресурсов.

Таким образом, во многих случаях вывод предприятия из кризисной ситуации и придание ему нового импульса в развитии могут быть обеспечены только посредством комплексного использования и сочетания мероприятий как оперативного, так и стратегического антикризисного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бобылева А.З.** Финансовое оздоровление фирмы: Теория и практика: Учеб. пособие. – М., 2003.
2. **Дойль П.** Маркетинг-менеджмент и стратегии. 3-е издание / Пер. с англ.; под ред. **Ю.Н. Каптуревского**. – СПб., 2003.
3. **Антикризисное управление:** Учебник / Под ред. **Э.М. Короткова**. – М., 2002.
4. **Якокка Ли.** Карьера менеджера / Пер. с англ. – М., 1991.
5. **Маненок Т.** Опередить конкурентов // Белорусский рынок, 2004, № 6.
6. **Алесин А.** «Беларус» круче, чем John Deere // Белорусский рынок, 2003, № 44.

S U M M A R Y

The essence and interrelation of operative and strategic levels of anticrisis management of enterprise are considered in the article. The conflicts between them necessity and possibilities of the coordination of their purposes and ways of realization are analyzed.

Поступила в редакцию 8.09.2004

Неформальная экономика и реформирующиеся общества

Термин «неформальная экономика» стал использоваться в 70-е годы XX века для обозначения экономической деятельности, которая имеет место за пределами занятости в крупных корпорациях общественного и частных секторов экономики. Английский социолог, первооткрыватель неформального сектора экономики в странах третьего мира Кейт Харт [1] отмечает, что этот термин возник в ответ на быстрое увеличение самозанятости и временной занятости в городах третьего мира, но позднее стал использоваться и по отношению к развитым обществам, где он применяется наряду с другими выражениями – «скрытая», «подпольная», «черная» и т.д. Формальная экономика, по Харту, является регулярной, упорядоченной и управляемой. Напротив, к неформальной экономике он относит все нестабильное, неправильное, непредсказуемое. Дуализм «формального – неформального» может проявляться в трех аспектах. Во-первых, неформальность может быть изменением содержания формы: так, уличные продавцы папирос невидимо завершают цепь, связывающую крупные зарубежные фирмы с потребителями; во-вторых, она может быть отрицанием формальных институтов, как это происходит при уклонении от налогов или при торговле наркотиками. Наконец, она может быть остатком чего-то формального либо чем-то более или менее независимым от него: так, жизнь крестьян в странах третьего мира часто настолько оторвана от городской, контролируемой государством, экономики, что их взаимодействие кажется просто невозможным [2].

Подлинный переворот в представлениях о роли и значении теневой экономики в современном рыночном хозяйстве произвела опубликованная в 1989 г. книга перуанского экономиста Эрнандо де Сото «Иной путь» [3]. Главное научное достижение Э. де Сото состоит в принципиально новом подходе к объяснению генезиса теневой экономики. Если ранее неформальный сектор считали маргинальным порождением отсталости и асоциальности, то де Сото подчеркнул революционно-прогрессивный потенциал неформальной экономики. После его исследований большую популярность приобретает точка зрения, согласно которой при определенных условиях неформальная деятельность становится с экономической точки зрения весьма полезной для общества, а неформальный сектор признается необходимой компонентой развивающейся рыночной экономики, новым и эффективным путем к капиталистическому развитию. Неформальная деятельность, согласно новому подходу, интерпретируется не как проявление дуализма и маргинализации, а как предпринимательство, которое пробивает себе дорогу в трудных условиях канцелярской зарегулированности. Ранее считалось, что легальный сектор является носителем современной экономической культуры, а теневой сектор – уродливым пережитком традиционной экономики. Перуанский экономист показал, что легальная экономика развивающихся стран опутана меркантилистскими узами, в то время как именно теневики устанавливают истинно демо-

кратический экономический порядок, организуя свое частное хозяйство на принципах свободной конкуренции.

Для того, чтобы выяснить причины широкого распространения в Перу неформальной экономики, руководимый Э. де Сото Институт свободы и демократии провел ряд экономических экспериментов для выяснения тех затрат, которые вынуждены нести предприниматели, желающие заняться обычным легальным бизнесом. В результате исследований выяснилось, что существующая в стране система полностью отсекает от участия в бизнесе людей с невысокими доходами, но зато дает обширный простор для коррупции. «Наше исследование показывает, – пишет Э. де Сото, – что готовность перуанцев действовать вне рамок закона в значительной степени есть результат рациональной... оценки издержек законопослушания» [3, с. 178]. Таким образом, делает вывод перуанский ученый, основной причиной теневой экономики следует считать нерациональный правовой режим, при котором «процветание компании в меньшей степени зависит от того, насколько хорошо она работает, и в большей – от издержек, налагаемых на нее законом. Предприниматель, который лучше манипулирует этими издержками или связями с чиновниками, оказывается более успешным, чем тот, кто озабочен лишь производством» [3, с. 189].

Отмеченные закономерности функционирования теневой экономики существуют и на постсоветском пространстве, более того ее элементы были и в СССР. В советское время теневая экономика состояла из трех частей. Первая часть – «легкая», то есть хозяйственная деятельность, не контролировавшаяся властями, прямо не связанная с нарушением законов, но балансирующая на его грани, или же активность в сферах, которые закон не регламентировал вообще. Вторая часть – «средняя» – представляла собой нарушение советских законов, но легитимная в странах с рыночной экономикой. Третья часть – «тяжелая», связанная с прямым нарушением законов, как советских, так и принятых в странах с рыночной экономикой. К «легкой» теневой экономике относились, например, несанкционированная дополнительная занятость (люди, числящиеся на работе, но реально не работающие, большую часть зарплаты которых получали и распределяли руководители) или деятельность «толкачей» – работников, выбивающих для своего предприятия дополнительные ресурсы; к «средней» – частное предпринимательство, валютные операции, бартерные сделки, оказание за плату услуг в частном порядке; к «тяжелой» – торговля наркотиками, воровство, коррупция, мошенничество, рэкет [4]. Практически все директора предприятий и большая часть линейных руководителей регулярно осуществляли деятельность в рамках «легкой» и «средней» теневой экономики. В работе руководителей таких отраслей, как агропромышленный комплекс, строительство, нефтехимия, торговля, легкая и пищевая промышленность, жилищно-коммунальное хозяйство была постоянная теневая составляющая. Л. Косалс отмечает, что в 70-е – начале 80-х годов теневая деятельность стала элементом социально-экономической системы, превратилась в экономический институт советского общества [4, с. 62].

Как экономический институт, теневая экономика обладала социальной структурой, в ее рамках люди имели определенный социальный статус и играли конкретные социальные роли. Все знали, что такие роли существуют, что они необходимы и без них производство нормально функционировать не может. В результате сформировалась экономика, параллельная легальной, без которой последняя уже не могла работать. В официальной экономике теневая выполняла две важные функции. Первая – экономическая – заключалась в компенсации недостатков работы официальной советской. Вторая –

социальная – заключалась в обеспечении социальной ниши для предприимчивых людей, которые не смогли найти себя в официальных структурах и стремившихся самореализоваться, владеть собственностью, получать за свой труд адекватное вознаграждение. Теневая экономика представляла определенную отдушину для самой предприимчивой части советского общества и пусть в уродливой форме, но выполняла функцию ее самореализации. Так как теневая экономика была сформировавшимся экономическим институтом советского общества, она не могла в одночасье исчезнуть даже при самых благоприятных условиях.

После развала СССР масштаб развития теневой экономики в России стал таким, что в ней возник «теневой капитализм». Одними из его важнейших черт Л. Косалс считает институализацию теневой экономики, превращение ее в устойчивый элемент экономической системы, тесное переплетение с легальной хозяйственной деятельностью, а также огромные объемы [4, с. 59]. Существовало мнение, что по мере продвижения страны к капитализму масштабы теневой экономики будут сокращаться, а легальной – возрастать. В действительности произошло все наоборот. По данным Российского МВД в 1990–1991 гг. в теневой экономике производилось 10–11% ВВП. В 1993 г. эта доля составила 27%, в 1994 г. – 39%, в 1995 г. – 45%, в 1996 г. – 46% [4, с. 59]. По тем же данным, с теневой экономикой так или иначе связаны примерно 58–60 млн. человек, причем ее размеры в России, да и в других странах СНГ, велики и продолжают расти. Согласно исследованию «Рост теневой экономики во всем мире», проведенному Ф. Шнайдером и Д. Энсте, нелегальный сектор есть практически в любой стране. Речь идет о вполне законной деятельности – просто ее скрывают от государства, чтобы не платить налоги. В бывшем СССР, согласно данному исследованию, объемы неформальной экономики в процентах от ВВП составляют: Азербайджан – 59,3; Беларусь – 19,1; Эстония – 18,5; Грузия – 63,0; Казахстан – 34,2; Латвия – 34,8; Литва – 25,2; Молдова – 37,7; Россия – 41,0; Украина – 47,3; Узбекистан – 8,0. В бывшем соцлагере по объему неформальной экономики лидируют Болгария – 32,7%, Хорватия – 28,5% и Венгрия – 28,4%, замыкают список Словакия – 10,2% и Польша – 13,2% [2].

Что же обуславливает такое положение дел? Главной причиной роста теневой экономики в реформирующихся обществах многие исследователи называют «незавершенную либерализацию» [5]. Из всего набора «экономических свобод» одни были введены, другие – нет, одно делать было можно, а другое – нельзя. В тех сферах, где свободу формально разрешили, отсутствовали ее гарантии, защита со стороны государства, преобразования были проведены так, что сформировали у населения и деловых людей «комплекс гиперприватности» – боязнь привлечь к себе, своей деятельности и своей организации внимание государства и должностных лиц даже тогда, когда никаких нарушений правил и законов не было. Люди перестали доверять власти, у них возникло стремление полностью исключить какие-либо контакты с государством и чиновниками [4, с. 64].

Отметим, что теневые отношения существуют не только в сфере экономики. За последнее время область теневых отношений заметно расширилась на всем постсоветском пространстве. По мнению Р.В. Рывкиной, сегодня теневое поведение наблюдается не только в экономике, но и в политике, в сфере правопорядка, в армии, в СМИ, в сферах образования, здравоохранения, культуры и науки, в межнациональных и межрегиональных отношениях. «Не будет преувеличением считать, – отмечает Р.В. Рывкина, – что теневые про-

цессы наблюдаются во всех «порах» общества, причем как на макро-, так и на микроуровне» [6]. Круг включенных в теневое поведение сегодня стал заметно шире, чем в начале 1990-х гг. В него входят не только субъекты экономики (бизнесмены, предприниматели, директора государственных предприятий и др.), но и политики, включая чиновников «высшего эшелона», работники силовых структур (от прокуроров и генералов до рядовых милиционеров), ученые, врачи, преподаватели всех видов учебных заведений, спортсмены, работники культуры и т.д. «В современной России, – констатирует Р.В. Рывкина, – теневые процессы захлестнули не только экономику, но и российское общество в целом» [6, с. 3]. Такой ситуации не удалось избежать ни одной стране, ступившей на путь реформирования. В обществе происходит «постепенное расширение масштабов теневых процессов за рамки экономики, то есть «захват» ими все новых и новых сфер жизни страны.

Однако между теневыми процессами в социальной сфере и нелегальной экономикой существуют важные отличия. Первое из них состоит в «широте захвата». Второе существенное отличие заключается в том, что в социальной сфере результатом теневой деятельности являются не сами деньги или какая-то конвертируемая в деньги материально-вещественная продукция, а те или иные изменения в социальных взаимоотношениях участников, социальные эффекты, «Теневые рынки» в неэкономических сферах, или «социальные рынки».

Системный характер «теневизации» выражается в том, что в ее сферу втянуты не отдельные индивиды, а взаимодействующие между собой социальные группы, образующие социальную стратификацию общества. По мере распространения теневых процессов, все большая часть общества, то есть его стратификации, тоже становится теневой. Если какая-либо «группа-инициатор» начинает осуществлять теневое поведение, то это значит, что и «группа-партнер» тоже втягивается в тень. Если врачи госмедучреждений по своей инициативе (т.е. теневым путем) начали брать с больных деньги, то это значит, что и обращающиеся к этим врачам больные тоже начали лечиться таким способом. А точнее, потребности больных в более качественном лечении «втянули» врачей в теневую деятельность [6, с. 9]. То же самое происходит и в предпринимательстве. Предприниматели как «группа-партнер» бюрократии, чиновников втягиваются в теневые процессы, а их потребность в более качественной институциональной среде втягивает в теневую деятельность чиновников.

Главной причиной развития теневого бизнеса является отсутствие необходимой институциональной среды для легального предпринимательства. Весь мировой опыт показывает, что наряду с благоприятной психологической обстановкой в обществе для формирования эффективного частного предпринимательства необходимы нормально работающие социальные и экономические институты. Главными социальными институтами любого общества являются: семья и брак, политическая система (суды, прокуратура, органы правопорядка и др.), СМИ, институты науки и культуры, образования и медицины, церковь и другие. Их роль по отношению к экономике состоит в том, что они способствуют или мешают созданию условий для его развития. Совокупность социальных институтов образует гражданское общество, которое необходимо для развития официальной экономики. На формирование такого общества уходят века. Рыночные реформы начала 1990-х годов регулировались не столько рыночными (капиталистическими) социальными и экономическими институтами, сколько совсем другими, некапиталистическими рычагами. В их числе были групповые интересы партийно-советской номенклатуры.

Конечно, теневая экономика – это в первую очередь экономический, а не правовой феномен, отражающий негативные экономические процессы в обществе. Однако оппозиция теневая – нетеневая экономика во многом определяется соотношением в экономической деятельности формальных и неформальных правил.

Формальные правила закрепляются в юридических актах, обязательных для исполнения. Они открыты и прозрачны. Неформальные правила почти всегда скрыты от посторонних глаз, «привязаны» к конкретным группам или сегментам рынка, в которых формируются свои локальные порядки, понятные для этих групп и объединяющие данные рыночные сегменты. И если посторонние претендуют на ресурсы и доходы без знания неформальных правил, то с ними откажутся сотрудничать или примут по отношению к ним дискриминационное решение. Причем декларируемая причина отказа или дискриминации, скорее всего, будет формальной, бюрократической; основания для этого всегда найдутся: скажем, неверное оформление документов, несоответствие профиля деятельности и т.п. Неявные (имплицитные) контракты формально не фиксируются, а часто и не обсуждаются буквально. Дело ограничивается намеками и малосодержательными отсылками типа «договоримся» или «не подведем». Такого рода соглашения предполагают не только определенное доверие к контрагентам, но и уверенность в том, что они знают данные неформальные правила и готовы их соблюдать. На основе формальных и неформальных правил складываются соответствующие практики повседневного действия.

Российский экономист В.В. Радаев выделяет три важные функции, которые выполняют формальные практики по отношению к неформальным. Во-первых, они выступают в качестве ограничителей, сдерживающих неформальные практики. Во-вторых, они постоянно используются как инструмент для стимулирования образования новых неформальных практик. В-третьих, они формируют язык публичных обоснований и риторических высказываний, которые камуфлируют неформальные практики [7]. Неформальные правила заполняют пустоты, обойденные формальными. Нобелевский лауреат по экономике 1993 года Дуглас Норт писал: «Мы, живущие в современном западном мире, считаем, что жизнь и экономические процессы подчиняются писанным законам и правилам собственности, однако даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора... Наше поведение в огромной степени определяется неписанными кодексами, нормами и условностями» [7, с. 62].

Одной из характерных черт институциональной среды в посткоммунистических странах является недостаток формальных правил в экономике, то есть в некоторых сферах существует своего рода «институциональный вакуум». Однако наиболее острой проблемой сегодня является не избыток или дефицит формальных правил, а их структура, а также способ проникновения и утверждения в экономике. Дело вовсе не в том, что формальные правила отсутствуют или, наоборот, все слишком зарегулировано. Главный вопрос заключается в том, каковы наиболее распространенные способы связи формальных и неформальных правил. Так, например, в странах СНГ широкое распространение получила так называемая «деформализация правил».

Деформализация правил является одной из основных черт посткоммунистических экономик. Ее сущность заключается в непрерывной трансформации институтов, в ходе которой формальные правила в значительной мере заменяются неформальными и встраиваются в неформальные отношения.

При отсутствии возможностей легального оспаривания формальных правил и способов их применения начинаются их систематические нарушения. На активный инновационный поиск обходных путей бросаются лучшие интеллектуальные силы. Деформализация правил приводит к серьезным сдвигам в структуре трансакционных издержек. Хозяйственные агенты, имеющие возможность выбирать между издержками легализации (платой за подчинение закону) и издержками неформальности (платой за обход правил), часто делают выбор в пользу последних [7, с. 66].

Характерной чертой развития экономических процессов в реформирующихся обществах является сближение теневого и легального бизнеса. Они настолько переплетены между собой, что их почти невозможно отличить друг от друга. Эта «неразличимость» проявляется и в функциональной сфере. В России параллельно легальной возникла сопоставимая с ней по масштабам теневая экономика, в которой формируется примерно такой же набор механизмов, что и в официальной хозяйственной системе. В ней действуют свои правила ценообразования, способы обеспечения, соблюдения контрактов. Имеется специфический набор профессий с особым кодексом поведения, работают собственные механизмы инвестирования. Эти теневые механизмы изменили жизнь миллионов людей, создали особые условия работы предприятий [4, с. 80].

В заключение ответим на вопрос: что же дает населению теневая экономика? Главное – она позволяет его части лучше перенести так называемый «переходный период». На данную особенность обращает внимание российский социолог В. Бойков: «Теневой сектор позволяет выжить населению. Доходы крайне низки. А теневая экономика как раз предлагает дешевые товары и услуги. Кроме того, здесь есть и широкие возможности для заработка. «Убей» этот сектор – и жизнь населения станет невыносимой» [8]. Приблизительно такой же ответ дает и Э. де Сото. Его книга имеет важное значение для понимания процессов, происходящих в современных посткоммунистических странах. Во многом наши экономические проблемы сходны с проблемами в Перу. Вот почему идеи Э. де Сото о социальном значении теневой экономики можно применить и к нашим условиям. «Чтобы уйти от насилия и бедности, – считает Э. де Сото, – нужно признать собственность и труд людей, которых легальный сектор ныне отторгает, – чтобы вместо бунта воцарился дух сотрудничества и ответственности» [3, с. 317]. В Перу в 80-е гг. прошлого века активно действовала леворадикальная террористическая организация «Светлый путь». Противопоставляя «иной» путь теневиков-предпринимателей «светлому» пути террористов, перуанский экономист подчеркивает, что теневой бизнес – более выгодный для граждан и для общества выбор, чем разрушительный политический радикализм.

Безусловно, при определенных условиях теневая экономика способствует не только выживанию населения, но и экономическому росту. Так, при изучении группы российских предприятий, увеличивавших объемы производства, выяснилось, что на предприятиях, где практически нет теневой деятельности, ежемесячный прирост был в 1,5 раза ниже, чем на предприятиях, где такая деятельность была значительна [4, с. 79]. Это говорит об определенной зависимости между расширением производства и масштабами теневой деятельности в нынешних условиях. Такая зависимость сохранится до определенного момента, пока не достигнуты относительное экономическое благополучие и стабильность. Тогда темпы роста снизятся, и теневая активность тоже сократится. Таким образом, можно считать, что в развитии подпольного бизнеса виден не только симптом болезни, но и, в большей степени, показатель экономического выздоровления общества. И какую бы международную терминологию

логию («неофициальная», «неформальная», «скрытая», «нерегистрируемая» и т.п.) мы не использовали для характеристики теневой экономики применительно к странам, находящимся в переходном состоянии, она в целом будет способствовать реформированию их экономик.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Харт К.** Неформальная экономика // Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферативный журнал. – М., 2000. – Вып. 2: Неформальный сектор экономики за рубежом.
2. **Шнайдер Ф., Энсте Д.** Рост теневой экономики во всем мире // Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферативный журнал. – М., 2000. – Вып. 2: Неформальный сектор экономики за рубежом. – С. 24.
3. **Сото Э. де** Иной путь. – М., 1995. – С. 121.
4. **Косалс Л.Я.** Теневая экономика как особенность российского капитализма // Вопросы экономики, 1998, № 10. – С. 61.
5. **Харт К.** Возможность неформальных доходов и занятость в городах Ганы // Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферативный журнал. – М., 2000. – Вып. 2: Неформальный сектор экономики за рубежом.
6. **Рывкина Р.В.** Теневизация российского общества: причины и последствия // Социологические исследования, 2000, № 12. – С. 3.
7. **Радаев В.В.** Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики, 2001, № 6. – С. 62.
8. **Крашаков А.** Теневая экономика «цветет и пахнет» // Аргументы и факты, 2002, № 18–19. – С. 10.

S U M M A R Y

The socio-economic and political reasons for the wide spread of non-official economics on the post-soviet areas are revealed in the article. Different functions of this economics in the reforming societies are analyzed.

Поступила в редакцию 2.06.2004

УДК 312.874

Е.Т. Жукова, Е.В. Родичева

Графическая подготовка воспитателей дошкольного образования к работе с детьми

Первоочередной основой формирования личности является глубокое и разностороннее образование детей дошкольного возраста, подготовка их к переходу на более высокую ступень – школьному обучению. Именно дошкольное образование является тем фундаментом, от прочности и целостности которого зависит будущее каждого конкретного ребенка и всего общества в целом. Психологи, включая З. Фрейда, отмечали, что основные качества личности закладываются именно в дошкольном возрасте и то, как происходил этот процесс, отражается на последующей жизни человека. Образовательный и воспитательный процесс осуществляется в дошкольных учреждениях образования, в связи с этим необходимо обратить внимание на качество профессиональной подготовки специалистов в данной сфере. Важная роль в процессе формирования личности ребенка отводится воспитателю, который руководит процессом познания, создает условия для полного усвоения материала, предлагаемого в дошкольном учреждении. Именно воспитатель посредством различных видов деятельности создает учебно-воспитательную среду, необходимую для развития ребенка. При этом важно, чтобы педагог сам ориентировался в различных способах передачи формы предметов и окружающих объектов на изображениях.

В настоящее время от специалиста в сфере дошкольного образования требуются знания психологии, дошкольной педагогики и дидактики. Современная система подготовки специалистов включает комплекс наук, призванных обеспечить практическую деятельность воспитателя. Однако анализ практики дошкольного образования показывает, что воспитатели не всегда умеют гибко, вариативно, творчески применять общие теоретические знания, связанные с изображениями в конкретной работе с детьми, а часто бывает так, что их не хватает для полной реализации процесса воспитания и обучения детей.

Это можно проследить при анализе работы воспитателя дошкольного учреждения с разноплановыми графическими изображениями. Познание окружающего мира дошкольника строится при активном участии различных анализаторов: зрительных, звуковых, осязательных, двигательных. К.Д. Ушинский отмечал, что «дитя мыслит образами, звуками, красками» [1]. Это утверждают и многие психологи, занимавшиеся изучением детского восприятия и мышления. Значительное количество трудов, связанных с сенсорным развитием и развитием мыслительных процессов написано В.С. Мухиной, А.А. Венгер, А.В. Запорожец и др. [2, 3]. Б.Г. Ананьев и Е.Ф. Рыбалко [4] считают, что для развития восприятия все большее значение приобретают навыки чтения изображений (объемных, плоскостных, графических, фотографических и т.д.). Причем первостепенное значение в обучении дошкольников имеет наглядность, и зачастую в виде изображений. Она отвечает психологическим особенностям детей, обеспечивает связь между конкретным и абстрактным,

создает внешнюю опору внутренних действий, совершаемых ребенком во время учения. Принцип наглядности соответствует основным формам мышления дошкольника – наглядно-действенного, наглядно-образного.

Следует отметить, что значительную часть окружения ребенка-дошкольника составляют различные виды изображений – рисунки, плакаты, изображения геометрических фигур, игрушек и многие другие. Уже с первых лет жизни на него обрушивается множество непонятной, но в то же время интересной информации. Ребенок старается всеми способами воспринять, запомнить, осознать эту информацию. И чтобы это восприятие проходило планомерно и интересно, на помощь ребенку приходит взрослый. Именно он становится проводником ребенка в «море» новых впечатлений.

Поскольку мышление дошкольника носит наглядно-образный характер, то и педагог в своей деятельности в большей мере опирается на графические изображения. Каждой возрастной группе доступны определенные их виды, этим и определяется работа педагога с детьми. В младшей группе детского сада возрастает роль графических изображений в развитии и обучении детей. Яркие красочные рисунки, модели, таблицы, схемы привлекают внимание детей, вызывают положительный эмоциональный отклик, способствуют лучшему усвоению программы. Здесь дети знакомятся со значительным количеством графических изображений, что обусловлено возрастными и психологическими особенностями постепенного перехода от манипулятивных действий с предметами, ознакомления с ними осязательно-двигательным путем, к зрительному восприятию предлагаемых объектов [5]. В данной группе воспитатель использует следующие графические изображения (таблица): плоскостные рисунки натуральных объектов (растений, строений, транспорта и т.д.); плоскостные геометрические фигуры (круг, квадрат, треугольник, овал); объемные модели геометрических тел (шар, пирамида, куб, конус); схемы построения геометрических узоров; чертежи построек из строительного набора; наглядные изображения построек из строительного материала; план кукольной комнаты, игровой площадки; графические игры; таблицы со схемами построения человека, животного и т.д.

С возрастом графические изображения в жизни дошкольника приобретают все большее значение. На пятом году жизни восприятие детей становится более целенаправленным. Воспитатель по-прежнему использует в своей работе рисунки натуральных объектов, сюжетные рисунки, картины, однако роль их постепенно уменьшается по сравнению с младшей группой. Рисунки становятся более схематичными, конкретными, широко используются линейные, технические рисунки натуральных объектов. Это изменение обусловлено развитием способности детей к восприятию элементарных упрощений, символов [6]. Рисунки используются преимущественно при ознакомлении с новыми объектами и явлениями. При этом важна точность, понятность и правильность отображения объекта или явления, ведь посредством знакомства ребенка с изображаемым объектом у него складываются представления об окружающем мире. А когда у дошкольника уже сложился образ объекта или явления, ему доступны символические, схематические формы изображения знакомого окружения. Именно поэтому в средней группе возрастает роль схем, таблиц и чертежей. В данной группе воспитатель использует следующие графические изображения (таблица): рисунки натуральных объектов; технические рисунки; схемы роста и развития растения, строения животных и человека, деления окружности на две, четыре части; выполнения упражнений; таблицы классификации предметов, воссоздания изображения силуэтов из геометрических фигур, масштабных отношений между предметами, «Виды орнаментов», «Виды линий»; чертежи объектов, состоящих из деталей строительного набора; чертежи последовательного изготовления изделий из бумаги

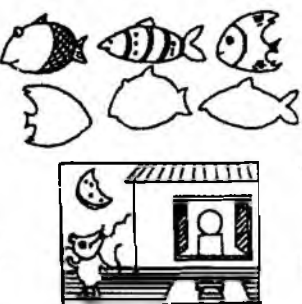
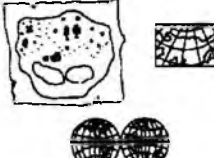
(знакомство с техникой чтения чертежей); план игровой комнаты; плоскостные геометрические фигуры (круг, квадрат, треугольник, овал, прямоугольник, ромб); объемные модели геометрических тел (шар, пирамида, куб, конус, призма, цилиндр); модели готовых построек из строительного материала и изделий из бумаги; географические карты (карта Беларуси) и др. Использование такого количества графических изображений способствует формированию у дошкольников достаточно устойчивых представлений об окружающей их действительности. Эти представления являются важной основой для развития наглядно-образного мышления как главного компонента в умственном развитии детей.

Таблица

Система изображений

№		Младшая группа	Средняя группа	Старшая группа
1.	Линии			
2.	Шрифты			
3.	Масштаб			
4.	Геометрические построения			
5.	Геометрические тела			
6.	Виды			

№		Младшая группа	Средняя группа	Старшая группа
7.	Наглядные изображения			
8.	Крепежные резьбовые соединения	—	—	
9.	Построение чертежей разверток	—		
10.	Строительные чертежи			
11.	Таблицы			
12.	Схемы			

№		Младшая группа	Средняя группа	Старшая группа
13.	Рисунки			
14.	Карты	—		

В работе с детьми старшего дошкольного возраста воспитатель использует большее количество графических изображений по сравнению со средней группой. Это связано с целью подготовки дошкольников к школе, где основную часть информации составляют разные виды изображений. Для обучения и воспитания шестилеток используется вся система изображений: таблицы, схемы, рисунки, карты, строительные чертежи, виды и наглядные изображения, линии, шрифты, геометрические построения. Ранее используемые графические изображения усложняются и к ним добавляются новые (таблица): рисунки объектов окружающей действительности (транспорта, природы и т.п.); схемы построения рассказов, предложений, последовательности изготовления изделия, схемы пути, лабиринтов; таблицы масштабных отношений между предметами, с разновидностями геометрических форм; графического изображения фигур, состоящих из счетных палочек; геометрические построения; развертки геометрических тел (куба, цилиндра и т.д.); деления окружности на две, три, четыре части; географические карты; план игровой комнаты, участка; чертежи строительных объектов; наглядные изображения объектов; линии (прямая, кривая, ломаная, замкнутая, штрих-пунктирная с двумя точками, штриховая); графические задания, диктанты; изображения резьбовых соединений и др.

Шестилетний возраст – это тот период, когда формируется психологическая готовность к обучению в школе (интеллектуальная, социально-личностная, волевая). Помочь ребенку разобраться в возросшем потоке информации, понять, классифицировать, обобщить полученные знания – вот главная задача воспитателя в работе с детьми старшей группы. Грамотная подача материала, связанного с графическими изображениями, позволяет подвести детей к школьным курсам математики, геометрии, биологии и других предметов, к более качественному их усвоению. Для того чтобы педагог сам не растерялся в этом потоке информации и правильно, грамотно использовал ее в работе с детьми, важно сформировать у него понятие о системе изображений, которая представлена таблицей «Система изображений», основанной на принципах построения учебных пособий по технической графике. В таблице систематизированы разнообразные виды изображений и распределены по трем группам в соответствии с возрастными особенностями детей. Такой способ построения системы дает возможность проследить, как обогащается и усложняется материал в каждой возрастной группе, позволяет легко

сориентироваться в правильном определении предлагаемых детям понятий и выполнении средств наглядности для учебных занятий. А также позволит научно преподнести новый материал на основе разноплановых изображений. Такого рода система должна соответствовать материалу, который предлагается «Программой воспитания и обучения в детском саду» [6, 7], а также другими альтернативными программами. При этом важно учитывать психофизиологические особенности восприятия детей дошкольного возраста.

Анализ системы изображений показывает, насколько разнопланова и сложна по своей внутренней структуре графическая информация, используемая в детских дошкольных учреждениях, и в то же время данные опроса, анкетирования в ряде дошкольных учреждений свидетельствуют, что знания воспитателей недостаточны для эффективной и грамотной работы с различными изображениями. Поэтому в системе подготовки специалистов для детских садов необходимо уделять большое внимание ознакомлению с основами графической информации. Это знакомство должно являться неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки воспитателей. Его необходимость обусловлена и тем, что около 70% содержания учебно-методической литературы, которой пользуется в своей деятельности воспитатель, – это разнообразные изображения, посредством которых приобретаются основные знания дошкольников. К ним на начальном этапе обучения свыше 80% информации поступает через визуальное восприятие. Воспитатель, предъявляющий эту информацию, должен сам ее понимать и владеть способами выполнения различных изображений. Знание вопросов теории построения разноплановых изображений является базой развития пространственных представлений и творческого воображения будущих специалистов, формирует графические, изобразительные, композиционные и другие навыки, необходимые для практической деятельности воспитателя детских дошкольных учреждений, что является важным и в эстетическом воспитании.

Анализ методической, дидактической и психологической литературы показал, что специалистами в области образования уделяется мало внимания изучению вопроса работы с изображениями при подготовке воспитателей дошкольных учреждений. Выделяются только отдельные фрагменты этой деятельности, связанные с изобразительным искусством, которые не позволяют достигнуть целостного восприятия системы изображений и комплексного применения ее в работе с детьми. В основном же эта деятельность должна быть направлена на непосредственную работу с натурой, способами ее изображения, создания наглядных пособий, схем, таблиц, при изготовлении которых необходимо учитывать особенности других графических изображений объектов, рациональность построения, их эстетическую сторону, установленные государственные стандарты. Это позволяет говорить о необходимости введения в учебный процесс теоретических знаний и формирования умений и навыков, связанных с изучением и выполнением разноплановых графических изображений. Таким образом, встает проблема более глубокой подготовки специалистов в области дошкольного образования.

Обучаясь по специальности «Дошкольное воспитание» в средне-специальных или высших учебных заведениях, студенты не получают необходимой подготовки в области графической информации. Положение усугубляется тем фактом, что в средних школах «Черчение» как предмет исключен из программы обучения. Это приводит к тому, что будущие воспитатели не владеют даже основами черчения, необходимыми для полного и качественного выполнения своих профессиональных обязанностей, в которые входит знакомство детей с разноплановыми графическими изображениями и их выполнением.

Таким образом, встает проблема более глубокой профессиональной, графической подготовки специалистов в области дошкольного образования и она может быть решена посредством разработки программы спецкурса «Основы графической информации» и введения его в структуру подготовки специалистов дошкольных учреждений образования Республики Беларусь.

Спецкурс «Основы графической информации» призван сформировать:

- знания и умения, достаточные для выполнения разноплановых изображений объектов окружающего мира;
- владение языком графических изображений и умение его творчески использовать в различных педагогических ситуациях (на занятиях, в повседневной жизни дошкольников, при отборе содержания и оформления наглядных пособий и др.).

Педагогическая направленность в изучении данной дисциплины должна осуществляться:

1. Целесообразным отбором теоретического и практического программного материала с целью полноценной подготовки будущих специалистов учреждений дошкольного образования.
2. Использованием заданий творческого характера.
3. Усилением эстетической направленности в преподавании данной дисциплины.
4. Преемственностью между всеми ступенями образования в Республике Беларусь, осуществляемой в разноплановых дисциплинах (математика, биология, рисунок, белорусский (русский) язык, трудовое обучение и др.).

Данная программа определяет минимальный объем знаний, необходимый воспитателю для работы в детском саду. Вместе с тем включенный в нее материал дает необходимую теоретическую основу для повсеместного, грамотного применения изображений практически на всех занятиях. Этим формируется графическая культура воспитателя.

Овладение студентами учебным материалом проявляется на практических занятиях в процессе выполнения специальных заданий, при подготовке творческих работ и др.

Проект программы спецкурса «Основы графической информации»

Изображение как структурный эквивалент реального объекта, выраженный определенным изобразительным средством. Графическое изображение в жизни человека как средство общения в профессиональной деятельности. Сведения из истории развития изображений. Значение графической грамотности в профессии воспитателя, росте его профессионального мастерства. Основные задачи курса. Разновидности изображений, применяемые в работе с детьми дошкольного возраста. Особенности визуального восприятия графических изображений детьми, моторная деятельность при их выполнении.

Рисунок и чертеж – средства изображения пространственных форм на плоскости. Чертеж – разновидность графических изображений. Современные средства выполнения графических изображений и размножения технической документации. Возможности машинной графики. Компьютерные игры детей с помощью изображений. Обобщение сведений о закономерностях и средствах композиции изображений на плоскости. Гармония, соподчиненность, равновесие. Симметрия и асимметрия. Оптические иллюзии и коррекция формы. Обобщение знаний об оформлении изображений. Типы линий, основные правила нанесения размеров.

Шрифты. Краткие исторические сведения о развитии шрифта. Классификация шрифтов. Особенности начертания букв и цифр в шрифтовой графике. Стандартный шрифт. Шрифтовая композиция текста. Анализ учебной и методической литературы для детских садов. Структура учебных пособий и их оформление. Использование текстовых надписей в изготовлении наглядных пособий.

Рациональные приемы выполнения геометрических построений. Деление окружности на равные части. Сопряжения. Циркульные кривые (завиток, овалы, овоиды). Лекальные кривые (эллипс, спираль Архимеда, синусоида и др.). Применение геометрических построений при выполнении изображений предметов быта, игрушек, детских поделок и др.

Краткие исторические сведения о развитии орнамента. Виды орнаментов, их построение. Орнаментальные композиции. Особенности белорусского орнамента. Составление орнаментных композиций для украшения предметов быта, детских игрушек, декоративных решеток, цветочных клумб и т.д.

Обобщение знаний о способах отображения формы предмета средствами технической графики. Получение изображений на плоскости методом проекций: а) центральные проекции (перспектива); б) параллельные проекции – чертежи в системе ортогональных проекций. Виды – основные, дополнительные, местные. Их расположение и обозначение. Общие сведения об изображении на чертеже многогранников, кривых поверхностей. Поверхности развертываемые и неразвертываемые. Сечение геометрических тел плоскостями.

Построение разверток поверхностей. Применение разверток при изготовлении моделей различных объектов (упаковка, элементы одежды, куклы и др.).

Общие понятия о линиях взаимного пересечения поверхностей.

АксонOMETрические проекции. Основные понятия и определения. Виды аксонометрических проекций. Ортогональная аксонометрическая проекция (изометрия), косоугольная фронтальная диметрическая проекция. Расположение аксонометрических осей, коэффициент искажения. Изображение окружностей. Способы построения аксонометрических изображений. Технический рисунок. Определение.

Эскиз. Последовательность его выполнения и оформления.

Чтение и выполнение чертежей, эскизов, технических рисунков различных объектов (плоских, объемных – предметов труда, быта, отдыха, транспорта, игрушек и т.д.). Способы выявления объема пространственной формы объекта (штриховка, шрафировка, тушевка, точечное оттенение и др.).

Понятие о сечениях и разрезах. Их применение для выявления конструктивных элементов внутренней формы предметов. Расположение, условности изображения и обозначения сечений и разрезов.

Изображение резьбы. Виды резьбовых соединений (болтовое, шпилечное, винтовое).

Понятие об архитектурно-строительных чертежах, их особенности. Надписи и обозначения. Чтение и выполнение несложных чертежей строительных объектов (фасад, план).

Общие сведения о схемах, диаграммах, графиках. Классификация схем, особенности и построение. Использование схем в обучении. Генеологическая схема родословной.

Примерный перечень контрольных работ

Контрольная работа № 1.

Выполнение изображений игрушки, предмета быта и др. с применением геометрических построений (деление окружности, сопряжения, лекальные кривые).

Контрольная работа № 2.

Составление орнаментальных композиций (розетка, полоса, сетка) с использованием геометрических построений и цвета.

Контрольная работа № 3.

Выполнение чертежа и технического рисунка предмета быта, игрушки, упаковки и др. Построение развертки.

Контрольная работа № 4.

Выполнение архитектурно-строительного чертежа дачного домика.

Введение в учебный процесс данной программы спецкурса «Основы графической информации» позволит значительно повысить уровень теоретических знаний, практических умений и навыков в области графической подготовки воспитателей дошкольных учреждений, совершенствовать их профессионализм.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ерофеева Т.Н., Павлова Л.Н., Новикова В.П.** Математика для дошкольников. – М., 1992.
2. **Венгер Л.А., Мухина В.С.** Психология: Учебное пособие для учащихся педучилищ по специальности «Дошкольное воспитание». – М., 1988.
3. **Мухина В.С.** Детская психология. – М., 1985.
4. **Ананьев Б.Г., Рыбалко Е.Ф.** Особенности восприятия пространства у детей. – М., 1964.
5. **Альтхауз Дагмар, Дум Эрна.** Цвет, форма, количество: Опыт работы по развитию познавательных способностей детей дошкольного возраста. – М., 1984.
6. **Программа воспитания и обучения в детском саду.** – Мн., 1991.
7. **Пролеска. Программа воспитания и обучения детей в ясли-сад** / Под ред. Л.Н. Панько. – М., 1995.

S U M M A R Y

The problem of the necessity of graphic preparation of the teachers working at pre-school educational establishments is raised in the article. The author suggests on optional authentic course «Basics of Graphic Information» to pul higher standards of the specialist.

Поступила в редакцию 30.08.2004

УДК 371.132

О.Л. Гайковая

Готовность будущего педагога к формированию у учащихся-подростков социально-нравственной устойчивости

Формирование социально-нравственной устойчивости личности учащихся-подростков требует повышения качества профессиональной подготовки студентов в системе высшего педагогического образования с учетом современной социокультурной ситуации развития. В связи с этим культурологический подход к определению понятия *профессиональная готовность специалиста* позволяет рассматривать его на трех уровнях: аксиологическом, технологическом и личностном [1].

Готовность к педагогической деятельности подразумевает наличие психологической установки на достижение желаемого результата в сочетании с индивидуальными особенностями личности и обеспечивает осознание функций педагогического труда, профессиональной позиции, оптимальных способов деятельности, соотнесение своих возможностей с преодолением трудностей, возникающих при решении профессиональных задач и достижении пла-

нируемых результатов. Однако понятия *установка* и *готовность* не являются тождественными. В психологической литературе «установка» рассматривается как предрасположенность субъекта действовать определенным образом, обеспечивая устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности [2, 3, 4]. Она формируется на основе опыта и побуждает индивида ориентировать свою деятельность в конкретном направлении. Установка также понимается как высокообобщенное состояние готовности, «которое ведет к построению или изменению способа и характера... деятельности» [5], как «психологическое содержание взаимодействия конкретной потребности и ситуации ее удовлетворения» [4, с. 382].

Современный подход к трактовке понятия *профессиональная готовность* не сводится к установке на начало действия, а предполагает еще и способность ее реализации, успешного осуществления. С этой позиции готовность трактуется как активное состояние личности, вызываемое деятельностью.

Ряд исследователей (В.В. Буткевич, К.В. Гавриловец, В.П. Горленко, И.И. Казимирская, А.И. Кочетов, Р.С. Пионова, И.И. Рыданова, И. Ф. Харламов, И.И. Цыркун и др.) в структуре готовности будущего учителя к профессионально-педагогической деятельности выделяют владение специальной информацией, умения и навыки применения знаний на практике, сформированность профессионально-значимых личностных качеств [6]. В данном контексте готовность представляет собой не только психологическое условие успешности выполнения деятельности, но цель и результат процесса профессиональной подготовки. Понятие «готовность» взаимосвязано с рядом смежных понятий: установкой, направленностью, подготовленностью, условием успешного выполнения деятельности, процессом непосредственной включенности в деятельность, целью и результатом подготовки. Следовательно, все компоненты, входящие в ее состав, могут быть отнесены к одному из следующих видов: теоретической, практической или психологической готовности. Соответственно профессиональная готовность реализуется на аксиологическом уровне как ценность, на технологическом – как процесс и на личностном – как результат (качество).

Готовность будущих педагогов к формированию социально-нравственной устойчивости личности учащихся-подростков представляет собой интегративное образование, обеспечивающее переход от учебно-познавательной деятельности студентов (из системы вузовского образования) к самостоятельной профессионально-педагогической деятельности, единство психологической, теоретической и практической подготовки. Как интегративный показатель готовность будущих учителей к данному аспекту воспитательной работы включает оптимальную систему знаний теории по проблеме формирования социально-нравственной устойчивости личности подростков, необходимые технологические умения, навыки и психологическую установку на достижение цели социально-нравственного воспитания учащихся. Исходя из этого, готовность студентов к формированию социально-нравственной устойчивости подростков – это интегративное личностное качество, которое является ценностью, процессом и представляет собой результат целенаправленной подготовки в условиях университета.

Интегративное личностное качество отображает наиболее общие и существенные личностные свойства, связи, отношения [7; 8]. Готовность к формированию социально-нравственной устойчивости личности как личностное качество-ценность (ГЦ) является доминирующей по отношению к процессуальному и результативному аспектам и дифференцируется на подсознательную сферу, сознание, познавательные процессы, личностные качества и свойст-

ва. Взаимообусловленность этих компонентов проявляется в процессе деятельности (ГП), который актуализируется в результат (ГР) (рис.).

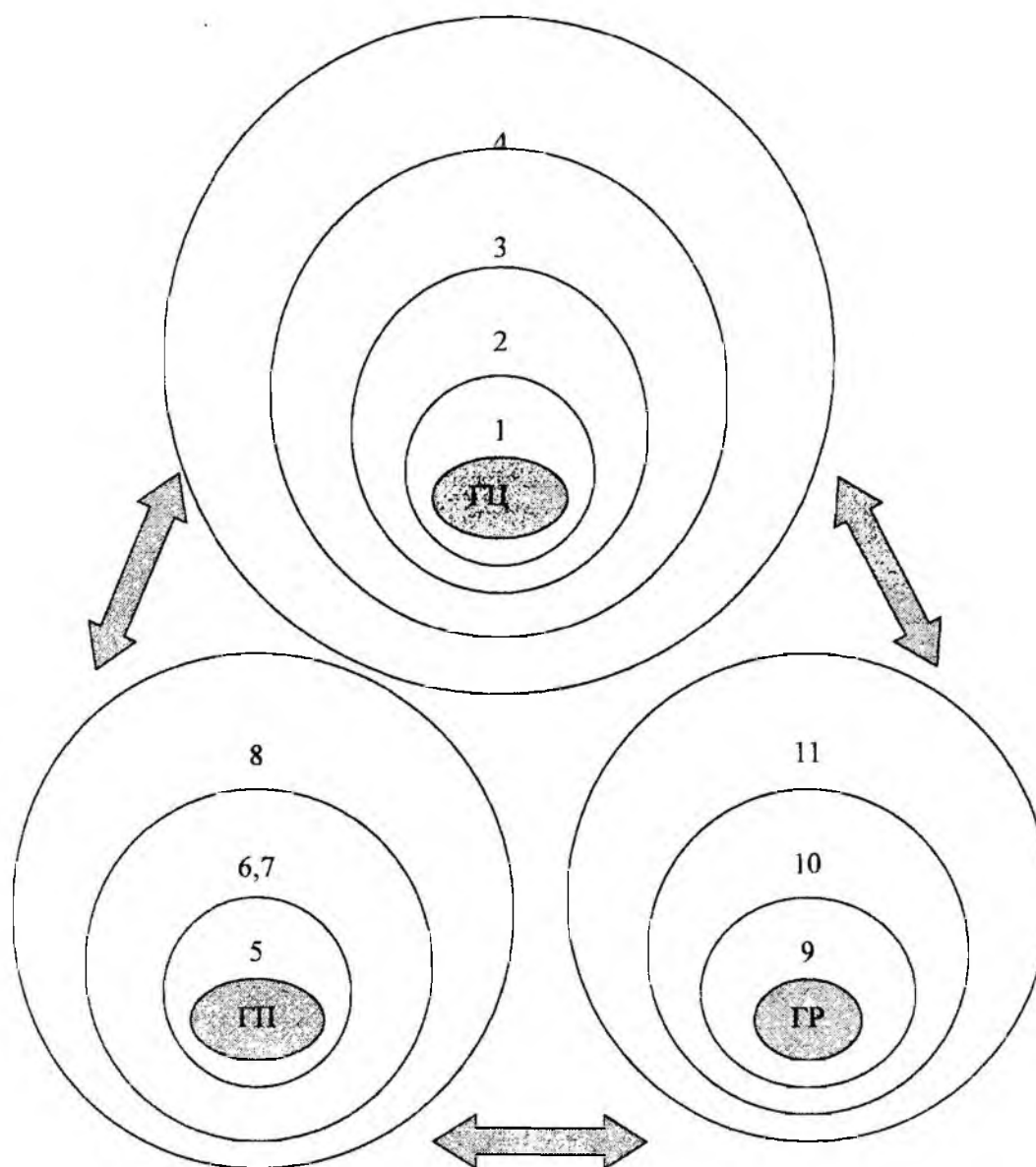

Рис. Модель готовности педагогов к формированию социально-нравственной устойчивости личности

Условные обозначения: ГЦ – готовность как интегративное личностное качество-ценность: 1 – подсознательная сфера; 2 – сознание; 3 – познавательные процессы; 4 – личностные качества, свойства; ГП – готовность как процесс: 5 – мотивационно-ориентационный этап; 6 – репродуктивный этап; 7 – преобразующий этап; 8 – активно-творческий этап; ГР – готовность как результат: 9 – социальные и нравственные ценности; 10 – знания, умения, навыки, творческие педагогические способности; 11 – педагогическое творчество

Процесс подготовки будущих педагогов к формированию социально-нравственной устойчивости личности учащихся-подростков в условиях классического университета может осуществляться по комплексной системе, что предполагает последовательное прохождение взаимосвязанных между собой этапов: мотивационно-ориентационного, репродуктивного, преобразующего и

активно-творческого, и соответствующих им уровней. В иерархической соподчиненности уровней готовности достаточным является активно-творческий, результативный компонент которого – педагогическое творчество как система ценностных ориентаций, важнейших знаний, умений и навыков, позволяющая осуществлять учебно-воспитательную работу по формированию социально-нравственной устойчивости личности учащихся-подростков профессионально и добиваться оптимальных результатов. Основание иерархической соподчиненности составляет мотивационно-ориентационный уровень, функция которого – познавательная-ориентационная. А связующим подструктурным механизмом являются репродуктивный и преобразующий уровни, которые характеризуются выходом за пределы обязательного учебного материала, использованием дополнительных источников для получения знаний, относительной самостоятельностью при выборе решения педагогической задачи.

Следовательно, готовность к формированию социально-нравственной устойчивости личности подростков как результат представлен необходимыми знаниями, умениями, навыками в данной области, социальными и нравственными ценностями, направленностью (профессионально-педагогической, познавательной, социально-нравственной), способностями к педагогическому творчеству, педагогической умелостью.

Опираясь на трехмерность системной трактовки готовности как ценности, как процесса и результата деятельности, необходимым представляется выделение в ее структуре основных системообразующих компонентов в психологическом, теоретическом и практическом аспектах.

На основе анализа психолого-педагогической литературы (И.Г. Рябова, О.А. Абдуллина, С.Н. Захарова, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, З.С. Кунцевич и др.) в качестве компонентов профессионально-педагогической готовности студентов к формированию социально-нравственной устойчивости подростков мы выделили мотивационный, когнитивный, операционно-деятельностный, эмоционально-волевой, креативно-оценочный. Каждый компонент представлен в психологическом, теоретическом, практическом аспектах (табл.).

Таблица

Структура готовности будущего педагога к формированию социально-нравственной устойчивости учащихся-подростков

Компоненты готовности	Виды готовности		
	Психологическая	Теоретическая	Практическая
1. Мотивационный	профессионально-педагогическая направленность	познавательная направленность	социально-нравственная направленность
2. Когнитивный	знание психолого-педагогических особенностей подростков	специальные знания (по формированию социально-нравственной устойчивости личности)	умения (аналитические, прогностические, проектировочные)
3. Операционно-деятельностный	коммуникативные умения	гностические умения	специальные умения
4. Эмоционально-волевой	эмоциональные качества	нравственные качества	волевые качества
5. Креативный	творческая активность	интеллектуально-творческая инициатива	творческая деятельность

В структуре личности учителя определяющая роль принадлежит профессионально-педагогической направленности, которая характеризуется устойчивым интересом к детям, увлеченностью педагогической профессией, в частности, работой по формированию социально-нравственной устойчивости личности, педагогических долга и ответственности, требовательности, выдержке, общительности и профессиональной работоспособности. Наличие профессионально-педагогической направленности личности студента отражается в реализации его знаний, умений в условиях конкретной деятельности. Познавательная направленность личности учителя проявляется в способности в каждом педагогическом явлении обнаруживать составляющие его противоречия. Социальные потребности, моральные и ценностные ориентации, чувство общественного долга и гражданской ответственности определяют социально-нравственную направленность деятельности педагога. Социально-нравственная, профессионально-педагогическая, познавательная направленность как личностное образование является подструктурой личности и выражает непреходящую длительную готовность человека к определенной мотивированной деятельности и поведению, которые отвечают его профессиональным потребностям и ценностям. Она формируется при условиях возникновения избирательно-положительного отношения человека к профессии или к отдельной ее стороне, при наличии коммуникативных связей с другими людьми и потребности в познании, которая, будучи связана с потребностью в деятельности, при правильном воспитании и под воздействием социальной среды перерастает в потребность в труде.

Гностический компонент готовности будущих учителей к формированию социально-нравственной устойчивости учащихся-подростков рассматривается нами с позиции интеграции психолого-педагогических дисциплин и дополнительных курсов (спецкурс, спецсеминар, самостоятельная работа студента и т.д.). Овладение студентами знаниями в области социально-нравственного воспитания обеспечивает целостное представление о формировании устойчивости личности к асоциальным явлениям, особенно в подростковом возрасте является руководством собственного поведения и целенаправленной педагогической деятельности, дает возможность трансформировать данные знания в образовательном процессе школы для правильного построения воспитательного процесса и непосредственного формирования социально-нравственной устойчивости.

Операционно-деятельностный компонент готовности основывается, в свою очередь, на следующих умениях:

- гностические (умения по изучению и обобщению передового опыта, анализа и обобщения личного опыта в области нравственного воспитания, умение и навыки в области самообразовательной работы);
- коммуникативные умения, связанные со способностями устанавливать педагогически целесообразные взаимоотношения учителя с учащимися;
- специальные умения, необходимые на этапе предварительной подготовки информации, на этапе непосредственной ее передачи учащимся, на этапе рефлексии (обратной связи), и экспрессивные речевые умения.

Эмоционально-волевой компонент в структуре готовности будущего учителя представлен системой личностных качеств, необходимых для успешной педагогической деятельности:

- эмоциональные (способность к состраданию, сопереживанию, устойчивость к воздействию стресс-факторов, уравновешенность, устойчиво положительное отношение к другим людям, уверенность в своих силах);
- нравственные (честность, ответственность, дисциплинированность, требовательность к самому себе, самостоятельность в принятии решений);

- волевые (способность находить пути преодоления трудностей, способность противостоять негативному влиянию социальной среды, способность отстаивать свою точку зрения, самоконтроль, способность регулировать свое поведение в соответствии с нравственными нормами общества).
- Креативный компонент готовности к формированию социально-нравственной устойчивости включает творческую активность, интеллектуально-творческую инициативу и творческую деятельность. Творческая активность является условием проявления и развития творческого потенциала личности, механизмом реализации ее творческих способностей. Творческая активность – это своеобразное психическое состояние, выражающееся в готовности открыто и высокомотивированно создавать новый продукт, характерное только для личности, включенной в активно-поисковую деятельность, которая возможна, если мотив не находит своего воплощения в уже имеющемся, ранее созданном материале. Интеллектуально-творческая инициатива представляет собой творческое отношение человека к деятельности, выход за рамки задач и требований непосредственной деятельности [9]. Готовность к творческой деятельности в целях формирования социально-нравственной устойчивости личности учащихся – это «преобразование действительности» [10], в котором соединяются потребности и способность реализовать силы и возможности в интересах воспитания творческой личности школьника, самореализации личности педагога.

Такой подход к определению содержания профессиональной готовности педагога к формированию социально-нравственной устойчивости учащихся-подростков позволяет проследить логические взаимосвязи входящих в нее элементов и выделить среди них основное ядро, на формирование которого должно быть направлено внимание высшей школы.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Исаев И.Ф.** Профессионально-педагогическая культура преподавателя: Учеб. пособие. – М., 2002. – 208 с.
2. **Парыгин Б.Д.** Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. – СПб., 1999. – 592 с.
3. **Овчарова Р.В.** Технологии практического психолога образования. – М., 2001. – 448 с.
4. **Психологический словарь** / Под ред. **В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова** и др. – М., 1983. – 448 с.
5. **Петровский А.В., Ярошевский М.Г.** Психология: Учебн. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М., 2000. – С. 357.
6. **Цыркун И.И.** Система инновационной подготовки специалистов гуманитарной сферы. – Мн., 2000. – 326 с.
7. **Современный словарь по педагогике** / Сост. **Е.С. Рапацевич**. – Мн., 2001. – 928 с.
8. **Кондаков Н.И.** Логический словарь. – Мн., 1971. – 656 с.
9. **Вишнякова Н.Ф.** Креативная педагогика: Монография. – Ч. 1. – Мн., 1995. – С. 105–114.
10. **Гурова Р.Г.** Социологические проблемы воспитания. – М., 1981. – 176 с.

S U M M A R Y

This article deals with professional-pedagogical preparedness of a teacher to formation of the social-moral stabilities of teenagers. The modern approach to the problem of preparedness is considered in the article.

Поступила в редакцию 1.03.2004

С.Ю. Девярых

Идеалы мужа и жены в юношеском возрасте: прогноз супружеских отношений

Семья, являясь «категорией исторической» [1], тысячами нитей связана с обществом, включена в различные механизмы социального взаимодействия. Она чутко реагирует на социально-экономический кризис, в котором продолжает жить современное постсоветское общество. Продолжая оставаться одним из основных социальных устоев общества и одновременно одной из важнейших его ценностей, семья все же переживает определенные трудности, которые позволяют ряду исследователей говорить о «кризисе семьи» (Р. Зидер) [2] или же ее «трансформации» (Н. Смелзер) [2, с. 127].

Е.М. Бабосов, анализируя основные трудности и нерешенные проблемы современной белорусской семьи, особым образом выделяет три основные:

- материальная неустойчивость многих, особенно молодых семей;
- существенное снижение ее среднего размера и детности;
- негативная динамика браков и разводов [3].

И действительно, в последние годы возросли масштабы распада браков вследствие разводов. Оценивая сложившуюся ситуацию, Л.Г. Шахотько отмечает, что при такой интенсивности за 25 лет в республике только в результате разводов распадется более трети браков, заключенных в 1990-е годы [4].

Несомненно, социально-экономические факторы влияют на стабильность брачно-семейных отношений. Вместе с тем, в сложном комплексе причин, вызывающих распад семьи, одно из первых мест занимает несовпадение ожиданий супругов по отношению друг к другу [5]. Общеизвестно, что каждый из супругов, к моменту вступления в брак, под влиянием родителей и личного опыта, имеет сложившиеся представления не только об оптимальном образе жизни семьи, но и тех качествах, которыми должны обладать каждый из супругов, – идеалами мужа и жены. Особенностью идеалов есть то, что они не только выступают элементами направленности личности, стимулирующими и регулируемыми ее развитие, но и служат образцом [6], в котором представлены самые важные для данного типа взаимодействия свойства страженного объекта [7]. При этом правомерно предположить, что несовпадение идеалов мужа и жены у супругов может быть причиной психологической несовместимости, неуживчивости, нетерпимости к недостаткам другого, неумения создать семейную жизнь [8].

Заметим, что юношеский возраст, – наиболее сензитивный период для формирования идеалов мужа и жены. Это обусловлено тем, что именно в юношеском возрасте молодые люди познают всю сложность и глубину межличностных отношений и приобретают первый эмоционально-значимый опыт межполовых отношений, но также и тем, что именно в юности молодые люди впервые «серьезно» примеряют по отношению к себе не только роли полового партнера, но и супруга/супруги.

Мы предположили, что идеалы мужа и жены в юношеском возрасте могут быть не только показателем успешности их гендерной социализации, но при

их несовпадении у юношей и девушек позволяют указать на некоторые возможные проблемы внутрисемейных отношений, которые могут встать перед ними в их будущей супружеской жизни.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы методом свободных описаний было опрошено 127 юношей в возрасте 17–19 лет и девушек 16–18 лет, учащихся выпускных классов средней школы, учащихся ПТУ, студентов техникума и вуза из полных семей. Им было предложено записать качества, которыми, по их мнению, должны обладать современные мужья и жены. Весь полученный материал был подвергнут контент-анализу (результаты его смотри в таблице); он позволил выделить одиннадцать тем, объединяющих качества, которыми, по мнению испытуемых, должны обладать современные жены и мужья. Они следующие: 1) качества, при помощи которых можно описать внешность человека (красивая, хорошо сложенный, стройная); 2) качества, отражающие социальный статус или признаки социальной успешности (богатый, образованный); 3) качества, преимущественно проявляющиеся в общении (добрый, разговорчивый, коммуникабельный, неконфликтный); 4) качества, связанные с трудом и деловой активностью (имеет работу, зарабатывает деньги, работающий); 5) качества, проявляющиеся в домашнем труде, в заботе о благоустройстве дома (хорошо готовит, ходит в магазин, помогает жене, заботится о благоустройстве дома); 6) качества, характеризующие эмоционально-духовную сторону супружеского общения (любящий, понимающий, романтичный, доверяющий); 7) качества, раскрывающие морально-правовую сторону супружества (надежный, верный, постоянный, ответственный, честный); 8) качества, характеризующие интимно-сексуальные отношения между супругами (сексуальная, хорош в кровати); 9) качества супругов как родителей (любит детей, занимается воспитанием детей, всегда с детьми); 10) качества, описывающие традиционное понимание мужественности/женственности (милая, застенчивая, нежная, женственная; сильный, уверенный в себе, волевой, энергичный, мужественный); 11) качества, по которым можно судить о претензии испытуемых на руководство семейным союзом и принятие общезначимых решений (умный, мудрый, все берет на себя, умеет распоряжаться деньгами). Представленность той или иной темы определялась как количеством испытуемых, использовавших ее в своих описаниях, так и ее объемом в ряду других тем. Различия устанавливались при помощи многофункционального ф-критерия Фишера. Кроме того, каждой теме, в зависимости от процентной представленности, присваивался ранг.

Таблица

Тематическая структура идеалов мужа и жены у юношей и девушек

Темы	Муж				Жена			
	Юноши		Девушки		Юноши		Девушки	
	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%
Внешность	10	4,1	7	7,7	5	11,1	5	9,6
Статус	9	5,8	9	5,6	11	2,3	9	4,6
Общение	4	11,0	4	11,7	4	11,9	2	14,7
Деловые	1	13,4	3	13,3	10	3,2	7	7,3
Забота о доме	2	12,8	5	9,4	1	15,1	3	13,8
Эмоциональные	7	9,3	1	15,1	2	13,5	1	16,6
Нравственно-правовые	3	11,6	2	13,9	3	12,7	6	7,4
Сексуальные	11	3,5	10	5,0	9	4,7	11	2,7
Родительские	6	9,8	8	6,4	6	9,5	10	3,2
Традиционно-гендерные	8	8,1	6	8,3	7	8,7	8	6,9
Глава семьи	5	10,6	11	3,9	8	7,3	4	13,2

Были обнаружены следующие количественные различия идеалов мужа и жены внутри групп юношей и девушек.

Юноши чаще упоминают внешность жен ($p < 0,015$), но качества, проявляющиеся в труде и деловой активности, в большей степени приписывают мужьям ($p < 0,074$). Главенство в семье юноши, опять же, чаще приписывают мужьям ($p < 0,01$).

Девушки также деловые качества чаще отмечают у мужей ($p < 0,021$), но, кроме того, нравственно-правовые качества они опять же чаще приписывают мужьям ($p < 0,05$), однако жен, а не мужей девушки наделяют качествами, необходимыми для руководства жизнью семьи ($p < 0,015$).

Рассмотрим теперь различия в идеалах мужа и жены между группами юношей и девушек.

У мужей юноши чаще, чем девушки, отмечают качества главы семьи ($p < 0,019$), а девушки, чаще, чем юноши, указывают на качества, проявляющиеся в эмоционально-духовной сфере супружеских отношений ($p < 0,08$).

Жен юноши в большей степени, нежели девушки, наделяют качествами, проявляющимися в детско-родительском общении ($p < 0,057$), а также нравственно-правовыми качествами супружеских отношений ($p < 0,077$); девушки чаще, чем юноши, приписывают женам деловые качества ($p < 0,057$) и качества главы семьи ($p < 0,68$).

Обратимся к качественной представленности тем.

Для описания внешнего вида мужа или жены чаще всего используются прилагательные «красивая/красивый» «симпатичный/симпатичная». Вместе с тем, описывая внешний вид мужей, юноши как бы подчеркивают момент достижения «следит за фигурой», «спортивный». Девушки особо подчеркивают, что мужья должны быть «опрятны», «аккуратны», «следить за собой».

Социальный статус мужа/жены и юноши, и девушки обычно обозначают словами «богатый» (чаще о мужьях и юноши, и девушки) или «образованный» (чаще о женах).

Качества, проявляющиеся в межличностном общении весьма разнообразны. Гендерных различий в использовании тех или иных их вариантов юношами и девушками не выявлено. Чаще же всего упоминается «добрый/добрая» как некое интегративное выражение способности человека (вне зависимости от его пола) к полноценному общению.

В описаниях мужа/жены как хозяина/хозяйки дома просматривается влияние традиционных стереотипов разделения домашнего труда. У юношей мужья «заботятся о ремонте дома», «делают мужскую работу по дому», но, кроме этого, «помогают жене по хозяйству», «ходят в магазин», а жены, — «хорошо готовят», «ведут дом». Так же описывают домашнюю работу жены и девушки, однако, в их описаниях практически не представлена мужская работа по дому, — мужья у них «помогают жене», «заботятся», или ... «не мешают вести хозяйство».

Содержание тем эмоционально-духовных супружеских и детско-родительских отношений не различаются у юношей и девушек: и мужья, и жены должны быть «любящими», «понимающими», а по отношению к детям, — «хорошими отцами/матерями», «воспитателями детей», должны «заботиться о детях, об их будущем».

Мужественность/женственность супругов юноши и девушки описывают по традиционным гендерным схемам. Так, мужья сильны, смелы, а жены — милы, нежны, загадочны. Вместе с тем, в ряде случаев девушки, описывая жен, включают не свойственные традиционной схеме качества: решительны, настойчивы. Смешение гендерных стереотипов также просматривается и в описании девушками мужей. Некоторые из принявших участие в исследовании, хотят видеть их трогательными, нежными, душевными. Это, на наш взгляд,

можно рассматривать как признак особой значимости (и именно для девушек) эмоционально-насыщенных отношений в супружестве.

Качества, раскрывающие морально-правовые аспекты супружеских отношений в их отношении к женам, не различаются у юношей и девушек: «верная», «честная», «справедливая», «постоянная». То же пишут о мужьях и юноши, однако, девушки добавляют: «непьющий», «не скандальный», «неконфликтный», – как бы этим вскрывая основные «трудные» аспекты супружеских взаимоотношений.

Интимное супружеское общение у девушек представлено только словом «сексуальный/сексуальная». Юноши более свободно говорят об этой стороне супружеской жизни, добавляя: «хороша в постели», «сексуально привлекательная», «эротичная», а о мужьях, – «мужчина до старости», «хороший сексуальный партнер», «не устает (не ленится) работать в постели».

Хотелось бы обратить особое внимание на тему, объединяющую качества, проявляющиеся в воспитании супругами детей. Девушки и для жен, и для мужей предлагают различные их варианты: «любит детей», «заботливая мать/отец», «хороший воспитатель», «подает пример детям» и многие другие. Набор качеств, предложенных юношами, весьма «беден» в их отношении к мужьям: «любит детей», «заботится о детях» и, следует подчеркнуть, весьма разнообразен, в их отношении к женам: «хорошая мать», «всегда с детьми», «воспитывает детей», «помогает детям делать уроки». Такой «дисбаланс», по нашему мнению, может свидетельствовать о том, что опыт родительских семей не дал респондентам достаточно примеров вовлеченности отцов в жизнь детей, что, к слову сказать, было установлено в исследованиях, проведенных в последние годы [9, 10].

И, наконец, качества супруга/супруги как главы семьи. Девушки предлагают весьма разнообразные их варианты в отношении жены: «умная», «мудрая», «умеет распорядиться деньгами». О мужьях они обычно пишут: «умный». Юноши о женах: «умная», «экономная», «оберегает покой и порядок в семье». О мужьях: «думает о семье», «умеет принимать решения». Однако чаще всего главенство мужа в семье утверждается в негативной форме: «не [находится] под каблуком у жены», «не тряпка».

Мы не выделили в отдельную тему (она представлена только у юношей) проблему отношений с родителями супруга/супруги: «хороший зять», «уважает родителей», «не ссорится с тещей». Возможно, это связано с тем, что престарелые родители чаще всего проживают с дочерью (женой), и проблемы в отношениях с ними возникают именно у зятьев (мужей), а не дочерей (жен). Впрочем, это положение требует дополнительного изучения.

Представим созданные юношами и девушками идеалы во всей их полноте и целостности.

Согласно юношам, муж должен иметь несколько более высокий социальный статус, чем жена; именно он является «главным» добытчиком в семье, а, поэтому, может претендовать и на главенство в ней. Регулятором супружеских отношений становятся понятия о долге. Муж требует от жены верности и постоянства, причем то же обещает ей. Жена красива (или хотя бы симпатична); она ближе к детям, чем муж; обязанности по дому выполняются в соответствии с традиционным его делением на мужской (ремонт, благоустройство квартиры) и женский (кухня, магазин, рукоделие), впрочем, муж может супруге «помогать по дому».

Хотя девушки так же, как и юноши, видят в мужьях главных добытчиков семьи, ответственных за финансовое благополучие, но их вклад в семейный бюджет не менее существенен. При этом социальный статус жены не ниже, чем у мужа, а работу по дому и воспитанию детей они «делят поровну», при-

чем муж, выполняя «мужскую работу по дому», не чужд и кухни: «умеет готовить и накрывать на стол», «постоянно моет посуду». Главным регулятором супружеских отношений становится эмоционально-духовная близость супругов. Семья управляется и направляется женой, так как она «ведет дом», «умеет распорядиться деньгами» и «экономно их расходует».

Существующие различия образов мужа/жены, созданных юношами и девушками, на наш взгляд, могут стать источниками семейной нестабильности и супружеских конфликтов.

Выделим несколько точек этой напряженности:

– соперничество за лидерство в семье между мужем и женой: юноши о мужьях – 5 ранг, а жены – 11, и, соответственно, девушки, – 8 и 4;

– завышенные ожидания со стороны жен (девушки) эмоциональных проявлений супружеской любви со стороны мужей (эмоциональные отношения между супругами: мужья у девушек – 1 ранг, мужья у юношей – 7 ранг) и некоторый формализм и возможная сухость отношений, выстраиваемая мужем (юноши) по отношению к жене (нравственно-правовые отношения супругов: у юношей: жены – 3 ранг, у девушек: жены – 6 ранг);

– недооценка супругом материального вклада жены в общесемейную копилку (деловые качества, у юношей: женщины – 10 ранг, у девушек: женщины – 7).

Подведем некоторые итоги: мужья (юноши) готовы развивать деловую активность во благо семьи за ее пределами (высший ранг), а девушки (жены) ждут от них эмоционального соучастия (образ мужа у девушек – высший ранг). Юноши с женой надеются получить и домохозяйку (юноши: жена – высший ранг), а девушки готовы дарить им любовь и понимание (образ жены у девушек – высший ранг).

ЛИТЕРАТУРА

1. Розинаева Г. Супружество, материнство и отцовство. – Мн., 1984. – С. 86.
2. Психология семьи. Хрестоматия. – Самара, 2002. – С. 169.
3. Бабосов Е.М. Прикладная социология. – Мн., 2000. – С. 220–221.
4. Шахотько Л.П. Население Республики Беларусь в конце XX века. – Мн., 1996. – С. 63.
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб., 2002. – С. 223.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 2003. – С. 532.
7. Бодалев А.А. Психология общения. – Москва – Воронеж, 2002. – С. 236.
8. Кочетов А.И. Начала семейной жизни. – Мн., 1989. – С. 207.
9. Девярых С.Ю. К вопросу о состоянии педагогической культуры родителей // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта, 2003, № 4(30). – С. 34–38.
10. Синягина Н.Ю. Психолого-педагогическая коррекция детско-родительских отношений. – М., 2001.

S U M M A R Y

The article is based on the results of the empiric research; the gender differences of a man's and woman's ideals at an adolescent age, are analysed. A prognosis of young men's and woman's future family relations is given.

Поступила в редакцию 26.03.2004

Сравнительный анализ личностных и ситуационных детерминант у старших школьников с просоциальной и асоциальной направленностью поведения

Методологической основой проведенного диагностического исследования явилась теория социального научения А. Бандуры, согласно которой поведение, другие личностные факторы и факторы внешней среды взаимодействуют между собой как взаимозависимые детерминанты, причем их взаимодействие различается в зависимости от условий и вида поведения [1].

Опираясь на теоретические данные о просоциальном поведении, в нашем исследовании под данным термином понимались действия, предназначенные для того, чтобы приносить пользу другому человеку, обществу [2].

Исходя из существующих подходов и теорий изучения просоциального поведения можно выделить следующие психологические детерминанты: ситуационные и личностные. Ситуационные детерминанты определяются главным образом ситуацией или окружающей средой. Но в то же время одной лишь ситуации недостаточно для прогнозирования поведения, следует также принимать во внимание характерные особенности личности, т.е. личностные детерминанты.

Личностные детерминанты представляют собой структурные единицы личности, ее характерные особенности. А характерные особенности личности предопределяют модель действий человека, независимо от ситуаций и обстоятельств и являются относительно стабильными и устойчивыми в течение определенного периода времени. Вместе с тем знание личностных детерминант не всегда позволяет прогнозировать поведение в определенной ситуации, для этого необходимо рассматривать факторы, обуславливающие поведение, т.е. ситуационные детерминанты.

Таким образом, существует необходимость в изучении просоциального поведения во взаимодействии личностных и ситуационных детерминант. Для этого был разработан экспериментальный план, апробирован и использован пакет психодиагностических методик; и на основе полученных данных сделан сравнительный анализ личностных и ситуационных детерминант у старших школьников (13–15 лет).

Так, контент-анализ ситуационных детерминант, изучаемых при помощи методики «Незаконченные предложения» показал, что существуют определенные различия в ответах старших школьников с асоциальной и просоциальной направленностью личности [3].

Проанализируем ответы опрошенных по каждому из вопросов. Так, детальный анализ ответов на первый вопрос **«Когда вижу, что другому срочно требуется помощь, то я ...»** показал, что не существует достоверных различий между ответами опрошенных. Исключения составляют ответы, фиксирующие отказ от помощи. У мальчиков асоциальной направленности процент отказа от помощи достоверно выше ($p < 0,1$), чем у мальчиков просоциальной направленности. Иерархия ответов просоциальных мальчиков и девочек в целом совпадают, однако существуют различия при ответе

«помогу, если требуется» ($p < 0,1$). По остальным параметрам достоверных различий не существует. Хотелось бы отметить, что среди ответов на данный вопрос были выделены следующие: «не помогу», «помогу, если требуется», «постараюсь помочь», «помогу».

Таким образом, была зафиксирована тенденция, что в ориентациях про-социальных и асоциальных старших школьников доминирует оказание помощи, но вместе с тем у мальчиков и девочек с асоциальной направленностью отказ от помощи преобладает.

Анализ ответов по второму вопросу **«Если помощь другому человеку не требует многих затрат (усилий), то я ...»** показал, что не существует достоверных различий между ответами опрошенных по данному вопросу. В том числе отмечены следующие ответы старших школьников: «не помогу», «помогу в зависимости от ситуации», «помогу». В связи с этим можно сделать вывод о том, что у подростков с про-социальной и асоциальной направленностью преобладает тенденция к оказанию помощи, но все же у подростков с асоциальной направленностью личности отказ от оказания помощи несколько выше, чем у про-социальных.

Детальный анализ ответов на вопрос **«Если помощь другому человеку предполагает вознаграждение, то я ...»** показал, что достоверные различия между ответами опрошенных были зафиксированы у мальчиков асоциальной и про-социальной направленности, где различия при ответе «помогу за вознаграждение» составили ($p < 0,01$), а также при ответе «помогу, но вознаграждение не возьму» ($p < 0,01$). У старших школьников про-социальной направленности процент оказания помощи в зависимости от желания достоверно различен ($p < 0,1$). Достоверные различия существуют еще при ответе «помогу за вознаграждение» у про-социальных и асоциальных девочек ($p < 0,1$). По остальным показателям достоверных различий выявлено не было. Также основными ответами явились следующие: «помогу за вознаграждение», «помогу в зависимости от желания», «помогу, но вознаграждения не возьму».

Было обнаружено, что вне зависимости от пола доминирует помощь за вознаграждение. При этом альтруистическая мотивация отсутствует у подростков с асоциальной направленностью, а также у них не наблюдается ориентация оказания помощи в зависимости от желания.

При анализе ответов («материальное вознаграждение», «мнение людей», «взаимопомощь и справедливый обмен», «благо для себя», «благо для других») на вопрос **«Я помогаю другим людям, чтобы ...»** отметим, что мальчики асоциальной направленности более корыстные, так как у них наблюдается ориентация на материальное вознаграждение и для них не значимо мнение окружающих людей. Желание действовать по принципу «ты мне – я тебе» присуще девочкам с асоциальной направленностью: это говорит о том, что без ответной помощи они не хотят что-либо предпринимать, они рассчитывают на взаимные чувства, действия других людей. Наиболее альтруистичны, то есть стремятся осуществлять благо для других, девочки про-социальной направленности.

При детальном анализе было установлено, что достоверные различия между ответами существуют только у мальчиков асоциальной и про-социальной направленности при ответе «материальное вознаграждение» ($p < 0,01$), также при зависимости от мнения людей ($p < 0,01$), при этом же ответе у мальчиков и девочек про-социальной направленности наблюдаются различия ($p < 0,1$). У мальчиков и девочек асоциальной направленности выявлены достоверные различия ($p < 0,01$) при желании получить материальное вознаграждение. В остальных случаях достоверных различий не существует.

Ответами старших школьников на вопрос **«Я более склонен(нна) приносить пользу другому, если нахожусь в ...»** стали следующие: «в алкогольном опьянении», «в определенной ситуации», «в окружении других людей», «в хоро-

шем настроении». Сравнивая эти ответы, было установлено, что достоверные различия существуют у мальчиков просоциальной и асоциальной направленности при ответе «в алкогольном опьянении» ($p < 0,1$), у мальчиков и девочек асоциальной направленности при ответе «в хорошем настроении» ($p < 0,1$). Больше достоверных различий установлено не было. Также следует отметить, что для старших школьников просоциальной направленности личности не характерно оказание помощи в алкогольном опьянении, т.е. им не присуще употребление алкоголя, и наблюдается ориентация приносить пользу в хорошем настроении.

При сравнении ответов на вопрос **«Я стану оказывать помощь человеку, если ...»** видно, что детальный анализ показал, что достоверные различия существуют при ответе «взаимопомощь и справедливый обмен» у мальчиков просоциальной и асоциальной направленности ($p < 0,1$) и на этот же ответ только у мальчиков и девочек просоциальной направленности ($p < 0,1$). По остальным ответам («получу вознаграждение», «оценка моих действий», «взаимопомощь и справедливый обмен», «просьба о помощи», «больше некому помочь») достоверных различий не обнаружено. Но все же у подростков с просоциальной направленностью зафиксирована тенденция к отказу от вознаграждения и оценки действий, а также, что подростки с асоциальной направленностью чаще всего станут оказывать помощь человеку, если больше некому помочь.

Анализ по вопросу **«Я помогаю другим людям, если ...»** показал, что у старших школьников асоциальной направленности не было зафиксировано одинаковой тенденции распределения ответов: «получу вознаграждение», «взаимопомощь и справедливый обмен», «просьба о помощи», «нужда в помощи», «больше некому помочь». Но хотелось бы отметить, что у подростков нет ориентации на оказание помощи, если больше некому помочь. При детальном анализе было выяснено, что достоверные различия между ответами опрошенных существуют у мальчиков просоциальной и асоциальной направленности при ответе «вознаграждение» ($p < 0,01$) и при ответе «нужда в помощи» ($p < 0,05$). У просоциальных мальчиков процент оказания помощи, если их об этом попросят, достоверно выше ($p < 0,1$), чем у просоциальных девочек. А иерархии ответов асоциальных мальчиков и девочек в целом совпадают, однако существуют различия при ответе «вознаграждение» ($p < 0,1$). В остальных случаях достоверных различий выявлено не было.

При этом была отмечена тенденция у старших школьников с просоциальной направленностью к оказанию помощи в том случае, если в ней нуждаются, и для подростков с асоциальной направленностью не имеет значения тот факт, что больше некому помочь, но они все же рассчитывают на взаимопомощь и справедливый обмен.

При сравнении ответов на вопрос **«Когда слышу, что люди должны помогать тем, кто в этом нуждается, то я ...»** было установлено, что не существует различий между ответами опрошенных: «не согласен с этим», «взаимопомощь и справедливый обмен», «согласен с этим», «постараюсь помочь». Исключение составляет ответ, фиксирующий оказание помощи при условии взаимопомощи и справедливого обмена. Так, у мальчиков просоциальной и асоциальной направленности достоверные различия составили $p < 0,1$.

Таким образом, наблюдается стремление к оказанию помощи со стороны старших школьников с асоциальной и просоциальной направленностью. А также то, что для подростков с просоциальной направленностью личности не имеет значение условие взаимопомощи и справедливого обмена, т.е. они более альтруистичны.

Анализируя ответы «не буду помогать ему», «проявляю агрессию», «обижаюсь (огорчаюсь, расстраиваюсь)», «не расстраиваюсь» на вопрос **«Когда слышу, что люди должны помогать тем, кто в этом нуждается, то я ...»** наблюдаются достоверные различия у мальчиков просоциальной и асоци-

альной направленности при ответе «проявляю агрессию» ($p < 0,1$). У мальчиков асоциальной направленности процент отказа от помощи достоверно выше ($p < 0,1$), чем у мальчиков просоциальной направленности. У мальчиков просоциальной направленности процент ориентации на помощь выше ($p < 0,05$), чем у мальчиков асоциальной направленности. Также следует отметить, что достоверные различия существуют у мальчиков и девочек асоциальной направленности ($p < 0,1$) при ответе «проявляю агрессию».

В итоге можно сделать вывод о том, что старшим школьникам свойственна ориентация на оказание помощи без получения благодарности. Также выявлена тенденция у мальчиков асоциальной направленности к проявлению агрессии.

Анализируя полученные результаты по вопросу **«Справедливая помощь – это когда ...»** было обнаружено, что достоверные различия существуют у мальчиков просоциальной и асоциальной направленности при ответе «вознаграждение» ($p < 0,01$) и у них же при ответе «совестливость» ($p < 0,05$). У девочек просоциальных процент оказания помощи нуждающимся достоверно выше ($p < 0,1$), чем у мальчиков просоциальных, так же и у мальчиков асоциальных необходимость взаимопомощи и справедливого обмена достоверно выше ($p < 0,1$), чем у девочек асоциальных. В том числе достоверные различия были выявлены у мальчиков и девочек асоциальной направленности при ответе «нужда в помощи» ($p < 0,1$). В целом ответы на данный вопрос были отмечены следующие: «получу вознаграждение», «взаимопомощь и справедливый обмен», «совестливость», «нужда в помощи», «бескорыстная помощь».

Независимо от пола и направленности поведения подросткам свойственны одинаковые позиции в следующих ситуациях:

- «когда вижу, что другому срочно требуется помощь, то я помогу»;
- «если помощь другому человеку не требует многих затрат (усилий), то я помогу»;
- «если помощь другому человеку предполагает вознаграждение, то я помогу»;
- «когда слышу, что люди должны помогать тем, кто в этом нуждается, то я согласен с этим».

Также в ходе анализа полученных данных был сделан сравнительный анализ **личностных детерминант** у подростков с различной направленностью в поведении [3–7].

В результате исследования было установлено, что мальчики с просоциальной направленностью отличаются от просоциальных девочек следующими показателями: совестливостью, эстетической впечатлительностью, общей активностью и другими. Это свидетельствует о том, что мальчики просоциальной направленности по сравнению с девочками просоциальными более активны. Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что мальчиков просоциальных отличает от девочек просоциальных неиссякаемая энергия, предприимчивость, активное стремление к достижению поставленных целей; также они отдают предпочтение активной деятельности, стремятся быть на виду, обладают организаторскими способностями и лидерскими качествами. Но в то же время мальчики по сравнению с девочками легкомысленны и небрежны, порой уклоняются от выполнения своих обязанностей. Но обычно практичны, трезво оценивают обстоятельства и людей, а также стремятся к самоутверждению, склонны к быстрым решительным действиям без достаточного их обдумывания.

При изучении результатов мальчиков асоциальной направленности и девочек асоциальной направленности было выяснено, что они отличаются более низкими показателями невротизма, общительности, эстетической впечатлительности, женственности, направленности на себя. В результате этого было зафиксировано, что мальчики асоциальной направленности в отличие от девочек асоциальной на-

правленности чаще всего спокойны, невозмутимы, в общении, как правило, тактичны, избегают эмоциональной близости с людьми. Ко всему в жизни подходят с логической меркой, всему стараются найти рациональное объяснение. Также стремятся к самоутверждению, чаще всего заботятся о своих интересах.

Мальчики просоциальной направленности отличаются от мальчиков асоциальной направленности показателями: совесть, робость, альтруизм, расторможенность, направленность на себя, направленность на взаимодействие и направленность на задание. В итоге можно заключить, что мальчики просоциальной направленности более склонны к чувству долга, с уважением относятся к моральным нормам, обычно ответственны и добросовестны, чаще всего избегают рискованных ситуаций, готовы прийти всегда на помощь, умеют понимать и сопереживать другим людям. При этом не боятся неудач и поскольку их восприимчивость основана на собственных результатах, то они, скорее всего, выполняют задания, гарантирующие успех, или такие, где никто не рассчитывает на их успех. В то же время, следует отметить, что они менее расторможены, т.е. уступчивы, сдержанны, осторожны и обычно ориентированы на социальное окружение.

При анализе данных было установлено, что девочки просоциальной направленности отличаются от девочек асоциальной направленности следующими показателями: совесть, робость, женственность, эмпатия, альтруизм, направленность на задание, общая активность и расторможенность. Это значит, что девочки просоциальные в отличие от девочек асоциальных характеризуются медлительностью, отдают предпочтение однообразной работе, порой охотно переключаются на плечи других людей. В то же время они уступчивы, сдержанны, не стремятся к новым впечатлениям. Помимо названных отличий необходимо отметить, что девочки асоциальной направленности по сравнению с девочками просоциальной направленности обычно легкомысленны, небрежны, склонны к риску, решение принимают быстро и незамедлительно приступают к их осуществлению. Любят быть у всех на виду, верят в силу, а не в искусство, снисходительно относятся к своим слабостям. Не умеют или не желают с пониманием относиться к чувствам других людей, чаще всего ищут выгоду для себя при оказании помощи. Стараются избегать неудач и выбирать задания средней трудности или реально выполнимые.

Вне зависимости от пола просоциальная направленность поведения подростков характеризуется высокими показателями: совесть, робость, альтруизм, направленность на задание и низкими показателями – расторможенность. Таким образом, подростки руководствуются чувством долга, с уважением относятся к моральным нормам, точны и аккуратны в делах, во всем любят порядок, отличаются ответственностью и добросовестностью, избегают рискованных ситуаций. Неожиданные события встречают с беспокойством. В общении стеснительны, стараются не выделяться. Предпочитают узкий круг знакомых и друзей. Уступчивы, сдержанны, осторожны. Ориентированы на социальное окружение, не стремятся к новым впечатлениям. Эмоционально отзывчивы. В оценке событий доверяют своим чувствам и интуиции, чем аналитическим выводам. Окружающие люди ценят их за чуткость и отзывчивость. Подростки нередко испытывают комплекс вины, опасаясь причинить людям хлопоты, не только словом, но даже взглядом бояться задеть их. Стараются не допускать конфликтных ситуаций и находить компромиссные решения. Предпочитают работать с людьми, нежели в одиночку. Очень продуктивны в коллективной работе и при взаимодействии с другими людьми, так как стараются выглядеть в лучшем свете.

В итоге можно сделать вывод о том, что подросткам свойственна ориентация на оказание помощи без благодарности. Также выявляется тенденция у мальчиков асоциальной направленности к проявлению агрессии.

Таким образом, для подростков с просоциальной направленностью поведения характерно оказание помощи. Если это предполагает еще и получение вознаграждения, то они от него не отказываются, а если не получают его, то не расстраиваются. Чаще всего они склонны к проявлению просоциального поведения в хорошем настроении и при ориентации на мнение окружающих людей, взаимопомощи и справедливого обмена и в том случае, когда люди нуждаются в помощи. Для девочек просоциальной направленности еще присуще проявление альтруизма, т.е. бескорыстного оказания помощи другим.

У мальчиков асоциальных наблюдается тенденция оказания помощи за вознаграждение в большей степени, чем у девочек асоциальных, но при этом девочки асоциальной направленности более эмоциональны, агрессивны и для них не настолько значимо «мнение окружающих людей», нежели для мальчиков асоциальной направленности. При наличии мотива (установки) просоциальное поведение у подростков с асоциальной направленностью поведения проявляется в ситуации оказания помощи, если больше некому помочь, а в случае «действия» – взаимопомощь и справедливый обмен.

Вместе с тем существуют некоторые гендерные различия. Так, у девочек с просоциальной направленностью поведения ниже показатели общей активности и выше показатели женственности и эмпатии. А у мальчиков выше направленность на себя и ниже – направленность на взаимоотношения.

Таким образом, видно из вышеизложенного, что в данной работе систематизирован большой эмпирический материал, на основе которого проделана научно-практическая работа, отражающая причинно-следственную обусловленность проявления просоциального и асоциального поведения. Анализ данных позволил определить различия и психологические особенности старших школьников. Вместе с тем в работе нашли отражение характеристики асоциальных и просоциальных старших школьников с точки зрения гендерных различий.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бандура А.** Теория социального научения. – СПб., 2000. – 320 с.
2. **Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р.** Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. – СПб., 2002. – 560 с.
3. **Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М.** Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб., 2000. – 528 с.
4. **Ильин Е.П.** Мотивация и мотивы. – СПб., 2000. – 512 с.: ил.
5. **Калинин С.И.** Компьютерная обработка данных для психологов / Под ред. **А.Л. Тулупьева.** – СПб., 2002. – 134 с.
6. **Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.** Введение в экспериментальную психологию личности: Учеб. пособие для слушателей ИПК преподавателей пед. дисциплин ун-тов и пед. ин-тов. – М., 1985. – 319 с.
7. **Пайнс Э., Маслач К.** Практикум по социальной психологии. – СПб., 2000. – 528 с.: ил.

S U M M A R Y

This article reflects analysis of the data, which helps to determine the psychological peculiarities of the personal manifestations and situational determinants of the prosocial behavior of teenagers with different levels of the scale prosocial - antisocial behavior.

Поступила в редакцию 24.09.2004

Н.Е. Минина

«Нам всем подобает умирать за единый азъ...» (о взаимосвязи языка и обрядности в старообрядческом социуме)

Раскол русской православной церкви во второй половине XVII века, как известно, связан с церковной реформой, унифицировавшей обрядность и богослужебные книги.

Было ликвидировано двуперстное сложение, написание *Исус*, сугубая аллилуйя, восьмиконечный крест, хождение вокруг аналая *посолонь* (по солнцу), богослужение (проскомидия) на семи просфорах, пение по крюкам, земные поклоны, строительство шатровых храмов, старорусские иконы и др. Таким образом, расхождения не восходили к догматам, были внешними, обрядными, но «в глазах наших предков обряд играл большую роль, и всем этим отступлениям они придавали огромное значение, смотря на них, как на «ереси» [1].

Для старообрядцев изменение обрядов означало измену самой вере, заветам предков, отказ от собственной истории, своих корней. Защита обряда представлялась им как защита и сохранение истинного православия («древнего благочестия»): «Нам всем подобает умирать за единый азъ...» [2]. От правильности буквы и обряда зависит спасение души человека, а правильными могут быть, по их мнению, лишь дониконианские обряды и книги, изданные только при первых пяти московских патриархах.

О сути раскола русской православной церкви свидетельствует само слово *старообрядец*, имеющее выраженную внутреннюю форму. Это наименование официально признано самими сторонниками старообрядчества. В Беларуси параллельно встречается и другое официальное название – *старовер*.

Остальные наименования старообрядцы считают для себя оскорбительными:

слово *раскольники* используется лишь официальной православной церковью, встречается в миссионерской литературе, несет негативную оценку, подчеркивая «еретизм», отступление от истинных догматов православия;

москали (*москаль*, *московка*) включает не только сему «старовер», но и сему «русский, пришелец из России (Москвы), чужой»; это название широко представлено на Витебщине;

именование *кацапы* встречается в южных областях Беларуси; это украинское прозвище великоруссов, этимологически включает приставку *ка-* и корень *-цап-* («козел»); бритому украинцу бородатый русский казался козлом [3].

Противостояние местных жителей-белорусов и пришельцев (*иноверцев*, что важнее всего) рождало взаимную неприязнь и даже оскорбления. Так, в среде старообрядцев родились следующие пренебрежительные наименования белорусов:

злёб (*злевоўка*) – «неверующий, неверующая»: *Злевоўка была, муж мой крэстиў мяня в лубке* (д. Слобода, Витебский район), *Ета злёб называлі* (д. Кулаково, Шумилинский район); восходит, скорее всего, к словам *зло*, *злой*, которые понимались шире современных: «не благо, худо, тьма» (ср. у В. Даля:

злоака – злая женщина, но *зловерие* – ложная вера, *зловерец*, *зловер*, *зловерка* – приверженцы ложной (злой) веры [4]);

погань – *оскорбит*. о старообрядцах, следовательно, по их мнению, не истинно верующих: *Раней паганей на горад даж не пускали* (д. Стриганцы, Витебский район); у В. Даля слово отмечено со значением «язычник, некрест» [4, т. 3, с. 153]; в исследуемых говорах имеет и другое значение – «кружка для гостей *иной веры*» (образование с нулевым суффиксом от «*поганий*»);

мужик, *мужичка* – необразованный человек, грубый; в прошлом, вероятно, таким именованием подчеркивалась подневольность белорусов, их крепостное положение в отличие от старообрядцев, большинство из которых оставались людьми вольными [5].

Стремясь к замкнутости, сохранению своей религии (и общины) от иноверцев, старообрядцы не только сохранили диалектные черты материнского говора, но и выработали свой, специфический социолект – замкнутую систему языка, понятную и заметную посвященным (не только в лексике, но и в фонетике и в грамматике), где работает принцип «свое – чужое».

Поскольку культ, обрядность (в узком смысле) – наиболее консервативная часть религии, передающаяся от поколения к поколению, постольку очень важным было сохранить как сами культовые действия, нормы выработанной веками культовой атрибутики, так и их названия, особенности произношения этих названий.

Рассмотрим некоторые из таких слов.

У беспоповцев, не признающих официальную церковную иерархию, все же есть своя *цэрква* (произносится с лексикализированным ассимилятивным смягчением; у В. Даля форма *церква* отмечена как новгородская [4, т. 4, с. 573]), *малельня* или *маленная*: *Пакойника для атпявання нясуць у цэркву* (д. Пыжи, Лиозненский район); *У малельню хадили и утрам и вечарам* (д. Ивановка, Городокский район); *Нясуть у маленную, паюць правады* (д. Кублищино, Миорский район).

Как ни парадоксально с лингвистической точки зрения, но у беспоповцев есть свой *поп*, или грамотный старик. Иногда это женщина – *попиха* (*У нас не поп, а попиха* (д. Ловжа, Шумилинский район). Быть попом – значит *поповать* (*Папавать стаў* (д. Заборье, Шумилинский район).

В моленной мужчины и женщины стоят по разные стороны, иногда разделенные перегородкой. Необходимые атрибуты при богослужении – *лестовка* и *подрушник*.

Лестовка – особые четки для отсчитывания молитв и поклонов: *У нас у кожнава есць лестаўки* (д. Ходьково, Россонский район); *Па лестафке моляцца, на кожанай вярэфке кожна кусочка* (д. Слобода, Витебский район).

В центре *лестовка* разделена кожаным треугольником на две неравные части. Общее количество уплотнений-отметок (*бобинок*) соответствует количеству поклонов (100). *Лестовку* обязательно надевают и покойнику на левую руку, а пальцы на правой руке складывают как при крестном знамении. Двенадцать *бобинок* на *лестовке* располагают на теле.

Зафиксированное нами вариантное название *лесенка* помогает прояснить этимологию. М. Фасмер вслед за А. Преображенским предлагает двоякое толкование происхождения слова «*лестовка*»: от *лѣства* (см. *лестница*) или от *леса* (бечевка с крючком; плетень) [3, т. 2, с. 487]. Диалектная форма *лесенка* позволяет склониться к первому варианту.

Подрушник – небольшой коврик, который кладется *под руки* при земных поклонах: *Ета у нас падрушник, штоб руки класть, кагда молимся* (д. Рубашки, Шарковщинский район).

Значителен пласт лексики, мотивированной элементом бог:

Божница – 1) икона: *Бажницю новую купили* (д. Далёкие, Браславский район); 2) угол в доме, где стоит икона, место для моления: *Ета бажница у нас, тут мы молимся* (д. Сеньково, Шумилинский район); 3) застекленная или открытая полочка, на которой стоят иконы: *Паклади ў бажницю* (д. Бор, Бешенковичский район).

Божественный дед – тот, кто исполняет функции священника: *Пригласили бажэсьтьвенных дедоф* (д. Слобода, Витебский район).

Богомаз – иконописец: *Богамазаў тапер нет, иконы купляныя* (д. Германовичи, Шарковщинский район). У В. Даля отмечено с отрицательной коннотацией: «плохой иконописец» [4, т. 1, с. 104].

Богоданный – 1) отец или тесть: *Боуданны – ета мой папа* (д. Ластовичи, Глубокский район); 2) батюшка, священник: *Богоданный – ета наш поп* (Витебск); 3) одарённый человек: *Ён дужа разумны, боуданны* (д. Плисы, Бешенковичский район).

Богоданная – мать, теща: *Боуданная – ета мая мама* (д. Ластовичи, Глубокский район).

Боговый – хороший: *У той год лета было боуавае* (д. Слобода, Витебский район).

Бог – икона: *Там мае бауи стаяць* (д. Плисы, Бешенковичский район).

Богославлять – благословлять: *Атец и мать багаславляють нивесту* (д. Ивони, Сенненский район).

Ошибочно сближать с элементом *бог* лексему *баженить* «ругать»: *Бажанят сильна, ругають* (Кушлево, Шарковщинский район). М. Фасмер относит ее к словам с семой «желать, жаждать», отмечая подобные лексические варианты в украинском, польском и чешском языках [3, т. 1, с. 104].

Старообрядцев отличает очень уважительное отношение к книгам, прежде всего к духовным: считается, что следует помыть руки, прежде чем открыть книгу. По мнению исследователя русского раскола А.С. Пругавина, «без всякого преувеличения можно положительно утверждать, что в старинной Руси раскольник являлся умственно гораздо развитее, осмысленнее православного» [6]. «Русский мужик в расколе получал своего рода образование, выработал своего рода культуру, охотнее учился грамоте... Как ни нелепы казаться могут нам споры о сугубой аллилуйе или о восьмиконечном кресте, но они изоощряли способность русского простолюдина: он мыслил, достигал того, что мог обобщать понятия, делать умозаключения», – отмечал и известный русский историк Н.И. Костомаров [7].

В каждой старообрядческой общине на территории Витебской области существовали и до сих пор существуют «семейные школы», где под руководством наиболее грамотных наставников детей учат читать церковнославянские книги, бережно сохраняемые в каждой семье и передающиеся по наследству.

Церковнославянский язык был для сторонников старой веры всегда самым авторитетным, образцовым, поэтому многие церковнославянские элементы встречаются в лексике, фонетике, грамматике, «украшая» речь обыденную, простую:

главатица (форма с неполногласием) – купол церкви: *Главатица – эта купал храма* (Полоцк);

свеща (щ на месте русского ч) – свеча: *Пры пакойнику нада свяшчы запалить* (д. Ивановка, Городокский район); *Ставюць чатыры свяшчи: в нагах, в галавы и в руках* (д. Сеньково, Шумилинский район); *Чатыры свяшчи к грабу ляпилися, тольки у нас так, у мужыхах свяшчы ни ляпилися* (д. Плисы, Бешенковичский район);

до днесь – по сей день: *Помню до днесь* (Лепель);

длань (форма с неполногласием) – ладонь: *Палажыть на длань* (Лепель);

одесный – правый: *Исус сидит па адесную сторону* (Полоцк);

вжэщи (щ на месте ч) – зажечь: *Мать гаварила: вжэщи свячу* (Полоцк);
вожды (жд на месте ж) – вожи: *Вожды бяри ў руки* (д. Зайково, Глубокский район);

есень (начальное е на месте о) – осень: *Наступила есень* (Лепель).

Названия церковных праздников у старообрядцев не всегда совпадают с соответствующими в окружающих белорусских говорах.

Например, *Шостик* – название праздника Вознесения Господня, празднуемого в четверг на *шестой* неделе после Пасхи: *Шосцик – ета царкоўны празник* (д. Ластовичи, Глубокский район). Помимо компонента «шестой» его семантика включает, на наш взгляд, и компонент «восхождение, восшествие».

В говорах зафиксирован и лексический омоним данного слова: *шостик* (*шостак, ашостак, ашостик*) – часть русской печки – припечек: *Пастафь чугуна на шостик* (д. Матеши, Браславский район), локализованный на материковой русской территории в пределах псковских и новгородских говоров и возводимый этимологами к *шест* (*шост*).

Названия старообрядческой одежды – важный компонент обрядовой лексики.

Поп носит *азям, зям* (черный ритуальный халат на глухой скрытой застежке, без воротника), в такой одежде его и хоронят: *У цэркаф хадили скаромна, в зяме, багата не адявались* (д. Ластовичи, Глубокский район); *Поп наदेў азям* (д. Кублищино, Миорский район).

Зафиксировано и иное его диалектное название – *дуда*: *На папе дуда – чорны халат* (д. Воронка, Шарковщинский район), появившееся, на наш взгляд, в результате метафоризации (внешнее сходство по форме с дудой, представляющей собой кожаный мешок, наполняемый воздухом).

Застежка на халате – *куплячок* (д. Германовичи, Шарковщинский район).

Женщины в церковь надевают *шубейки*, или *сарафаны* особого, прямого кроя, у спинки собранные в глубокие складки, а спереди слегка присборенные, конструктивно сходные с *шубкой* (только без рукавов): *У миня в моладасци адна толька шубейка и была, бедна жыли* (д. Раковцы, Шарковщинский район); *Маскофки насили сарафан* (Витебск).

Шлейки и грудь сарафана (шубейки) выкроены из одного куска. На спине глубокий вырез – *жабка*: *Ззади на сарафани жабка* (д. Германовичи, Шарковщинский район). Это слово отмечено в материковых русских говорах со значением «ямка, лунка, дыра» [4, т. 1, с. 524].

Под грудью – завязки, или *кушак* (в данном случае широкая лента, полоса материи (тканая или вышитая), служащая опояской): *Насили сарафаны и кушаком падвяззвались* (д. Слобода, Витебский район). Кушак (слово заимств. из тюркск. яз., встречается в русских памятниках с XVI в. [3, т. 2, с. 439]) использовался и в мужской одежде: православные мужчины, традиционно носившие рубаху навыпуск, подпоясывали ее поясом – кушаком. Опоясывалась и верхняя одежда, за исключением тулупа.

Под сарафан (шубейку) надевается *стануха* – длинная белая нижняя рубаха без воротника: *Стануха была харашо заштопана* (г.п. Видзы, Браславский район). Слово восходит к *стан* «верхняя половина женской рубахи» [4, т. 4, с. 312–313] и образовано с помощью форманта *-уха*, широко представленного в северо-западных русских говорах, в частности, в новгородских.

На голове у старообрядок не платок, а *плат*, черного цвета. Под плат надевают *кокошник* (д. Германовичи, Шарковщинский район), или *сборник* (д. Ластовичи, Глубокский район) – специально сшитую шапочку для замужних женщин, чтобы убрать (*собрать*) волосы. Концы плат не завязывают, а скрепляют *графочкой* – заколкой: *Дай графачку зач’аплю* (д. Воронки, Шарковщинский район).

В этом же ряду и названия погребальной одежды – *саван*, или *сряд* – все, что собрано на смерть (ср. *срядить* в путь).

Таким образом, старообрядцев как социальную группу, определенным образом организованный коллектив отличают ярко выраженные языковые доминанты, представленные на всех языковых уровнях – фонетическом, грамматическом и прежде всего лексическом. Сохраняя древнюю обрядность, они сохраняли и исконные слова-названия, осознаваемые как «свои», характеризующие их быт, уклад, веру и отличающие от иноверцев-соседей.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Платонов С.Ф.** Полный курс лекций по русской истории. – Петрозаводск, 1996. – С. 424.
2. **Кизиветтер А.** Протопоп Аввакум. – Ростов н/Д., 1904. – С. 13. Цит. по: **Короткая Т.П., Прокошина Е.С., Чудникова А.А.** Старообрядчество в Беларуси. – Мн., 1992. – С. 9.
3. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, стереотипн. В 4 т. – М., 1986–1987. Т. 2. – С. 213.
4. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. – М., 1978–1980. Т. 1. – С. 684.
5. **Витебская губерния.** Историко-географический и статистический обзор. Вып. 1. – Витебск, 1890. – С. 282.
6. **Пругавин А.С.** Старообрядчество во второй половине XIX века. – М., 1904. – С. 95.
7. **Костомаров Н.И.** История раскола у раскольников // Вестник Европы, 1871, № 4. – С. 469.

S U M M A R Y

Language dominants have been revealed on the samples of the Russian insular (old-believers'-raskolniks') dialects of Vitebsk region. These dominants vividly display the peculiarities of raskolniks' life and beliefs and old-believers treat them as primordial and they are not typical of the Belarusian dialect environment.

Поступила в редакцию 9.02.2004

УДК 808.26-558

А.У. Кузьміна

Суадноснасць лексічнага і граматычнага (трывальнага) значэнняў афіксаў

У беларускай мове налічваецца 38 дзеяслоўных словаўтваральных афіксаў, якія служаць для ўтварэння новых лексічных адзінак (дзеясловаў) і звычайна надаюць матывавальнаму слову дадатковае лексічнае значэнне. У адрозненне ад іншых катэгорый дзеяслова, граматычнае значэнне якіх выражаецца з дапамогай спецыяльных граматычных афіксаў, напрыклад, флексій, суфікса *прошлага часу* -л-(-л'-, -ў-), катэгорыя трывання як катэгорыя класіфікацыйнага тыпу не мае чыста граматычных афіксаў: у выражэнні трывання прымаюць удзел словаўтваральныя па сваёй прыродзе сродкі. А таму дзеяслоўныя афіксы акрамя словаўтваральнай функцыі, якая з'яўляецца ў іх асноўнай, дамінуючай, могуць выконваць і дадатковую, граматычную функцыю, г. зн. служаць для ўтварэння слоў з новым лексічным значэннем і разам

з тым прыстасаваны ў мове для выражэння граматычнага (трывальнага) значэння. Аднак, як паказаў даследаваны матэрыял, афіксы адрозніваюцца па сваёй здольнасці выражаць лексічнае і граматычнае значэнні. Хаця большасць словаўтваральных афіксаў пры далучэнні да матывавальнага слова ўскладняюць яго лексічнае значэнне, так званыя суфіксы імперфектывацыі і чыстатрывальныя прэфіксы не прыносяць у дзеясловы ніякага дадатковага лексічнага значэння. Акрамя таго, не ўсе дзеяслоўныя афіксы выступаюць носьбітамі і граматычнага значэння.

Істотным таксама з'яўляецца факт, што адзін і той жа афікс у залежнасці ад таго, у межах якога словаўтваральнага спосаба – чыстага (нязмешанага) ці змешанага – ён выкарыстоўваецца ва ўтварэнні дзеясловаў, можа выражаць ці не выражаць трывальнае значэнне¹.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца выяўленне суадноснасці лексічнага і граматычнага (трывальнага) значэнняў афіксаў, што прымаюць удзел ва ўтварэнні прэфіксальна-суфіксальных адыменных дзеясловаў.

Прэфіксальна-суфіксальныя адыменныя (адназоўнікавыя, адпрыметнікавыя, адлічэбнікавыя) дзеясловы ўтвараюцца ў беларускай мове шляхам адначасовага далучэння двух словаўтваральных афіксаў – прэфікса і суфікса. Утварэнне дзеясловаў, матываваных назоўнікамі, ажыццяўляецца з дапамогай шматлікіх прэфіксаў: **аб-(а-)**, **абез-(абяз-, абяс-)**, **ад-**, **вы-**, **да-**, **з-(с-, са-)**, **за-**, **на-**, **па-**, **пад-**, **пера-**, **пра-**, **пры-**, **раз-(рас-)**, **у-**, **уз-** і суфіксаў **-а(-я-)**, **-ава-**, **-е(-э-, -а-)**, **-і(-ы-)**. Напрыклад, *лес* – **аб-ляс-і-ць**, *мох* – **аб-ымш-э-ць**, *ахвота* – **ад-ахвоц-і-ць**, *корань* – **вы-каран-і-ць**, *шпілька* – **са-шпіл-і-ць**, *зямля* – **пры-зямл-і-ць**.

Адпрыметнікавыя дэрываты ўзнікаюць у выніку далучэння прыставак **аб-(а-)**, **ад-**, **вы-**, **да-**, **з-(с-)**, **за-**, **на-**, **па-**, **пад-**, **пера-**, **пра-**, **раз-(рас-)**, **у-**, **уз-** і суфіксаў **-е(-э-, -а-)**, **-і(-ы-)**: *новы* – **аб-нав-і-ць**, *поўны* – **да-поўн-і-ць**, *блізкі* – **на-бліз-і-ць**, *агульны* – **пад-агул-і-ць**, *складаны* – **у-складн-і-ць**, *моцны* – **уз-мацн-і-ць**.

Прэфіксальна-суфіксальныя дзеясловы могуць утварацца таксама і ад лічэбнікаў пры дапамозе прэфіксаў **з-(с-)**, **па-**, **пера-**, **раз-**, **у-** і суфікса **-і(-ы-)**, напрыклад: *двое* – **з-дво-і-ць**, *тroe* – **па-тро-і-ць**, *дзесяцера* – **у-дзесяцер-ы-ць**.

Як правіла, абодва элементы словаўтваральнага фарманта – прэфікс і суфікс – змяняюць лексічнае значэнне матывавальнага слова. Напрыклад, суфікс **-і(-ы-)** дадае да лексічнага значэння матывавальных назоўнікаў лексічнае значэнне 'надзяляць што-небудзь чым-небудзь' (параўн. *крухмал* – **крухмал-і-ць**, *соль* – **сал-і-ць**), прэфікс **раз-(рас-)** пры гэтым уносіць дадатковае лексічнае значэнне 'ліквідаваць вынік папярэдняга дзеяння' (параўн. *вязаць* – **раз-вязаць**, *любіць* – **раз-любіць**): *зброя* – **раз-збро-і-ць**, *кабала* – **рас-кабал-і-ць**, *прыгон* – **рас-прыгон-і-ць**.

Суфікс **-і(-ы-)** ускладняе лексічнае значэнне матывавальных прыметнікаў дадатковым лексічным значэннем 'надзяляць прыметай' (параўн. *сухі* – **суш-ы-ць**, *чысты* – **чысц-і-ць**), у той час як прэфікс **пера-** надае лексічнае значэнне празмернасці дзеяння (параўн. *вастрыць* – **пера-вастрыць**, *пячы* – **пера-пячы**): *большы* – **пера-больш-ы-ць**, *высокі* – **пера-выс-і-ць**, *меншы* – **пера-менш-ы-ць**.

Выражэнне граматычнага значэння, значэння закончанага трывання, ажыццяўляецца ў прэфіксальна-суфіксальных дэрыватах пры дапамозе прэфіксаў. Словаўтваральныя суфіксы не рэалізуюць тут сваю патэнцыяль-

¹ Услед за А.А. Земскай [1], аўтарамі «Беларускай граматыкі» [2], аўтарамі «Рускай граматыкі» [3] не вылучаем конфіксы як асобны від афіксаў і лічым, што ў межах змешаных словаўтваральных спосабаў да матывавальнага слова далучаюцца адначасова некалькі самастойных афіксаў (напрыклад, прэфікс і суфікс, прэфікс і постфікс).

ную здольнасць выражаць граматычнае значэнне незакончанага трывання. Гэта можна растлумачыць наступным чынам. У адрозненне ад чыстых спосабаў словаўтварэння, у межах якіх адбываецца паслядоўнае далучэнне афіксаў, у змешаных спосабах да матывавальнага слова далучаюцца адначасова некалькі сродкаў, а таму ў словаўтваральных ланцужках не прадстаўлены некаторыя звёны. У дадзеным выпадку ў словаўтваральных ланцужках якраз і адсутнічаюць суфіксальныя дзеясловы незакончанага трывання, у якіх словаўтваральныя суфіксы выступалі б носьбітам трывальнага значэння. Параўн. *малады* – *маладз-і-ць* (незак. тр.) – *пад-маладзіць* (зак. тр.) і *новы* – ... – *пад-нав-і-ць* (зак. тр.).

Словаўтваральныя суфіксы, утвараючы разам з прэфіксамі ад назоўнікаў, прыметнікаў ці лічэбнікаў словы іншай часціны мовы – дзеясловы, абавязкова надаюць матывавальным словам агульнакатэгарыяльнае значэнне часціны мовы (дзеяслова). Прэфіксы, як вядома, ніколі не змяняюць часцінамоўную прыналежнасць матывавальнага слова. З прычыны адсутнасці ў словаўтваральных ланцужках суфіксальных дзеясловаў незакончанага трывання суфіксы страцілі патэнцыяльную функцыю ўносіць у матывавальныя словы граматычнае (трывальнае) значэнне. Ролю надання іменным асновам трывальнага значэння бяруць на сябе словаўтваральныя прэфіксы.

У беларускай мове назіраецца сітуацыя, калі адзін словаўтваральны суфікс без прэфікса змяняе лексічнае значэнне матывавальнага слова. Прыстаўка пры далучэнні да некаторых іменных асноў страчвае сваё лексічнае значэнне і ўжываецца толькі як сродак выражэння граматычнага значэння. У якасці чыстатрывальных могуць выступаць прыстаўкі: **аб-**(а-), **вы-**, **з-**(с-, **са-**), **за-**, **на-**, **па-**, **пра-**, **раз-**(рас-), **у-**, **уз-**.

Напрыклад, чыстатрывальны прэфікс **аб-**(а-) выяўляецца ў адсубстантыўных прэфіксальна-суфіксальных дэрыватах, якія маюць значэнні: 'надзяліць каго-ці што-небудзь прыметамі таго або пераўтварыць у таго, хто (што) названы(а) матывавальным словам': *абеларусіць*, *акаталічыць*, *ачалавечыць*; 'абкружыць, пакрыць з усіх бакоў тым, што названа матывавальным словам': *абраміць*, *аснежыць*, *атуманіць*; 'надзяліць тым, што названа матывавальным словам': *акрыліць*, *аперыць*.

У адпрыметнікавых дзеясловах, што маюць значэнні: 'надзяліць прыметай, названай матывавальным словам' (*павысіць*, *паменшыць*, *патанніць*); 'набыць прымету, названую матывавальным словам' (*пабадзёраць*, *панавець*, *пасур'ёзнець*) прэфікс **па-** можна лічыць граматыкалізаваным. Дададзены прэфікс граматыкалізаваны і ў адлічэбнікавых дэрыватах са значэннем 'павялічыць у столькі разоў, колькі названа матывавальным словам': *падвоіць*, *патроіць*.

Граматыкалізацыя, аспектуалізацыя, дэсемантызацыя дзеяслоўных прэфіксаў, г. зн. страта імі сваіх лексічных значэнняў, адбываецца звычайна ў спалучэнні з іменнымі асновамі і словаўтваральнымі суфіксамі, агульнае значэнне якіх супадае са значэннем прэфікса. Напрыклад, з дапамогай прэфікса **за-** і суфікса **-і-(-ы-)** ад назоўнікаў *іл*, *снег* утварыліся дзеясловы *заіліць*, *заснежыць*. Агульным значэннем матывавальнай асновы і суфікса з'яўляецца значэнне 'пакрываць што-небудзь чым-небудзь': **-іліць**, **-снежыць** азначаюць 'пакрываць ілам, снегам што-небудзь' (параўн. *вохрыць*, *пудрыць*). Гэта значэнне супадае са значэннем прыстаўкі **за-** (параўн. *вешаць* – **за-вешаць**, *кідаць* – **за-кідаць**), што і паслужыла прычынай яе дэсемантызацыі.

Аспектуалізацыя (дэсемантызацыя) чыстатрывальных прэфіксаў, што вылучаюцца ў іменных прэфіксальна-суфіксальных дэрыватах, як і аспектуалізацыя прыставак у трывальных перфектыўных парах, можа быць поўнай, калі прэфіксы поўнасцю страчваюць сваё лексічнае значэнне, і няпоўнай, калі

яны захоўваюць некаторыя элементы свайго лексічнага значэння. Напрыклад, поўнасю аспектуалізаваным прэфіксам можна прызнаць прэфікс *па-* ў дзеясловах *пабадзёраць*, *панавець*, *пасур'ёзнець*; няпоўнасю аспектуалізаваным прэфікс *вы-* ў дзеясловах *выпраміць*, *вытанчыць*, *вытупіць*, ён нясе ў сабе адценне інтэнсіўнасці, паўнаты дзеяння.

Як відаць, чыстатрывальныя прэфіксы, што вылучаюцца ў прэфіксальна-суфіксальных дзеясловах, з'яўляюцца такімі ж граматыкалізаванымі прэфіксамі, як і ў трывальнай пары. Так, прыстаўка *за-* ў прэфіксальна-суфіксальных дзеясловах *замшэць*, *замуравець*, *затравець* нічым не адрозніваецца ад прыстаўкі *за-* ў прэфіксальных дзеясловах *заброснець*, *заінець*, *заплеснець*.

Многія вучоныя-аспектолагі, напрыклад, А.М. Ціханаў [4–10], І.П. Мучнік [11], Н.С. Авілава [12], М.А. Шалякін [13] і іншыя, займаюцца даследаваннем чыстатрывальных прыставак. Аднак, як правіла, аб'ектам іх даследавання выступаюць чыстатрывальныя прэфіксы, што ўтвараюць трывальныя пары. На жаль, пытанне аб чыстатрывальных прэфіксах, якія падвяргаюцца граматыкалізацыі ў выніку далучэння не да дзеяслоўных, а да іменных асноў, амаль не закраналася ў лінгвістычнай літаратуры і патрабуе далейшага вывучэння і асэнсавання. Сярод нешматлікіх работ, у якіх разглядаецца гэта пытанне, можна ўказаць манаграфію Н.С. Авілавай «Трыванне дзеяслова і семантыка дзеяслоўнага слова» [12].

Такім чынам, словаўтваральныя суфіксы, якія прымаюць удзел ва ўтварэнні адыменных прэфіксальна-суфіксальных дзеясловаў, заўсёды змяняюць семантыку матывавальных слоў, надаючы ім дадатковае лексічнае значэнне. Словаўтваральныя суфіксы, ажыццяўляючы граматычнае афармленне дзеясловаў, утвораных ад слоў іншых часцін мовы – назоўнікаў, прыметнікаў ці лічэбнікаў, прыносяць у матывавальныя словы толькі агульнакатэгарыяльнае значэнне часціны мовы (дзеяслова), трывальнага значэння пры гэтым яны не надаюць. Значыць, словаўтваральныя суфіксы выражаюць толькі лексічнае значэнне, носьбітамі трывальнага значэння яны не з'яўляюцца.

Звычайна словаўтваральныя прэфіксы прыносяць у матывавальныя словы і лексічнае, і граматычнае значэнні. Аднак часам яны надаюць матывавальным словам толькі закончанае трыванне, ніякім чынам не ўплываючы на іх лексічнае значэнне, яны служаць выключна сродкам выражэння трывальнага значэння. Такім чынам, у адным выпадку словаўтваральныя прэфіксы выступаюць носьбітамі двух тыпаў значэння – лексічнага і граматычнага – і выконваюць дзве функцыі – словаўтваральную, асноўную, і граматычную, дадатковую. У другім выпадку яны выражаюць толькі граматычнае значэнне, прычым граматычная функцыя па сваёй значнасці набліжаецца да функцыі словаўтваральнай, а прэфіксы праяўляюць важнае падабенства з чыста граматычнымі афіксамі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. – М., 1973. – 304 с.
2. *Беларуская граматыка.* У 2 ч. Ч. 1. – Мн., 1985. – 431 с.
3. *Русская грамматика* / Редкол.: *Н.С. Авилова и др.* – М., 1980. – Т. 1; Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.
4. *Тихонов А.Н.* К вопросу о чистовидовых приставках в современном русском языке // Труды Самаркандского гос. университета. – Самарканд, 1962. – С. 31–57.
5. *Тихонов А.Н.* Чистовидовая приставка *вы-* в современном русском языке // Труды Самаркандского гос. университета. Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Вып. 1. – Самарканд, 1968. – С. 143–151.

6. **Тихонов А.Н.** Чистовидовая приставка из-(ис-) в современном русском языке // Труды Самаркандского гос. университета. Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Вып. 1. – Самарканд, 1968. – С. 135–142.
7. **Тихонов А.Н.** Чистовидовая приставка на- в современном русском языке // Труды Самаркандского гос. университета. Вып. 118. – Самарканд, 1962. – С. 141–154.
8. **Тихонов А.Н.** Чистовидовая приставка с- в современном русском языке // Труды Самаркандского гос. университета. Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Вып. 1. – Самарканд, 1968. – С. 106–134.
9. **Тихонов А.Н.** Чистовидовая приставка у- в современном русском языке // Труды Самаркандского гос. университета. Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Вып. 1. – Самарканд, 1968. – С. 152–160.
10. **Тихонов А.Н.** Чистовидовой префикс по- в современном русском языке // Труды Самаркандского гос. университета. Вып. 118. – Самарканд, 1962. – С. 65–101.
11. **Мучник И.П.** Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М., 1971. – 298 с.
12. **Авилова Н.С.** Вид глагола и семантика глагольного слова. – М., 1976. – 328 с.
13. **Шелякин М.А.** Категория вида и способы действия русского глагола (Теоретические основы). – Таллинн, 1983. – 216 с.

S U M M A R Y

*The article highlights the correlation between the lexical and grammatical (as-
pectual) meanings of the prefixes and suffixes that participate in the formation of
denominative verbs.*

Поступила в редакцию 12.05.2004

УДК 802.2

М.Дж. Тагаев

Морфемно-словообразовательная концептосфера как дискурсивно- семантическое поле смыслопорождения

Изучение процессов взаимодействия языка и культуры привело к разработке понятия **концепт**. Филологи под этим термином понимают ячейку культуры в ментальном мире человека, основной составной элемент культуры этноса (Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов и др.). **Концепт**, с одной стороны, соотносится с мыслительными процессами человека, а, с другой стороны, с миром культуры и находит проекции в языке.

Концепт – это дискретная содержательная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти в вербально обозначенном виде. Одной из языковых форм, оптимально приспособленных для хранения и репродукции структур знаний в виде концептов, является производное слово. Производное слово представляется способом объективации и мотивированного означивания фрагментов и ситуаций окружающей действительности. Как пишет Т.И. Вендина, «наиболее объективированным следует считать то знание, которое «срастается» с самой устойчивой, субстанциональной частью языка – языковой формой. Это знание дает внутренняя форма языковых единиц» [1].

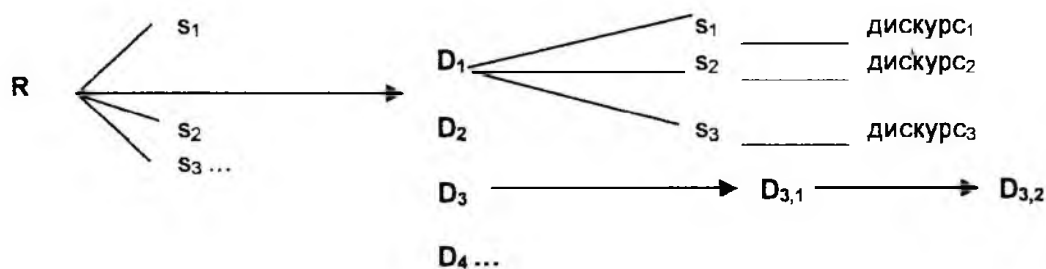
В отличие от других языковых знаков производное слово имеет свойство мотивироваться другими знаками на основании общности формальных и смысловых связей. Мотивационные отношения между лексическими единицами, выстраиваемые на базе морфемно-словообразовательных связей, помогают образовать им своеобразное гнездовое лексико-семантическое поле, которое расширяется и обретает черты концептосферы благодаря тому, что ряд элементов этого поля как лексические единицы могут образовывать свои субполя путем метафорических переносов.

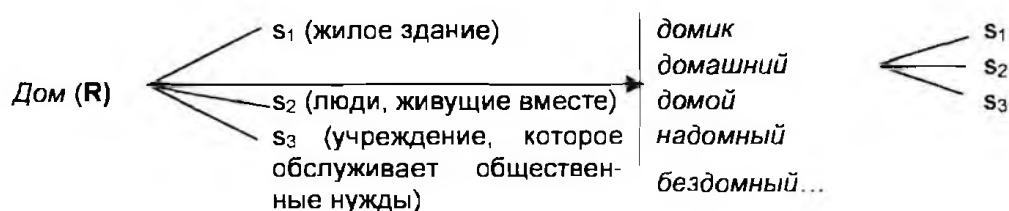
Следовательно, основными единицами дискурсивно-семантической концептосферы являются лексико-семантические варианты (ЛСВ), принимающие непосредственное участие в организации дискурсов. Символьная и семантическая структура словообразовательного гнезда позволяют поддерживать единство дискурсивно-семантической концептосферы, которая соответствует ассоциативным измерениям человеческого сознания. Если результатом словообразовательного процесса являются производные слова, связанные с производящими формально-семантическими отношениями, то в морфемно-словообразовательной концептосфере целью мотивационных отношений является смыслообразование, а конечной, результирующей единицей выступают ЛСВ. Морфемно-словообразовательная концептосфера позволяет связать воедино мотивационными отношениями словообразовательную и метафорическую деривацию. Концепты, включенные в морфемно-словообразовательную концептосферу, находятся в определенных цепочечных отношениях.

Морфемно-словообразовательная концептосфера представляет собой один из типов ментально-языковой картины мира и являет нам «особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого. Это своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, влияющее на членение опыта и виденье ситуации, событий и т.п. через призму языка и опыта, приобретенного вместе с усвоением языка и включающего в себя не только огромный корпус единиц номинации, но в известной мере и правила их образования и функционирования» [2]. Исходное слово, возглавляющее морфемно-словообразовательную концептосферу, можно считать прототипической категорией, фокусом концептосферы. Члены концептосферы «демонстрируют разные степени отклонения от эталона – ср. разные степени морфологического членения структур слова, разные степени мотивированности производного слова, степени знаковости и т.п.» [2, с. 97].

Морфемно-словообразовательная концептосфера представляет собой открытую систему, которая характеризуется гибкостью, размытостью границ, открытостью, что дает возможность для пополнения новыми членами, для расширения за счет осмысления и структурирования нового человеческого опыта.

Следующая схема отражает взаимоотношения элементов в пределах морфемно-словообразовательной концептосферы. Примечание: R – корневое (непроизводное) слово, D – дериват (производное слово), s – лексико-семантические варианты.

ЛСВ как результирующие единицы морфемно-словообразовательной концептосферы включаются в различные дискурсы, служа своему основному назначению – быть средством коммуникации. Лексико-семантический вариант, отраженный в слове, выступает не только как носитель определенного значения, но и диктует правила коммуникации, нормы обращения с ним в дискурсе в процессе общения. Иначе говоря, «за словом стоят знания о его включении в синтаксическую конструкцию и/или способе ее линейного развертывания, что делает слово не только средоточием грамматических и семантических, но и дискурсивных свойств» [2, с. 52]. У носителей родного языка эти сведения находятся во внутреннем лексиконе, приобретаются они в дискурсивном процессе познания мира, и поэтому нет необходимости актуализировать их в процессе описания языка. Здесь говорящий идет от внутреннего лексикона к дискурсу и тексту.

Что же касается описания функционирования неродного языка, то экспликация этих знаний составляет специфику его описания. Языковые знания становятся актуальными в процессе описания, так как в этом случае говорящий идет от языковых форм к созданию внутреннего лексикона со всеми его семантическими признаками, связями и отношениями.

Как видно, при проведении морфемно-словообразовательного анализа необходимо брать во внимание не только формально-семантические связи родственных и одноструктурных слов, но и акцентировать внимание на семантико-смысловой стороне лексических единиц, образующих концептосферу. Так, в русском языке, по данным четырехтомного словаря АН СССР, слово *дом* имеет 6 значений [3]. В последнее время это слово приобрело еще ряд дополнительных значений, таких, как: *Белый дом* – здание правительства России, *ночлежный дом* – специально оборудованное помещение, в котором за небольшую плату предоставляют ночлег, *общеевропейский дом* – европейские страны, объединенные общностью территории и культуры.

В киргизском языке у слова *уй* (дом) в словаре К.К. Юдахина (Киргизско-русский словарь. – М., 1965) описываются главным образом фольклорно-этнографические значения как у предмета быта кочевников. В словаре Э. Абдулдаева, Д. Исаева представлены 3 значения данного слова, которые отражают современные представления о быте. Надо отметить, что и в киргизском языке анализируемое слово получило дополнительные значения. Например, *ак уй* – правительство Киргизской Республики, *Кыргызстан* – *жалпы уйубуз* – Кыргызстан – наш общий дом.

Морфемно-словообразовательная концептосфера, возглавляемая словом *дом*, расширяется ЛСВ, в основе которых лежат дериваты и других ступеней образования. Так, по данным словарей, к числу многозначных слов относится слово *домашний*, ЛСВ которого мотивируется разными значениями исходного слова.

Как пишет В.А. Маслова, «картина мира не есть простой набор «фотографий» предметов, процессов, свойств и т.д., ибо включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к

этим объектам, причем позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты» [4]. В этой связи производные слова с коннотативным значением типа *домик, домина, домище, домишко* не находят соответствия в производных словах киргизского языка. Составляя специфический фрагмент языковой картины мира русского языка, они требуют специального комментария (см. *домишко* – чакан начар уй, кепе, *домище* – збегейсиз чон уй). Однако и в этом случае не удастся передать всю картину мира, обозначаемую производными с суффиксами субъективной оценки, так как они, помимо своего денотата, указывают и на позицию субъекта. Иначе говоря, кроме обычного лексического значения, в смысловой структуре слова содержится эмоциональное отношение говорящего к тому, что он называет.

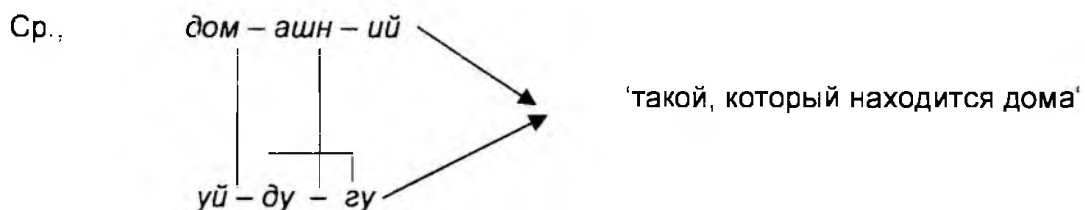
Казалось бы, эмоциональная коннотация содержится и в киргизском слове *кепе*, которое обозначает 'избушку, землянку'. Однако негативное значение данного слова для обычного человека лингвистически нейтрально, а отрицательное отношение говорящего обуславливается не его отношением к названному предмету, а самим состоянием предмета. Ср.: в русском языке слово *вор*, социально негативное, обладает нейтральным значением, в то же время образует эмоционально окрашенные дериваты типа *воришка, ворюга*. Типологическое своеобразие русского языка состоит в том, что его богатейшая система суффиксов максимально «приспособлена для выражения огромного спектра разнообразных эмоциональных отношений, причем не только нежных, ласкательных, но и множества других, для которых бывает порой даже трудно подобрать определение» [5].

Слово *домовой* из анализируемой концептосферы также составляет фрагмент языковой картины мира русского человека. В славянской мифологии оно обозначает существо (злой или добрый дух), обитающее в доме. *Домовой* относится к числу этнических стереотипов, которые усваиваются с молоком матери и позволяют идентифицировать носителя языка с русским или славянским этносом. Путем интуитивного (или сознательного) отслеживания смысла корневого слова *дом* киргиз вполне может объяснить себе значение производного слова *домовой*, которое имеет пространственное значение 'дух, который находится в доме'.

Слова *домашний, домовый, домовой* обладают общим словообразовательным значением 'относящийся к дому, находящийся в доме'. Однако значение этой семы настолько абстрактно, что мало помогает усвоению образов и стереотипов картины мира, стоящих за данными словами. Конкретизация и уточнение значений данных слов производится путем использования дифференциальных лексических сем. Так, *домашний* может быть представлено в виде следующего набора сем, связанных отношениями зависимости от более общих к менее общим: 1) признак, 2) относящийся, 3) к *дому-жилью*, к семье, к частному быту; а слово *домовый* имеет набор: 1) признак, 2) относящийся, 3) к *дому* в значении 'жилое (или для учреждения)' здание. Как видно, семантические структуры слов *домашний* и *домовый*, совпадая семами 1 и 2, дифференцируются 3-й семой. Отличаются они и своей лексической сочетаемостью и особенностями прагматики. *Домашние дела, домашняя работа, домашние животные* – это все то, что относится к дому как жилью. *Домовый комитет, домовая книга, домовые ворота* – все то, что относится к дому как строению.

В киргизском языке в словах *домашний, домовый* и *домовой* актуализируется потенциальная сема 'пространства', которая не осмысливается в качестве существенной при рассмотрении этих слов на фоне киргизского языка, в котором распространены локативные падежи. Суффикс *-ашн(уй)* в русском языке может иметь два значения: 1) относящийся к дому, к семье, 2) находящийся в доме, в семье. Локативная семантика прилагательного становится оче-

видной при поиске ему функционального эквивалента в киргизском языке. Если относительное прилагательное в русском языке обладает локативной семантикой, то ему в киргизском языке соответствует лексическая единица в форме локативного падежа, присоединяющая адъективный аффикс. Ср.: *домашние дела* – уйдогу иштер, *мои домашние* – уйдогулор. При отсутствии локативного аффикса прилагательное киргизского языка выражает значение 'относящийся к предмету, названному мотивирующим словом': домашнее задание – уй тапшырма, домашний скот – уйдон малы.

Исследователи считают, что «термин "языковая картина мира" – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [4, с. 65].

Если обратиться к морфемно-словообразовательной концептосфере киргизского языка, то мы обнаружим, как актуализируются и становятся значимыми другие концепты общей картины мира, такие, как *уйлуу* – 'обладающий домом', *уй-короо* – 'домашнее хозяйство', *боз уй* – юрта, *уй-жай* – 'дом и прочее' (сбир.), *уй-було* – семья, *уй жаны* – 'член семьи'. Естественно, реальности окружающего мира так или иначе маркируются языковыми средствами, но способы его обозначения выходят за пределы данной концептосферы. Так, например, киргизскую фразу «Ал уйлуу-жайлуу болуп калды» (букв.: Он стал имеющим дом и семью) в русском дискурсе мы представим несколько иначе: Он построил дом, женился, обзавелся детьми и хозяйством.

С точки зрения коммуникативно-динамической морфемно-словообразовательные связи членов концептосферы являют не только формально-семантические связи по линии однокоренных и родственных слов, но и связывают между собой различные дискурсы, в которых они принимают участие и представителями которых они являются в данной концептосфере. Единицы морфемно-словообразовательной концептосферы образуют множество, в основе организации которого лежат отношения не только мотивации, но и фамильного сходства, так как однокоренные слова сохраняют формальную и смысловую принадлежность к одному источнику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания, 2002, № 4. – С. 43.
2. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997. – С. 47.
3. Словарь русского языка. В 4 т. – М., 1981. – Т. 4. – С. 425.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001. – С. 67.

5. **Михайлова Е.** «На опушке леса стоял маленький дом...» [Электронный ресурс]
Режим доступа: www.president.kremlin.ru
<http://nauka.relis.ru/cgi/nauka.pl?27+9708+27708125+html>

S U M M A R Y

In the article word-formation is treated on the basis of cognitive approach, when morpheme – word-formation relations between the words in the conceptosphere connect both the same-root and cognate words, and different discourses as well.

Поступила в редакцию 4.09.2004

УДК 81.376:811.161.3

С.А. Алісєвіч

Эвалюцыя паняцця «перыяд» у мовазнаўстве

Паняцце *перыяд* (ад грэч. *periodos* – абход, круг, кругаабарот) у значэнні «закругленае маўленне» ўпершыню пачало выкарыстоўвацца ў Старажытнай Грэцыі. Перыяд як фігура трывала ўвайшоў у эліністычна-рымскую рытарычную сістэму, калі вырацоўвалася перыядычнае маўленне. Арыстоцель у «Рыторыцы» пісаў: «Я называю перыядам фразу, якая сама па сабе мае пачатак і канец і памеры якой лёгка агледзець» [1]. Вучоны сцвярджаў, што перыяд павінен заканчвацца разам з думкай. Структура перыяду вызначалася па колькасці яго членаў ці частак, так званых калонаў. Калон – адзін з двух членаў перыяду, які выражае закончаную думку ці цэласную яе частку. Напрыклад, у перыядзе «*Адны з іх жахліва загінулі, іншыя ганебна выратаваліся*» два калоны: першы – *адны з іх жахліва загінулі*, другі – *іншыя ганебна выратаваліся*.

Да пытання перыяду ў працы «Пра стыль» звяртаўся старажытнагрэчаскі філосаф Дзаметрый, які ўсе калоны падзяляў на больш дробныя адзінкі – комы (кома – кароткі паменшаны калон). Перыяд філосаф разумеў як сістэму калонаў і ком, па-мастацку прыстасаваную для выражэння заключанай у ёй думкі, і лічыў, што перыяд – гэта пэўнае звязнае аб'яднанне слоў, і калі пазбавіць яго кальцавіднасці, то пры тым жа змесце перыяду не будзе. Дзаметрый вызначыў «меру перыяду» (аб'ём): самыя малыя перыяды складаюцца з двух калонаў, самыя вялікія – з чатырох, утварэнні больш чым з чатырох калонаў выходзяць за межы гэтага паняцця.

Паводле антычнага вучэння, перыяд – рытарычная фігура, своеасаблівая форма арганізацыі маўлення. Па сінтаксічнай будове антычны перыяд тоесны сучаснаму простаму ці складанаму сказу.

Сярэдневяковыя схаласты вырацавалі своеасаблівы план патрабаванняў да любога перыяду. План складаўся з сямі асобных пытанняў – топікаў, адказы на якія павінны былі абавязкова адлюстраваліся ў перыядзе: хто; што зрабіў; дзе; якімі сродкамі; для чаго; якім чынам; калі. Аднак гэтых патрабаванняў прытрымліваліся не заўсёды.

У старажытнарускай літаратуры былі пашыраны перыяды, утвораныя спалучэннем асобных сказаў, сэнсава звязаных у адзінае цэлае. Яны выражаліся «як сума знешне не спаяных паміж сабою самастойных сказаў», якія толькі ў сукупнасці ўтвараюць перыяд. Такія перыяды знаходзім у «Слове пра паход Ігаравы»: *На Нямізе галовы сцелюць снапамі, харалужнымі малоцяць цапамі, жыццё кладуць на таку злюцела, веюць душу ад цела* [2]. Ужываліся перыяды, часткі якіх звязаныя бяззлучнікавай і злучальнай сувяззю.

На Беларусі ў эпоху Адраджэння былі выдадзены арыгінальныя трактаты па рыторыцы М. Сарбеўскага «Аб фігурах думкі», М. Цяцёрскага «Лекцыі па рыторыцы з прыкладамі», у другой палове XVII ст. з'явіліся «Кароткія ўводзіны да мастацтва рыторыкі» К. Нарбута. Аўтары гэтых выданняў тлумачылі перыяд як просты ці складаны сказ, што выражае закончаную думку, звярталі ўвагу на парадак слоў у ім. Падзел перыяду на дзве сэнсавыя інтанацыйныя часткі, парадак іх размяшчэння, рух інтанацыі па-ранейшаму заставаліся па-за ўвагай вучоных.

У XVIII ст. у Расіі ўпершыню перыяд вылучыў М. Ламаносаў. Кіруючыся традыцыямі антычных асветнікаў, вучоны адносіў яго да рыторыкі і на сінтаксічным узроўні не даследаваў. У фундаментальнай працы М. Ламаносава «Краткое руководство к красноречию» – першай рускай рыторыцы – вучэнне аб перыядзе цесна зліваецца з вучэннем пра сказ. Перыяд М. Ламаносаў лічыў стылістычнай катэгорыяй, прадметам рыторыкі: «Сопрежением простых идей составленные предложения называются по-риторически периодами» (*Доброе начало есть половина дела*) [3]. У яго разуменні гэта не толькі спалучэнне сказаў, але і адзін сказ.

Вучні і паслядоўнікі М. Ламаносава (М. Курганаў, І. Рыжскі, Л. Якаб) у сваіх граматыках паўтаралі асноўныя яго палажэнні, часам з нязначнымі зменамі і дапаўненнямі. Так, І. Рыжскі ў «Опыте риторики» вызначаў перыяд як «заключающую в себе полное рассуждение и одно главное содержание речь, состоящую иногда из одного, иногда из нескольких соединённых между собою риторических предложений, которые все бывают составлены из приисканных к оному главному содержанию, то есть к материи, мыслей» [4]. А. Барсаў у рукапіснай «Российской грамматике» выказваў думку, што перыяд не можа супадаць з простым сказам, як лічыў славуты папярэднік, «перыяд заўсёды граматыка-стылістычнае ўтварэнне, эквівалентнае складанаму сказу». Перыяды ён падзяляў на дзве інтанацыйна-сэнсавыя часткі, «в равном или неравном числе членов состоящая и называемые предыдущее и последующее» [3, с. 67].

У сярэдзіне XIX ст. перыяд пераносіцца з рыторыкі ў граматыку. У «Русской грамматике» А. Вастокаў разглядае перыяд як «речь округленную, то есть доведённую до надлежащей полноты приличными распространениями» [3, с. 186]. Мовазнаўца паглыбляе вучэнне аб перыядзе і лічыць яго прадметам граматыкі.

Пытанне пра перыяд больш грунтоўна раскрыў у пачатку XX ст. І. Лыскоў у працы «Теория словесности». У параўнанні са сказам перыяд, як адзначаў вучоны, адрозніваецца большай складанасцю, гэта – «вышэйшая форма сказа». І. Лыскоў характарызаваў перыяд не толькі ў логіка-стылістычным плане, але і ў сінтаксічным: «Периодам называецца складаны сказ, які адрозніваецца паўнатой з боку развіцця ў ім асноўнай ідэі і закончанасцю з боку граматычнай будовы і які заключае ў сабе дзве часткі – дзейнік і выказнік, павышэнне і паніжэнне, што адпавядаюць дзейніку і выказніку простага сказа, і ў выніку ўсяго гэтага сказ музычны і рытмічны па сваім вымаўленні» [5]. Такім чынам, І. Лыскоў акрэсліваў асноўную рысу структуры перыяду, якая вылучае яго сярод іншых тыпаў сказа, – наяўнасць павышэння і паніжэння.

У сярэдзіне XX ст. рускі лінгвіст А. Шапіра ў артыкуле «Пра перыядычную форму маўлення» прыводзіць даволі разгорнутае апісанне перыяду: «Перыяд – сказ, якому, акрамя звычайных прыкмет, абавязковых для сказаў любога тыпу, уласцівы яшчэ і такія, што з’яўляюцца паказчыкамі асобага сэнсу выказвання: усё выказванне складаецца з дзвюх рэзка супрацьпастаўленых частак; з іх першая ў сваю чаргу падзяляецца на шэраг сінтаксічна аднародных цэласных адзінак, сукупнасць якіх сваім лексічным зместам і інтанацыйным афармленнем выклікае ў слухача ці чытача нарастанне чакання другой часткі, дзе павінна адбыцца вырашэнне напружання, створанага першай часткай»: *Брожу ли я вдоль улиц шумных, Вхожу ли в многолюдный храм, Сижу ль меж юношей безумных, Я предаюсь своим мечтам* (А. Пушкин) [4, с. 31].

Прынцыповае пытанне пра перыяд як з’яву ставіць А. Акішына ў працы «Перыяд як сінтаксіка-стылістычная катэгорыя сучаснай рускай мовы». Аўтар аспрэчвае прыналежнасць перыяду да чыста сінтаксічных або стылістычных катэгорый, даказваючы, што гэта катэгорыя – сінтаксічна-стылістычная.

Паводле А. Акішынай, перыяд – закончаны ў сэнсавых адносінах мнагачленны ўскладнены або складаны сказ, што распадаецца на дзве супрацьпастаўленыя часткі, першая з якіх характарызуецца інтанацыйнай павышэння і складаецца з шэрагу аднародных адзінстваў, структурна і сэнсава замкнёных другой, заключнай часткай, што вымаўляецца з паніжэннем тону.

У 60–70 гг. XX ст. перыяд пачалі вывучаць побач з тэкстам, абзацам і звышфразавым адзінствам як складаную сінтаксічную канструкцыю звязнага маўлення. Даследаванню перыяду прысвяціў шэраг артыкулаў А. Карпаў. Перыяд, на яго думку, «структурная разнавіднасць простага або складанага сказа, якая фарміруецца на аснове паслядоўнага і сістэматызаванага размяшчэння ў першай частцы сінтаксічна аднародных кампанентаў, што паасобку і ў цэлым не ўтвараюць закончанага думкі, а ў структурных і сэнсавых адносінах залежаць ад другой часткі, супрацьпастаўленай першай шляхам інтанацыі і глыбокай паўзы» [6]. Гэтае тлумачэнне, на нашу думку, дастаткова вычарпальнае.

Тым не менш змест і аб’ём паняцця «перыяд» працягвалі аспрэчваць. Некаторыя філолагі (А. Руднеў, А. Квяткоўскі, М. Гаспараў) лічылі перыяд разнавіднасцю складанага сказа, часцей за ўсё складаназалежнага. Л. Барлас называў перыядам сінтаксічную структуру, дзве часткі якой выступаюць як тэма і рэма. В. Бабайцава і М. Холадаў характарызавалі перыяд як складаную форму арганізацыі маналагічнага маўлення, буйную адзінку сінтаксісу тэксту. Рускі філолаг Н. Валгіна, спасылаючыся на А. Рэфармацкага, разглядала перыяд як форму арганізацыі складанага сінтаксічнага цэлага.

Як бачым, адзінай думкі ў вызначэнні зместу і аб’ёму паняцця «перыяд» няма. Тэрмін стаў сапраўды мнагазначным. Невыпадкова ў «Слоўніку лінгвістычных тэрмінаў» В. Ахманавай ён падаецца ў трох значэннях:

1. Складаная сінтаксічная канструкцыя, якая аб’ядноўвае шэраг больш ці менш комплексных адзінак ў выглядзе закончанага і ўраўнаважанага цэлага.

2. Складаная сінтаксічная канструкцыя, рытмічны характар якой забяспечвае заканамернае павышэнне і паніжэнне голасу.

3. Закончаны адрэзак маўлення, у тым ліку любы закончаны сказ. На жаль, такі падыход ніякім чынам не спрыяе высвятленню зместу перыяду.

У беларускім мовазнаўстве ўпершыню тлумачэнне перыяду з’явілася ў «Слоўніку лінгвістычных тэрмінаў» А. Юрэвіча. Аўтар схіляецца да думкі, што перыяд – разнавіднасць шырока развітага простага ці часцей складанага сказа, што распадаецца на дзве інтанацыйна супрацьпастаўленыя часткі, з якіх першая характарызуецца інтанацыйнай павышэння, а другая, заключная, – інтанацыйнай паніжэння. Другі ў беларускай лексікаграфіі «Слоўнік

лінгвістычных тэрмінаў» П. Сцяцко, М. Гуліцкага і Л. Антанюк амаль дубліруе вышэйпрыведзенае азначэнне.

У працах па стылістыцы перыяд называюць сінтаксічнай (стылістычнай) фігурай. М. Цікоцкі разглядае яго як асаблівы прыём сінтаксічнай арганізацыі маўлення побач з анафарай, эпіфарай, кальцом страфы, градацыяй і іншымі фігурамі. Да стылістычных рэсурсаў сінтаксісу адносіць перыяд А. Юрэвіч. Перыяд, на яго погляд, гэта вобразная замалёўка, карціна, разгорнутае разважанне, насычанае складаным і глыбокім зместам, што набліжае яго да закончанага твора з адпаведнымі кампазіцыйнымі часткамі (экспазіцыяй, кульмінацыяй, развязкай).

Да праблемы вывучэння перыяду як складанай формы звязнай мовы звярнулася мовазнаўца Н. Гаўрош, якая прыходзіць да вываду, што перыяд – сапраўды «своеасаблівая сінтаксічная канструкцыя са сваёй кампазіцыяй, пабудаваная паводле адпаведнай структурнай мадэлі, з яе разнастайнымі мадыфікацыямі, мае свой інтанацыйны малюнак, сваё графічнае афармленне і вызначаецца спецыфічнай стылістычнай функцыяй»: *Меднастволы, як выліты, высіцца бор, Зацвітае на ўзлессі блакітны чабор, Заглядзелася сонца ў люстры азёр, – Гэта ты, мая Беларусь! (П. Панчанка) [7].*

Як бачым, змест паняцця «перыяд» мовазнаўцы тлумачаць па-рознаму. Доўгі час перыяд атаясамліваўся са складаным сказам (пераважна – са складаназалежным). Нават у выпадку тэарэтычнага размежавання гэтых паняццяў, якое адбывалася на стылістычнай ці экспрэсіўнай аснове, адрозненне паміж імі аказвалася зусім нязначным і неістотным. Таму пытанне вызначэння зместу перыяду патрабуе ўдумлівага падыходу і застаецца адкрытым.

ЛІТАРАТУРА

1. *Античные риторик*. – М., 1978. – С. 140.
2. *Обнорский С.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. – М. – Л., 1946. – С. 175.
3. *Виноградов В.* Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). – М., 1958. – С. 27.
4. *Шапиро А.* О периодической форме речи // Русский язык в школе, 1951, № 1. – С. 27.
5. *Лысков И.* Теория словесности. – М., 1914. – С. 331.
6. *Карпов А.* Периоды с одним структурно-организующим центром и периоды с паратаксической связью в современном русском языке. – Мн., 1967. – С. 6.
7. *Гаўрош Н.* Перыяд – асобая сінтаксічная канструкцыя: Да праблемы вывучэння складаных формаў звязнай мовы ў школе // Роднае слова, 2002, № 6. – С. 52.

S U M M A R Y

The appearance and the coming into being of the concept «period» in Linguistics are thrown light on in this article. The author discerns the evolution of this period from ancient times till nowadays.

Поступила в редакцию 8.04.2004

Якуб Колас – дзіцячы пісьменнік і педагог у «Другім чытанні для дзяцей беларусаў»

У пачатку XX стагоддзя з'яўляюцца першыя нацыянальныя кнігі, спецыяльна напісаныя для дзяцей: «Беларускі лемэнтар, або Першая навука чытання», «Першае чытанне для дзетак беларусаў» і «Гасцінец для малых дзяцей» Цёткі, «Другое чытанне для дзяцей беларусаў» Я. Коласа. Створаны яны пад непасрэдным уплываннем вядомых «Дзіцячага свету» і «Роднага слова» К. Ушынскага, «Азбукі» («Новай азбукі») і «Рускіх кніг для чытання» Л. Талстога.

Кожная з гэтых першых беларускіх кніг адыграла важную ролю ў навучанні і выхаванні падрастаючага пакалення, аднак «Другое чытанне...» Я. Коласа – найбольшую. У ім арганічна спалучыліся паэзія і выразны дыдактызм, вобразнае і рацыяналістычнае ўзнаўленне свету. Кніга складаецца з сямі раздзелаў, у якіх жывой, дакладнай і даходлівай эмацыянальнай мовай дадзены маляўнічыя апісанні роднай прыроды, праўдзіва адлюстравана беларуская вёска. Велізарнае значэнне «Другога чытання...» не толькі ў яго жанравай разнастайнасці (аповяданні, замалёўкі, невялікія нарысы, вершы, байкі, народныя і апрацаваныя, аўтарскія казкі), але і ў багацці глыбока сацыяльнай праблематыкі, у сцвярджэнні высокіх маральна-этычных вартасцей простага чалавека. Паказальна ў гэтых адносінах аповяданне «Вясна», якім адкрываецца кніга. У барацьбе сонца са снегам і холадам сімвалізуецца барацьба праўды і несправядлівасці, добра і зла сярод людзей: «І ваюе яно з цьмою і холадам, як ваюе і чалавек са злом і несправядлівасцю», – чытаем у творы. І перамога абавязкова непазбежна за ўсім светлым, перадавым, справядлівым.

У гэтым свайго роду запеўным аповяданні да ўсёй чытанкі пісьменнік эмацыянальна заклікаў маленькіх чытачоў ідэйна-эстэтычна загартоўвацца для барацьбы з усім бессардэчным, несправядлівым:

«Гуляйце, дзеткі! Разумна гуляйце, прыглядайцеся да жыцця Божлага свету: няхай вучыць ён вас, як жыць, як зрабіць вашу сілу разумнаю сілаю, каб непрыяцелі вашы не здалелі вас, не пабілі вас у адзіночку. Цяпер ваш час, гуляйце, набірайцеся сілы. Няхай шчыра свеціць вам сонца, няхай не зарастае дарога ваша дзікаю травой, як зарастала дарога вашых бацькоў. Няхай шырэй і далей пазірае вока ваша на Божы свет, на саміх сябе» [1].

Кампазіцыйна кніга педагагічна тонка прадумана. У першай яе частцы матэрыял прысвечаны порам года і адпаведна з календарнымі цыкламі – вясна, лета, восень, зіма – размеркаваны. Цікава, што тым самым Я. Колас на практыцы ажыццявіў адно з істотных педагагічных палажэнняў К. Ушынскага аб асаблівасцях навучання. «Усё, што адбываецца ў знешнім свеце, адбываецца не інакш як у вядомым месцы і ў вядомы перыяд часу, – пісаў рускі пісьменнік-педагог. – Калі навучанне не хоча быць сухім, адцягнутым і аднабаковым, а імкнецца да таго, каб развіваць дзіця ва ўсёй яго жывой,

гарманічнай прыроднай цэласці, то нельга ніколі губляць з вачэй месца і часу. Усякая падзея, пададзеная вучню ў вядомым яму месцы і з адценнямі, якія надаюць падзеі той або іншы час года, глыбока і пладавіта ўкараняецца ў душы дзіцяці» [2].

Зрэшты, у сваёй літаратурна-педагагічнай дзейнасці і асабліва пры складанні «Другога чытання...» Я. Колас творча развіваў педагагічна-эстэтычныя погляды К. Ушынскага. Прынамсі, у пісьме да Ф.М. Логаша ад 2 ліпеня 1951 г. ён пісаў, што «Роднае слова» і «Дзіцячы свет» Ушынскага пакінулі ў яго душы глыбокі след. Ён адбіўся і на матэрыяле для «Другога чытання» [1, т. XIV, с. 73].

Здзіўляюча сцісла, дакладна, эмацыянальна афарбавана паэтызацыя роднай прыроды – разліў Нёмана, працавітых мурашак, спякотны летні поўдзень, непаседа-ручай, ціша летняй ночы, начное возера, шапаценне срэбраных каласкоў, адлёт птушак, надыход зімы, свавольніца-мяцеліца, – Колас яе бліскуча адухаўляе, паказвае арганічную ўзаемасувязь наваколля з жыццём і працай чалавека. Так, у невялікай замалёўцы «Навальніца» жывапісна перададзены і веліч, хараство летняй навальніцы, і руплівая сялянская праца: «Ціха, важна, спакойна, густа і страшна пракаціўся ў небе першы гром. Далёка над лесам бліснула маланка, яркая, борздая, і накрыв перасекла хмару. Счакаўшы крышку, зноў разліваецца, наўперад ціха, а потым паволі мацней, мацней, і на сярэдзіне самы тоўсты, самы крэпкі гук і за гэтым ізноў памаленьку заціхае і ўмірае за лесам». І з першым громам «людзі, як мурашкі, заварушыліся, забегалі на лузе, на скорую руку складаюць сена ў копы. У адзін момант тысячы коп сена выраслі на грудях» [1, т. IV, с. 223].

Найчасцей прырода паказваецца праз успрыманне дзіцяці. І ўспрыманне гэта заўсёды непасрэднае, узвышана паэтычнае. Вось як кранальна, з непаўторным лірызмам і цеплынёй увасоблена зліццё прыроды і маленькага Яся ў алавяданні «Прылёт птушак»: «Што-то звяніць у небе тоненькім срэбраным звяночкам? Так хораша, так міла, – душа замірае! Ясь прыслухаўся. Не відаць нічога, а ў небе ціха разліваецца тоненькая песенька, як грае хто на срэбранай дудачцы. Гэта жаваранкі! І так весела Ясю, здаецца, каб льга было, пацалаваў бы мілую птушачку» [1, т. IV, с. 216].

Прырода для Коласа – невычарпальная крыніца фантазіі, летуцення, сімвал прыгожага, высакароднага, паэтычнага. Сам зведаўшы ў дзяцінстве яе цудадзейнае маральна-эстэтычнае жыватворнае ўздзеянне, ён імкнуўся навучыць маленькіх чытачоў эстэтычнаму ўспрымання роднай прыроды.

Аб тым, якую ролю ў дзяцінстве адыграла для Коласа прырода, можна меркаваць па яго пісьму, напісанаму на рускай мове да Л.М. Клейнбарта ад 18 чэрвеня 1927 г.: «Своё детство я вспоминаю как самую светлую полосу своей жизни. Роскошная природа белорусской глуши, дружная семейная жизнь, труд и развлечения на лоне природы – соби́рание грибов, ягод, сенокос, летние грозы, которые так сильно действуют на меня и до сего времени, общение с людьми, их разговоры, встреча со стариками-крестьянами, которых я очень любил за их благообразный вид и мудрость житейскую, – всё это глубоко запало в душу и живо до этого времени» [1, т. XIII, с. 77].

На жаль, у наш час нешта ўсё ж такі страчваецца ў духоўным развіцці дзіцяці. Яму не хапае таго, што было ў Коласавых герояў – прыроды, здаровага адзіноцтва: часу на роздумы, хваляванні, разважанні...

Празаічныя апісанні і замалёўкі роднай прыроды ў «Другім чытання...» кароткія, але яркія, змястоўныя, эмацыянальна насычаныя, пластычныя. Тут у мастацкім слове пераліваюцца фарбы, колеры, перазвоньваюцца гукі, чуюцца пахі і спевы наваколля. Не можа не ўсхваляваць уражлівую душу дзіцяці, скажам, паэтычны малюнак зімы: «Пасыпаўся снег мільёнамі камячкоў дробнага,

мяккага пуху. Залёталі, закружыліся яны халодным пылам. А вецер крапчае, уздзірае снег знізу ў полі, падымае яго ўгору, круціць стаўбамі, і белы вихар снежнага пылу далёка прамчыцца па полі. Свішча вецер, нясе белы пыл у кожны куточак, у кожную дзірачку, круціцца, налятае з усіх старон і ўсё, што ні сустрэне на сваёй дарозе, абсыпае халодным снегам. Неба мяшаецца з зямлёю. Усюды, куды ні глянь, бель і бель, і не можа вока абняць гэту белую сцяну» [1, т. IV, с. 251].

Я. Колас пісаў свае творы для дзяцей, памятаючы выказванне К. Ушынскага аб тым, што дзіця «мысліць формамі, фарбамі, гукамі, адчуваннямі наогул, і той дарэмна і шкодна прымушаў бы сілай дзіцячую прыроду, хто захацеў бы прымусіць яго мысліць інакш» [2, т. 2, с. 289].

Па-майстэрску скарыстоўваючы лірычныя пейзажныя адступленні, алегарычныя вобразы, Колас у зразумелай дзецям форме расказваў у чытанцы аб сацыяльнай няроўнасці, усаўляў змагароў супраць несправядлівасці («Дуб і чароціна»).

У гранічна лаканічных, шматслоўных праявістых творах «Другога чытання...», асабліва раздзела «Родныя абразы», шмат матэрыялу пазнавальнага характару. Прычым у іх дакладнасць навуковых звестак арганічна знітавана з маляўнічасцю карцін, з мастацкай фантазіяй («Мурашкі», «Ластаўкі», «Якую карысць прыносяць птушкі», «Палеская вёска», «Мурашкі і іх будова»).

Будучы цвёрда перакананы ў тым, што акрамя розуму «ў дзіцяці ёсць... і ўяўленне і пачуццё» [2, т. 2, с. 324], Я. Колас многа месца ў кніжцы ўдзяліў вершам («Увосень», «Зіма», «Вясна на Палессі», «Вясковыя дзеці», «Стогі», «Палессе», «Мяцеліца»), якія вобразна замацоўваюць у свядомасці дзяцей тое, аб чым расказваецца ў праявістых творах. Наогул у агульнай сістэме ідэйна-эстэтычнага выхавання падрастаючага пакалення Я. Колас асабліва вялікае значэнне надаваў паэзіі. «Вершаваны матэрыял, – пісаў ён, – заўсёды прызнаваўся карысным для мастацкага выхавання. Апрача свайго зместу, ён значны сваёю формай і тою музыкальнасцю, якую вызначаецца вершаваная мова. Творы, напісаныя вершам, лёгка запамінаюцца» [1, т. XII, с. 405].

Колас-педагог, Колас-мастак, а пазней і Колас-метадыст добра разумеў узвышаную цягу дзіцяці да паэтычнага слова, да паэтычнага ўспрымання навакольнага свету. І вершы чытанкі вылучаюцца канкрэтнасцю малюнка і невычарпальнасцю вобразнай фантазіі, багаццем і разнастайнасцю рытмаў і інтанацый, фарбаў і гукаў. Колькі дзіцячай непасрэднасці, радасці, веселасці, напрыклад, у вершы «Зіма», у якім аўтар гулліва-пяшчотна звяртаецца да дзяцей:

*Даставайце з вышак сані –
Гайда сцежкі праціраць
І па белым акіяне
Ўздоўж і ўпоперак гуляць!*

*Ды кладзіце рукавіцы –
Дзе з марозам жартаваць!
Рады белай мы зіміцы,
Рады з ёю ваяваць.*

*Гэй вы, коні, гэй, малыя!
Што заснулі? Весялей!
Гэй, у скопку, залатыя!
Варушыцеся жывей! [1, т. I, с. 186].*

Глыбокія філасофскія думкі паэтычна і займальна даносяць да дзіцяці і народныя казкі, таленавіта літаратурна апрацаваныя і ўключаныя ў спецыяльны раздзел «Другога чытання...». У іх пісьменнік-педагог бачыў крыніцу мудрасці, дабраты, праўды, фантазіі. Так, у казцы «Два маразы» паэтызуецца не толькі фізічная, але і маральная перавага селяніна над багатым. Народная дасціпнасць, кемлівасць, пачуццё чалавечай годнасці ўслаўляюцца і ў казцы «Мужык і пан», напісанай сцісла, лаканічна, дынамічна і выразна, даходліва дзіцячаму ўспрымання.

«Паслаў пан свайго мужыка (за паншчынай было дзела) з пісьмом да другога пана.

Засунуў мужык пісьмо за пазуху і пайшоў. Якраз на дарозе сустрэў ён таго пана, да каторага ён ішоў з пісьмом. Вымае мужык з-за пазухі скамечанае пісьмо і падае яго пану, не скінуўшы шапкі. Гэта пану не спадабалася.

— Скажы ты мне, чалавеча, ці ў твайго пана няма лепшых людзей, што ён паслаў да мяне цябе, дурня?

Хацеў спагнаць сваю злосць на мужыку пан.

— Чаму няма?! — кажа мужык. — Ёсць, але лепшых людзей і разумнейшых ён паслаў да лепшых і разумнейшых паноў» [1, т. IV, с. 278].

Вялікі філасофскі сэнс прысутнічае і ў казцы «Цяжкая доля», у якой у алегарычнай форме — на вобразе жыта — сцвярджаецца здзіўляюча цудоўны лёс чалавека-працаўніка.

Веліч служэння мастацтва народу з выключнай паэтычнасцю раскрыты ў казцы «Песня птушкі».

Чытанка Коласа — узор грамадзянскасці дзіцячай літаратуры, літаральна ўсе яе творы прасякнуты пэўнай глыбокай педагогічнай ідэяй, ярка і жыва знаёмяць маленькага чытача з наваколлем, прымушаюць самастойна мысліць, вобразна будзяць яго фантазію і летуценні.

«Дзіцячым чытаннем...» Я. Колас на практыцы паказаў, што літаратура для дзяцей немагчыма без педагогікі, як і апошняя набывае сапраўдную дзейнасць толькі тады, калі робіцца змацыянальнай, паэтычнай, і дзіцячы пісьменнік павінен быць не толькі майстрам мастацкага слова, але і таленавітым педагогам адначасова, добра ўсведамляючы мэты і задачы выхавання.

ЛІТАРАТУРА

1. **Колас Я.** Збор твораў: У 14 т. — Мн., 1972–1978. — Т. IV. — С. 215. (У далейшым спасылкі на гэта выданне падаюцца скарачана — у дужках том і адпаведная старонка).
2. **Ушинский К.Д.** Избранные педагогические сочинения: В 2 т. — М., 1974. — Т. 2. — С. 329.

S U M M A R Y

The article contains the analysis of literary works of different genres, that were included into Yakub Kolas' textbook. Their role in educating and bringing up junior pupils is shown.

Поступила в редакцию 11.03.2004

В.В. Лапацінская

Ідэйна-мастацкая функцыя тропаў у творчасці Анатоля Сербантовіча (на прыкладзе метафары)

І ў нашыя дні пытанні паэтыкі з'яўляюцца прывілейнымі ў айчынным літаратуразнаўстве. Гэта абумоўлена, у першую чаргу, яго скіраванасцю на даследаванне праблем змястоўнасці мастацкага слова, яго сувязі з грамадскім жыццём, ідэйна-філасофскай значнасці і г.д., а не форматворчасці, жанрава-родавай і вобразнай спецыфікі. Адсюль і параўнальна слабая распрацаванасць паэтыкі тропаў, паэтычнага сінтаксісу, пытанняў верша ў цэлым.

Мэта нашага даследавання – стыль А. Сербантовіча, яго эвалюцыя ў працэсе мастацкай самаідэнтыфікацыі аўтара ва ўмовах дыскрэтнага часу, што нясе на сабе адбітак рамантычна-ўзнёслага настрою, а затым яго спаду. Тропы ў сістэме, комплексна, таксама ў многім вызначаюць стыльваю, жанравую адметнасць творчасці мастака слова, літаратурнай школы і нават літаратурнага напрамку. Таму, здаецца, прыватная праблема частотнасці іх ужывання дае магчымасць прыйсці да правільных вывадаў шляхам індукцыі, зрабіць нечаканыя адкрыцці. Асабліва плённа элементамі статыстычнага аналізу карысталіся структуралісты 20-х і пазнейшых гадоў XX ст. Найбольш паказальныя набыткі ў гэтым плане мае школа Ю.М. Лотмана [1].

Метафара з'яўляецца адным з самых распаўсюджаных тропаў у паэтычнай мове. Яе генезіс, эстэтычную функцыянальнасць раскрывалі вядомыя філосафы і мыслеры – Арыстоцель, Русо, Гегель, Э. Касірэр, Х. Артэга-і-Гасет і многія іншыя. Падобная ўвага абумоўлена ў першую чаргу тым, што метафара – гэта «ключ да разумення асноваў мыслення і працэсаў стварэння не толькі нацыянальна-спецыфічнага бачання свету, але і яго універсальнага вобразу» [2]. Вывучэннем прыроды метафары і законаў метафарызацыі дастаткова плённа і вынікова займаліся такія вядомыя вучоныя-лінгвісты, як А.А. Патабня, Ф.І. Буслаеў. На сучасным этапе праведзена грунтоўная праца па асэнсаванні двухплавнай сутнасці метафары (даследаванні Г.М. Паспелава, А.І. Яфімава, В.У. Вінаградава і інш.), выяўлены накірункі аналізу метафарычнай вобразнай творчасці асобных пісьменнікаў.

Як заўважаюць замежныя тэарэтыкі літаратуры А. Уорэн і Р. Уэллек, «менавіта – і перш за ўсё – у метафары і міфе выяўляецца прызначэнне і функцыя літаратуры. Сфера духоўнай дзейнасці чалавека ўключае метафарычнае і міфічнае мысленне, гэта значыць мысленне метафарами і мысленне ў форме паэтычнага апавядання, бачання» [3]. Такім чынам, літаратуразнаўцы схіляюцца да думкі, што менавіта метафарычнасць з'яўляецца асновай вобразатворчасці і адлюстроўвае рысы індывідуальнага светабачання кожнага мастака слова, у многім становіцца стылетворным фактарам, вызначае індывідуальную адметнасць творчасці пісьменніка.

За аснову падліку ў нашым даследаванні мы ўзялі крытэрыі падзелу метафар на групы: з аднаго боку, рамантычныя і рэалістычныя, з другога – аўтарскія і традыцыйныя (у тым ліку фальклорныя, прасачылі гэту тэндэнцыю асобна на прыкладах з трох зборнікаў паэта, і прыйшлі да наступных вывадаў.

У першай кнізе «Азбука» (гл. табліцу) Анатолям Сербантовічам выкарыстана ў працэнтных адносінах: рамантычных метафар – 27,94%, рэалістычных – 11,76%, аўтарскіх – 29,41%, традыцыйных (у тым ліку фальклорных) – 30,98%.

Табліца

Метафары (зб. «Азбука»)

№	Рамантычныя	Рэалістычныя	Аўтарскія	Традыцыйныя (у тым ліку фальклорныя)
1	2	3	4	5
1.	У сэрца стукаецца май	Трактар, не спяшаючы, паўзе	Чупрынай рыжаю травінак лугі ўспыхнулі	Сэрца тропнула нясмела
2.	[Дарога] пад коламі ўскрывае	Гарачая яечня са стала угледзіцца лупатымі вачыма	Лаза спяшае хусткі павуцінак, нібы бабулька, павязець	[Дарога] падкована асфальтам
3.	Вада заўсёды мілуе	Ліпы больш не чахнуць	Яны людзей курылі [крэматыры]	Распусціла мяцеліца косы (фалькл.)
4.	У згодзе з ім жыве рака сама	Маленства пахне лісцямі і ранняю травой	Карагоды вадзілі лісы, танцавалі ў кругу ваўкі	Будуць зоры цвісці
5.	Біла крыламі лісце	Сумленне маці не пяць	Успаміны просяцца і колюцца	Трава яшчэ хавала
6.	У сумётах сумуе восень	Жыла нястача ў хатах	Трава за ногі ворага чапляецца	Вада выкідвала назад
7.	У сэрца крадзецца адчай	Прабуе голас за ракой гудок	Ляжалі ў арыштанцкім халаце палі	Гуляе вецер золкі (фалькл.)
8.	Пырскую росяў дажджы	Сюды не далятала рэха колаў	Акулы пад канвоём к берагу вялі	Слупы бягуць, хістаюцца
9.	Трубіла хмара ў чорны рог	—	Пустое «ўра» нікога не парадзе	Хвалюецца ля берага лаза (фалькл.)
10.	Стрэлы ўспыхнулі	—	Чайкі крыламі хвалі косяць	Вятры ў полі карагоды водзяць (фалькл.)
11.	Як жывыя, уночы размаўляюць званы	—	Покуль плавіцца ранак	Вятры ўсё снягі змятаюць
12.	Нада мною гавораць, // патрабуюць званы	—	Клюнула карань тупая лапата	Аж покуль не зазвоняць ручаі (фалькл.)
13.	І поры года на пасты выходзяць	—	Час над ёй [зямлёй] схіліўся	На вадапой спусціліся вярбіны
14.	Ручаі, узяўшыя мороз і снег у шпакі	—	Гарбуз у агародзе пад галаву паклаў грады рабрыну	Шумяць сасна і дуб-асілак (фалькл.)

Працяг табліцы

1	2	3	4	5
15.	А сад, як слёзы, лісце долу скінуў	—	На касмадроме полюса зіма рых- туецца выходзіць на арбіту	Пацягнецца за- спаная зямля
16.	Дрыжыць раз- гублена гарла- чык	—	Клавішы зямлі перабіраюць пальцы касцяныя жалудоў	Вятры тады ў полі гулі (фалькл.)
17.	Трыццаць год узляцела з твайго пляча	—	Вецер коціцца за сяло	3 гадамі пры- ходзіць розум, // 3 гадамі трыво- жыць роздум
18.	Усходзіць се- рабрыстая сівізна	—	Палотны туманоў лашчыны сцягнуць	Мой час гадзіннік на сцяне адстук- вае
19.	Ноч яго ў сваім нябачным чоўне // На да- лёкі бераг ад- вязла	—	Драты дажджу вісяць, электраз- варкай плешчуцца	Прасілі ў нас ліпы літасці
20.	—	—	І хмара, быццам леў, трасе калма- тай грываю	Вятры тады хату мялі
21.	—	—	—	[Былое] Яно пас- ля цячэ ў крыві // жыве таемна ў сэрцы

Трэба заўважыць, што аўтарскія тропы пераважна рамантычна афарбаваны. Такім чынам, рамантычныя стылявыя прыкметы (паводле выкарыстаных пазтам метафар) маюць перавагу над рэалістычнымі: 39 рамантычных тропай (у суме з аўтарскімі) суадносяцца з 29 рэалістычнымі (у суме з традыцыйнымі).

Другі зборнік Анатоля Сербантовіча стаў працягам стылявых пошукаў «Азбукі». Мастак слова самасцвярджаецца ў ім як прыхільнік «сінтэтычнага» стылю: пазтам выкарыстоўваюцца рэалістычныя і рамантычныя метафары, але з яўнай перавагай апошніх.

Дадзеныя падліку частотнасці выкарыстання розных відаў метафар у другім зборніку выглядаюць наступным чынам: рамантычныя тропы складаюць 29,03% ад агульнай колькасці, рэалістычныя – 17,74%, аўтарскія – 40,32%, традыцыйныя (у тым ліку фальклорныя) – 12,9%. Суміраванне колькасці рэалістычных і традыцыйных (блізкіх да іх) метафар дае лічбу – 30,64%, а рамантычных і аўтарскіх – 69,62%. Такім чынам, мы атрымалі неабвержнае статыстычнае падцвярджэнне выказанай думкі, што стыль Анатоля Сербантовіча паводле выкарыстання метафар з’яўляецца «сінтэтычным» з перавагай рамантычных стылявых адзнак: 69,62% рамантычнай тропікі спалучаюцца з 30,64% рэалістычнай.

Трэба адзначыць, што большасць метафар мастака слова – тропы складання, «узмоцненыя» эпітэтам і параўнаннямі, працэнтныя дадзеныя аўтарскіх метафар у параўнанні з першым зборнікам павялічыліся (з 29,41% да 40,32%), што, безумоўна, сведчыць пра ўзросшае пазытычнае майстэрства паэта.

У зборніку «Пярсцёнак» 37 рамантычных, 27 рэалістычных, 44 аўтарскіх і 16 традыцыйных (у тым ліку фальклорных) метафар. У працэнтных адносінах: рамантычных метафар – 29,83%, рэалістычных – 21,77%, аўтарскіх – 35,48%, традыцыйных – 12,9%, што сведчыць пра далейшы рост майстэрства Анатоля

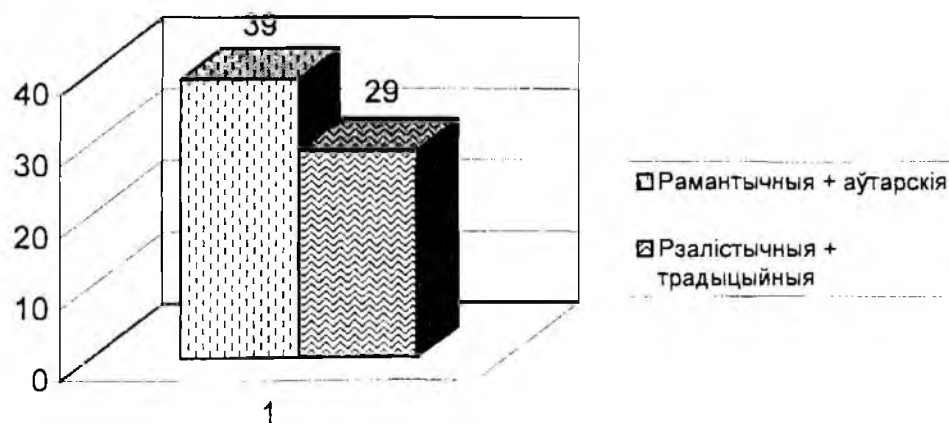
Сербантовіча, адметнасць і непаўторнасць яго стылю, аўтарскай метафарычнай карціны свету.

Статыстычны аналіз дае магчымасць выявіць асноўныя заканамернасці па трох зборніках паэта, якія графічна можна прадставіць у выглядзе дыяграмы.

Дыяграма

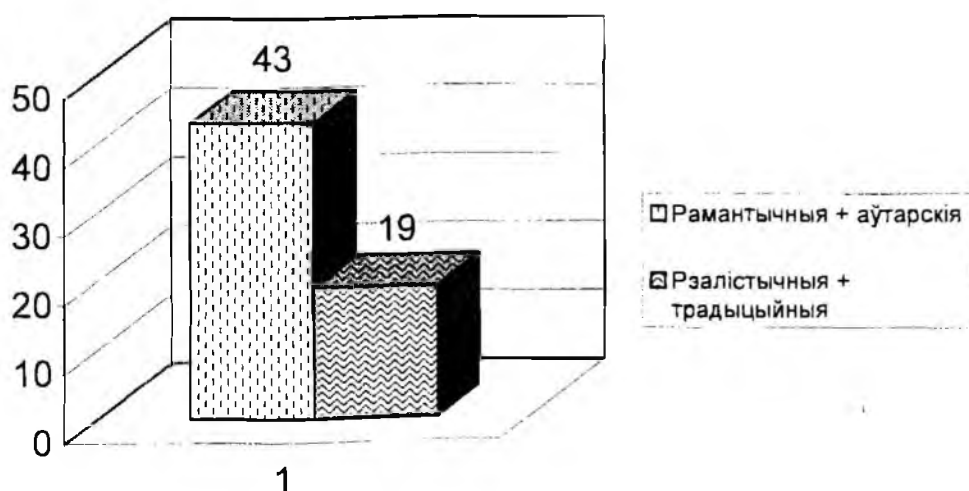
Зборнік «Азбука»

Рамантычныя + аўтарскія метафары	39
Рэалістычныя + традыцыйныя метафары	29

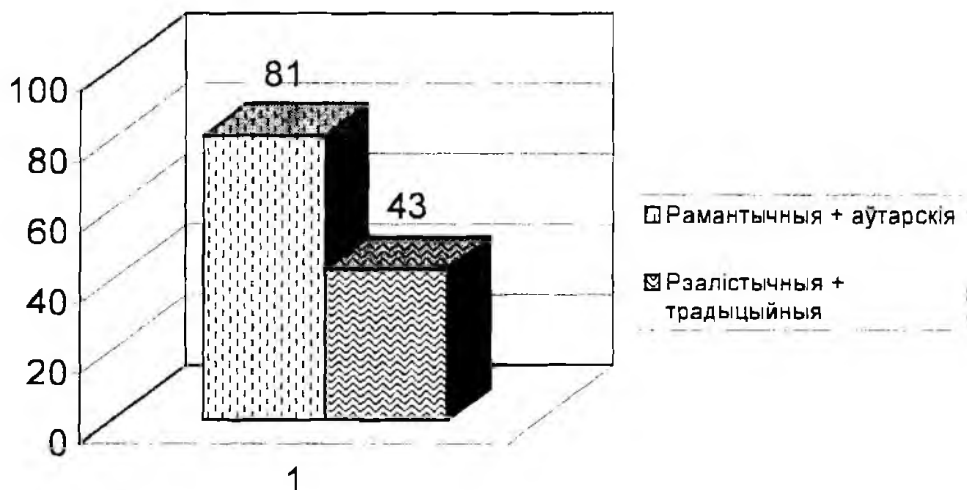
Зборнік «Міннае поле»

Рамантычныя + аўтарскія метафары	43
Рэалістычныя + традыцыйныя метафары	19

Зборнік «Пярсцёнак»

Рамантычныя + аўтарскія метафары	81
Рэалістычныя + традыцыйныя метафары	43

Статыстычныя дадзеныя ў цэлым сведчаць пра тое, што Анатоль Сербантовіч адлюстроўваў пераважна рамантычны пафас эпохі.

Шмат аўтарскіх тропаў з'явілася ў яго творчасці ў перыяд навукова-тэхнічнай рэвалюцыі (НТР) у выніку прыўнясення рыс новага, «тэхнізаванага» светаўспрымання ў сферу будзённага жыцця, у новае, глыбейшае разуменне законаў прыроды, навакольнага асяроддзя. Так, напрыклад, зіма не толькі выклікае ў паэта шчымлівае замілаванне, але і моцнае пачуццё павагі і захаплення ёю, якое не знікае нават пад націскам тэхнікі, а таму яна малюецца як велічная з'ява, гіпербалічна. Яе прыход паказваецца з дапамогай касмічнага вобраза: «На касмадроме полюса зіма рыхтуецца выходзіць на арбіту» [4].

«Звышзахапленне» прыродай нараджае нечаканы, незвычайны аўтарскі асацыятыўны троп, паводле якога, напрыклад, побач ставяцца дождж і электрычнасць: «Драты дажджу вісяць, электразваркай плешчуцца» [4]. Падобныя прыклады аўтарскіх метафар праліваюць «святло на псіхалогію творчасці» [2]. Троп у дадзеным выпадку, падобна фрэскавай выяве, вырастае ў вобраз-рэалію, якая ператвараецца ў яскравую карціну жыцця, знаёміць нас з адчуваннямі, успрыманнямі рэчаіснасці і ўяўленнямі пра іх чалавека 1960-х гадоў, які, дзякуючы навукова-тэхнічным дасягненням і грамадскай атмасферы «адліп», ды рамантычнай узнёсласці адчуў сваю значнасць, паставіў сябе ў цэнтр Сусвету.

Невялікая колькасць фальклорных метафар у творчасці паэта ў цэлым сведчыць пра прыналежнасць паэта да творчай плеяды філалагічнага пакалення, адной (хаця і не ўсеагульнай, калі ўлічыць своеасаблівасць пошукаў Р. Барадуліна) з адметнасцей творчасці якога была зарыентаванасць на пераадоленне фальклорнай традыцыі. Гэтая тэндэнцыя асабліва ярка праявілася ў паэзіі Анатоля Сербантовіча, у большай ступені, чым, напрыклад, у творчасці А. Русака, А. Астрэйкі, А. Вялюгіна, А. Бялёвіча і некаторых іншых паэтаў ваеннага пакалення, якія знаходзіліся пад непасрэдным уплывам вуснай народнай творчасці, «эксплуатавалі» яе матывы і слоўна-выяўленчыя сродкі. Менавіта ў гэтым мы бачым важную прычыну з'яўлення вялікай колькасці аўтарскіх тропаў і – адпаведна – росту таленавітасці аўтара, для

якога фальклор быў толькі першай прыступкай творчага сталення на шляху авалодання кніжна-літаратурнай традыцыяй сусветнага слоўнага мастацтва.

Шмат асацыяцый і параўнанняў, якія пакладзены ў аснову сербантовічаўскіх аўтарскіх метафар, маюць свае вытокі ў літаратуры Сярэбранага веку, заснаваны на пераламленні і пераасэнсаванні традыцый імажынізму, асабліва яго праяў у творчасці С. Ясеніна, ранняга Б. Пастэрнака, Т. Кляшторнага.

У 30-я гады мінулага стагоддзя смелая вобразнасць Тодара Кляшторнага («ледзяныя гітары», «вішнёвыя хмары», «ружовыя келіхі» і т.п.) стала «мастакоўскім сцверджаннем права на асабістыя перажыванні ў паэзіі, на бачанне «вывіхаў людзей», якія ў сваім роздуме аб жыцці не задавальняюцца наборам ідэалагічных штампаў» [5]. Так і аўтарскія метафары Анатоля Сербантовіча сведчылі ў 60-я гады XX ст. пра нетрадыцыйнасць аўтарскага светабачання, адлюстроўвалі яшчэ адну тэндэнцыю тагачаснага літаратурнага працэсу – прагу абнаўлення і актыўнага пераадолення дагматызму, ілюстрацыйнасці і спрошчанасці ў паказе рэчаіснасці, імкненне да наватарскіх пошукаў у галіне мастацкай формы. Метафара звычайна выяўляе самабытнасць творчай манеры пісьма, аўтарскага стылю, бо, як ні адзін іншы троп, менавіта яна аказваецца здольная да стварэння адначасова прадметнага, асацыятыўнага і пластычнага малюнка, бо «ў ёй заключана імпліцытнае супрацьпастаўленне будзённага бачання свету, якое суадносіцца з класіфікуючымі (таксанамічнымі) прэдыкатамі, незвычайнаму, якое ўскрывае індывідную сутнасць прадмета» [3].

У пацвярджэнне выказанай думкі звернемся да верша *«Шаша нырае ў гул і грукат...»*. Метафара ў ім не толькі стварае яскравы пейзажны малюнак, але і вызначае час дзеяння, яго развіццё ў прасторы. Дзякуючы гэтай «універсальнасці» троп, вобразная карціна становіцца зрокавай, прадметнай і адначасова маштабна-асацыятыўнай:

*Шаша нырае ў гул і грукат,
Ў накрапы рэздзенькіх слупоў, —
Цыгарку вёрст бярэ ў рукі,
Пускае ў вочы дым снягоў* [4].

Як бачым, вобразная думка тут вельмі ёмістая, лаканічная, можа, дзякуючы гэтаму ў адной страфе Анатоль Сербантовіч спалучыў афарыстычнае апісанне, якое ў праявістым варыянце сталася б разгорнутай пейзажнай замалёўкай, і асацыятыўнасць, у аснове якой нешаблоннае параўнанне, кожны кампанент якога трывала замацаваўся ў сэнсавым кантэксце і не можа быць заменены іншым. Асацыяцый тыпу – параўнанне смугі, туману з дымам цыгарэт – даволі часта сустракаюцца ў паэзіі Сяргея Ясеніна: «задымился вечер», «курятся туманы», «курит облаком болото» і т.п. Аднак вобраз шашы, якая курыць «цыгарку вёрст» і «пускае ў вочы дым снягоў» – гэта наватарскі троп, які ў беларускай літаратуры ўпершыню створаны Анатолям Сербантовічам і, на нашу думку, не паўтораны, не дапоўнены і не разгорнуты нікім з беларускіх майстроў.

Да ліку аўтарскіх тропі, якія палягаюць у рэчышчы традыцый Сярэбранага веку і паэзіі С. Ясеніна і ранняга Б. Пастэрнака, безумоўна, трэба аднесці і наступны: «Цыбатае сонца на ворыве чорным // Клякоча, як бусел, — п'е для жывых, // І робіць такое, за што яшчэ ўчора, // Відаць, не знасіла б сваёй галавы» [4] (верш *«То мора, то бераг, то востраў зялёны...»* са зборніка «Пярсцёнак»). Гэты троп выступае своеасаблівым цэнтрам ідэйнага прыцягнення, вакол якога канцэнтруецца сэнсавымі кольцамі творчая задума ўсяго верша. Сонца – традыцыйны сімвал жыцця – ператвараецца ў шматгранны вобраз-сімвал: яно не толькі «п'е для жывых», адорваючы іх цеплынёй і ласкай, але і дае самую светлую надзею (што ўдала

падкрэсліваецца параўнаннем яго з буслом). Менавіта падобнае смелае і ў нечым «нахабнае» свяціла (падобнае сваёй безразважнасцю да ясенінскага сонейка, што звесіла ногі на пагорак, калі шукала месяц) з'яўляецца мяжой паміж учора, калі лірычны герой твора «стаяў на абрыве, // Балючы і калючы – у стрэлах дажджу» [4], і сёння, калі ён ужо зрабіўся вясёлым, шчаслівым і новым. Падобны троп сустракаецца ў Р. Барадуліна, калі паэт стварае вобраз восені, якая цыбатай жураўлінаю нагой крочыць імшарамі. Адносна ж вобраза сонца мы схільныя гаварыць пра наватарства А. Сербантовіча, якое заключаецца ў імкненні сканцэнтравана думку ў дадзеным, як і многіх іншых, тропях, надаць яму зместавую шматзначнасць. У «Пярсцёнку» даволі шмат аўтарскіх і рамантычных метафар выкарыстана мастаком слова ў вершах пра Сібір, тайгу – экзатычны край. Тут паэт выявіў сябе пераемнікам традыцыі, закладзенай Алесем Гаруном.

Яшчэ адной заканамернасцю, выяўленай падчас аналізу, з'яўляецца паступовае змяншэнне агульнай колькасці метафар. Так, у першым зборніку іх доля складае 70 выпадкаў у 58 творах (120,68%), у другім – 62 з 80 (77,50%), у трэцім – 124 са 156 (за асобныя творы былі палічаны кожны санет з 3-х вяноў санетаў) (79,48%). На нашу думку, гэты факт сведчыць пра ўзрастанне філасафічнасці ў лірыцы Анатоля Сербантовіча, што ў сваю чаргу вымушала яго пазбаўляцца апісальнасці, напышлівага рытарызму, «квяцістасці» пісьма, замененых слоўнай ашчаднасцю, разважлівасцю, медытатыўнасцю. Такім чынам, калі зборнік «Азбука» Анатоля Сербантовіча па стылёвым афармленні (выкарыстанне тропы) быў блізкі да стылю ранніх зборнікаў Рыгора Барадуліна «Маладзік над стэпам», «Рунець, красаваць, налівацца!» выяўленча-апісальным характарам стылю, функцыяй тропы, то стыль «Пярсцёнка» ўжо набліжаецца па сваіх асноўных адзнаках да стылю паэзіі думкі Анатоля Вярцінскага. Але адначасым адначасова, што паміж стылямі двух аўтараў ёсць і істотнае адрозненне: Анатоль Сербантовіч пазбягае адкрытай нораваапісальнасці, дыдактычнай павучальнасці, яго пісьмо больш яркае, метафарычнае, эмацыянальна-імпульсіўнае.

Такім чынам, ад «Азбукі» да «Пярсцёнка» стыль Анатоля Сербантовіча відавочна мяняўся: становіўся ўсё больш гарманізаваным, «сінкрэтычным», у ім спалучаліся рамантычныя і рэалістычныя прынцыпы пісьма пры відавочнай перавазе першых, паступова ўзрастала роля адметнага аўтарскага тропы, слова, выразу.

ЛІТАРАТУРА

1. **Лотман Ю.** Структура художественного текста. – М., 1970. – 384 с.
2. **Теория метафоры.** Сборник / Перевод с англ., франц., нем., исп., польск. языков / Вступит. ст. и сост. **Н.Д. Арутюновой**; общ. ред. **Н.Д. Арутюновой, М.А. Жирмунской**. – М., 1990. – С. 6.
3. **Уэллек Р., Уоррен О.** Теория литературы. – М., 1978. – 326 с.
4. **Сербантовіч А.** Жаваранак у зеніце: Вершы. – Мн., 1989. – 478 с.
5. **Гісторыя беларускай літаратуры XX ст.** У 4 т. Т. 2 / Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т літаратуры імя Я. Купалы. – Мн., 1999. – С. 34.

S U M M A R Y

The article is devoted to the problem of tropes poetics in the works by A. Serbantovich. Due to the metaphors used by the author, his style is described as syncretic, romantic based on realistic principles, and possesses some peculiar features.

Поступила в редакцию 30.09.2004

О соотношении слуха абсолютного и относительного

Со второй половины XIX века, то есть с первых шагов психологического изучения человеческих способностей, звуковысотный слух был поделен на два вида: абсолютный – способность узнавать высоту изолированных звуков, и относительный – способность определять высоту звуков путем сравнения с другими звуками, высотное положение которых известно. И с тех пор не умолкают споры: является ли абсолютный слух (АС) результатом какого-то этапа в развитии относительного слуха (ОС), или же два названных вида музыкального слуха принципиально различны, независимы и несовместимы друг с другом?

Как мы считаем, удачнее всех несходные порой, противоположные взгляды на природу АС сумела объединить в 1987 году исследовательница из Мюнхена Эва-Мария Хайде [1]. Экспериментально исследовав 47 человек с АС, она пришла к выводу, что нельзя провести четкой границы между ОС и АС. Это значит: граница между ОС и АС вроде бы и существует, но выглядит она нечетко, «размыто». И чтобы кривую этой границы четко воспроизвести, если она существует в действительности, нужно прежде всего изучить вопросы соотношения АС и ОС.

Опираясь на результаты своих исследований природы АС, Хайда пришла к логическому выводу и по вопросам его генезиса: данную способность, согласно ее мнению, можно развить, абсолютному слышанию можно «выучиться» [1]. Правда, вопрос «Как это делается?» она даже не ставила, как бы оставляя решение его будущим исследователям.

Известно, что любая специальная способность образуется в однородной специальной деятельности; мы сейчас отвлекаемся от понятия «задаток», при помощи которого некоторые исследователи пытаются решить проблему успешности (или неуспешности) такого образования.

Начальной музыкальной деятельности присущи два процесса: слушание и воспроизведение (проявляемое в пении или в игре на музыкальных инструментах) музыки. А что из себя представляет музыка? Это – *мелодия*, как художественно осмысленный последовательный ряд звуков разной высоты. Или – *полифония*, как определенное сочетание и развитие нескольких самостоятельных мелодий. И, наконец, – *гомофония*, в которой главенствует мелодия, а сочетание других звуков по горизонтали или вертикали выполняет роль аккомпанемента. Иначе говоря, в любой музыкальной деятельности мы сталкиваемся с последованием звуков по высоте, которые в музыкальном произведении всегда находятся в каких-то отношениях. Г. Гегель писал, что именно отношения звуков выражают определенное музыкальное содержание [2]. Слушать или исполнять музыку, это значит – воспринимать звуковысотные отношения (неважно, имеется ли у человека на данный момент звуковысотный слух, или он только складывается).

Музыкант-теоретик А.Н. Должанский интерпретировал ОС в широком понимании как способность воспринимать смысл звукового последования в художественном произведении и в узком как способность улавливать связь между звуками, запоминать их, внутренне представлять их, сознательно воспроизводить [3], который иногда называют интервальным слухом. Сказать, что АС создается в музыкальной деятельности, это все равно, что утверждать: АС возникает на основе ОС. Конечно, на основе ОС в широком значении этого слова (имея в виду это значение) автор иногда пользуется понятиями «относительный слух» и «интонационный слух» как синонимами, поскольку понятие «интонация» шире понятия «интервал».

Изучая природу АС, американский ученый В. Уорд в 1970 году обратил внимание на то, что любой музыкант способен, например, созвучие чистой квинты (скажем, «до'- соль'») опознать абсолютно, так как ему не нужно сравнивать его с какими-то другими созвучиями [4]. Интервал чистой квинты воспринимается в данном случае как особенный, имеющий только ему свойственную окраску. Такая окраска созвучия (мелодического или гармонического интервала) называется в музыкознании фонизмом [5]. Понять природу АС – значит найти такие фонические структуры (называемые нами предэталонами), которые по-разному окрашивали бы все 12 искомым звуков в пределах октавы.

Теперь можно установить, в чем различается слуховой генез (основа) у обладателей АС и ОС (в узком значении слова). При формировании АС человек воспринимает нижний и верхний звуки в интервале (предположим, в том же «до'- соль'») слитно, нерасчлененно, «диалектично», а само звучание предстает перед ним как *комплексный раздражитель*. Будущий же обладатель ОС, наоборот, звуки интервала (например «до¹-соль¹») с самого начала членит, воспринимая один звук выше или ниже другого на чистую квинту; созвучие в данном случае предстает перед человеком как суммовый раздражитель.

Из сказанного следует, что не могут одновременно функционировать АС и ОС; подчиняясь закону «либо..., либо...», эти два вида музыкального слуха не могут также переходить друг в друга. Однако немецкий исследователь Л. Вейнерт экспериментально обнаружил, что обладатели АС часто наделяются высоким уровнем произвольной регуляции слуховых способностей [6]: там, где АС необходим в музыкальной деятельности, включается «волна АС», а где он необязателен, прием музыки осуществляется на «волне ОС».

Известный советский педагог Л.А. Баренбойм, много лет посвятивший изучению актуальных вопросов детской фортепианной педагогики, заметил, что у обладателей АС, как правило, с первых уроков обучения игре на фортепиано начинает складываться ОС [7]. Но бывает, что и не складывается. Тогда ОС приобретает в более позднем возрасте: известный обладатель АС – ученый и композитор Б.В. Асафьев на своем слухе показал, что совместить в личном опыте АС и ОС вполне возможно, хотя прийти к ОС в этом возрасте совсем не просто [8].

На начальных этапах развития звуковысотной способности ОС обладателям АС бывает, что он не нужен, потому что в музыкальной деятельности «абсолютники» при помощи своей способности делают то, что делают другие при помощи ОС. Но наступает время, когда ОС «абсолютникам» совершенно необходим. Например, некоторые обладатели АС не могут сказать, насколько интервал Б6 (например «до¹-ля¹») шире интервала 4,5 (например «до¹-соль¹»), потому что они ориентируются не на высоту звуков, а на их окраску.

Но главное даже не в этом. Возьмем, к примеру, любую, пришедшую на ум мелодию (скажем, из песни В.П. Соловьева-Седого «Подмосковные вечера»; c-moll). В оркестре нельзя услышать ее первый звук, предположим, в исполнении трубы, второй – гобоя, третий – скрипки и т.д. Точно также невозможно ее услышать вне фортепиано с гармонизацией первого звука в тоне до,

второго – в тоне ми бемоль, третьего – в тоне соль и т.д. Это значит, что какой-то смысловой ряд мелодических или гармонических функций соответствует единому тембру, единой окраске. Но опознание высоты звуков происходит у обладателей АС при условии восприятия дискретного (прерывного) ряда звуков. Эти лица без ОС подчас не могут слить звуки в одну мелодическую линию, услышать ее единый тембр, единую окраску. Самая изощренная система очистки опознавательных тонов от «красящих признаков» хороших результатов порой не дает, но может очень легко полностью снять АС.

Тогда, может быть, АС вовсе не нужен в музыкальной деятельности? Попробуем вкратце ответить и на этот вопрос.

Современное музыкознание делит сольфеджио (учебную дисциплину, предназначенную развивать слух учащихся) на релятивное и абсолютное. Формальное различие их состоит в том, что в релятивной сольфеджийной системе порядок названий ступеней диатонической гаммы используется неизменно во всех мажорных тональностях (Е, Ле, Ви, На, Зо, Ра, Ти); названия ступеней минора следуют в том же порядке, начиная от ра. А в абсолютной системе названия ступеней основного звукоряда (звуков белых клавишей фортепиано) закреплены за абсолютной высотой общепринятой музыкальной школы (До, Ре, Ми, Фа, Соль, Ля, Си).

Различие содержательной стороны в двух системах сольмизации еще очевиднее. Некоторые сольфеджисты пришли к правильному выводу, что в релятивной сольфеджийной системе тональности не осваиваются учащимися, ладовые ступени изучаются в отрыве от них. Возьмем, например, двухместное отношение (т.е. объединение двух отношений) Е – Ви – На. Для обладателя релятивного слуха оно будет одинаково звучать, скажем в F-dur(e) и G-dur(e). В действительности же (т.е. для человека с развитым ладотональным слухом) эти два двухместных отношения звучат совершенно различно в данных условиях восприятия. Получается, что учащиеся, обучаясь по релятивной сольмизации, не слышат не только тональностей, но и ладовых ступеней. Фактически «ученики – релятивисты» осваивают лишь фиксированные расстояния между ступенями мажорных и минорных звукорядов. Поэтому им так легко транспонировать на уроках сольфеджио с первых же занятий (релятивный слух автор называет иногда транспонирующим). Но именно поэтому их слух искажает восприятие музыки (конечно, сами «релятивисты» этого не замечают).

И наоборот, нужна специальная обучающая система (на практике их существует несколько), чтобы научиться транспонировать в классах абсолютного сольфеджио. В абсолютной системе сольмизации изучаются и тональности, и лады. Но, к сожалению, пока что в ней не найдены эффективные способы и приемы, которые могли бы воспитывать ладотональный слух, что с горечью вынуждена констатировать известный московский педагог по сольфеджио Е.В. Давыдова [9].

Не имея тонального слуха, нельзя удерживать в сознании тональный строй исполняемого произведения. С этим фактом сталкиваются многие музыканты, пользующиеся в своей деятельности нефиксированным строем (певцы, скрипачи, валторнисты и многие другие), когда в процессе пения или игры на музыкальном инструменте они начинают то завышать (реже), то занижать (чаще) звучание, причем не отдельных звуков, а всего тонального строя музыкального произведения. Конечно, можно сказать, что тональный уровень строя данных солистов поддерживается фиксированным аккомпанементом. Это так! Но не будем забывать, что еще Георг Гегель абсолютной считал «неаккомпанирующую музыку» и прекрасно сознавал, что слово «абсолютное» употребляется (помимо всего прочего) в значении самостоятельное, независимое, свободное [2].

Нелегко приходится и ученикам-пианистам или баянистам, не имеющим достаточного представления о тональностях. Такие ученики не только не слышат альтернативных ступеней основного звукарядя, но и не видят их в ключевом обозначении в виде известных знаков. В самостоятельной работе дома они заучивают музыкальный текст фальшиво, оставляя на долю каторжного труда учителя переучивать его в классе.

Особенно тяжело приходится композитору, который, не имея тонального слуха, по каким-то причинам пишет музыку без инструмента. В этом случае может возникнуть смешная ситуация аналогичного типа (гипотетично): возникшую музыкальную мысль композитор записывает в первом предложении в строе ля, во втором предложении – в строе си бемоль, а в третьем (или в повторенном первом) – в строе соль, т.е. примерно так, как произносил речь француз, описанную И. Ильфом и Е. Петровым в XIII главе романа «Двенадцать стульев».

Однако тональный слух возникает на определенном этапе развития АС [8], а еще успешнее – в продуктивной деятельности, когда сталкиваются и согласовываются друг с другом АС и ОС (т.е. в условиях актуализации по требованию то одного вида музыкального слуха, то другого). Именно в процессе образования тонального слуха у обладателя АС начинает трансформироваться и подчиняться ладотональным законам ОС: например, многие обладатели АС могут сказать, что один и тот же интервал в разных тональностях (пусть это будет «ми¹ – соль¹» в C-dur(e) и D-dur (e), a-moll (e) и e-moll (e) и др.) звучит по-разному. Отсюда понятно, что обладатели АС тоже могут постигать высоту, но высоту не абстрактную, а конкретную, находящуюся в зависимости от восприятия конкретной ладотональности.

Из сказанного следует, что музыканту необходим как абсолютный слух, так и относительный, которые в развитом виде должны представлять в одном человеке диалектическое единство.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Хайде Э.-М.** В поисках абсолютного слуха // За рубежом, 1987, № 46.
2. **Гегель Г.** Сочинения. Т. XIV. – М., 1958.
3. **Должанский А.Н.** Краткий музыкальный словарь. Слух. – Л., 1959.
4. **Ward B.D.** Musical perception. Y. Foundations of modern and tony teori. 1970. V. 1, № 7.
5. **Тюлин Ю.Н.** Учение о гармонии. – М., 1966.
6. **Weinert L.** Untersuchugen über das absolute Gehör – Archiv für die gesammte Psychol. Band 73. – Leipzig, 1929.
7. **Баренбойм Л.А.** Путь к музицированию. – М.-Л., 1973.
8. **Назайкинский Е.В.** Слух Асафьева // Советская музыка, 1983, № 7.
9. **Давыдова Е.В.** Методика преподавания сольфеджио. – М., 1975.

S U M M A R Y

The absolute ear and the relative ear have a similar process of music perception while the difference lies in the way of their formation.

Поступила в редакцию 31.03.2004

Т.Л. Захарова

О некоторых проблемах развития современного самодетельного хорового творчества*

Хоровая самодетельность является специфической формой деятельности широких масс, которая сочетает в себе идею массового культурного движения и обязательно искусство. Это органическая часть художественного народного творчества. Две стороны художественной самодетельности – общественно-политическая и эстетическая – составляют ее сущность, находятся в тесной диалектической связи. Именно в этом сочетании кроется ее прогрессивная сила. Если рассматривать художественную самодетельность лишь как массовое движение народа, отдавая предпочтение количественным показателям в ущерб качественной стороне, то будет утрачена ее эстетическая суть, художественное содержание деятельности участников этого культурно-массового движения. И наоборот, увлечение только художественными результатами, ориентация только на задачи профессионального характера заслоняют саму идею массовости художественной самодетельности, в которой заключен ее глубокий демократический и социальный смысл. Хоровое пение – это основа музыкальной культуры народа. Оно отличается естественностью формы и наибольшей доступностью. Основная задача хоровой самодетельности – идейно-эстетическое воспитание миллионов самодетельных певцов. С помощью хоровой самодетельности наш народ знакомится с сокровищами фольклора, наследием национальной и мировой музыкальной классики и творчеством современных композиторов. Для плодотворной работы важно понять многообразие функций хоровой самодетельности: воспитательную, познавательную, художественно-эстетическую и коммуникативную. Хоровая самодетельность является общественно полезным делом, способствующим формированию всесторонне, гармонически развитой личности [1].

В настоящее время становится все труднее привлечь людей к самодетельному творчеству. Три года назад идея создания мужского хора ВГУ представлялась «дерзкой», невыполнимой. Ведь сегодня даже хоры смешанного типа страдают от недостатка мужских голосов, неукomплектованности теноровой и басовой хоровых партий. А тут полностью мужской хор! С горечью вспоминаются многократные походы по корпусам университета с целью найти энтузиастов. Ироничные усмешки, раздражительность людей, т.н. «серьезных», считающих пение, и музыку вообще, чем-то развлекательным, недостойным их внимания. В наш прагматический век большинство людей озабочено проблемами материального порядка. Зачем же тратить свое драгоценное свободное время на музицирование?! Постепенно удалось отыскать людей увлеченных, творческих, которые и составили ядро будущего мужского хора университета. В хоре представлены 8 факультетов университета, а также городская интеллигенция. Их объединила любовь к коллективному творчеству, этой уникальной разновидности, которой обладает только музыкальное искусство.

* Из опыта работы с Народным мужским хором преподавателей и студентов УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Ведь хор или оркестр – это не механические воспроизводители чьих-то замыслов, идей. Конечно, роль дирижера велика, но подлинные творения музыкального искусства – это результат коллективного сопереживания, сотворчества. Участие в хоре не только помогает совершенствоваться профессиональное мастерство, но и формирует характер человека, развивает его нравственно. «Если внимательно проанализировать то, что в житейском плане называется счастьем и несчастьем, удачей и неудачей..., – писал известный советский педагог В. Сухомлинский, – все это основывается на культуре человеческих отношений, на умении «управлять своими желаниями, сообразуя и согласуя их с желаниями других людей». Воспитание культуры человеческих отношений, «культуры желаний» Сухомлинский считает исключительно важной задачей педагога. Подумаем об этих словах применительно к искусству музыканта-исполнителя. В чем высшее счастье артиста? Может, в наслаждении гениальным произведением? Не совсем так. На наш взгляд, в радости разделенного восторга, в совместном со слушателем переживании музыки. Сценический успех в равной степени определен как талантом глубоко и ярко воспринимать духовный мир автора – создателя музыки, так и умением установить живой и прочный контакт с публикой, заполняющей зал, увлечь ее своими собственными замыслами. Это подтверждается размышлениями психиатра о том, что действие музыки зависит от прямого эмоционального эха. Тонкий эмоциональный резонанс со способностью интенсивно генерировать чувство, заражать им других людей и составляет, быть может, артистический дар. Совместное исполнительство развивает культуру человеческих отношений, культуру отношений самым непосредственным и действенным образом. Согласование своих желаний с желаниями других людей – первооснова музыкального содружества. Дружеское общение с партнерами, обмен мнениями, коллективный труд мобилизуют творческую волю, готовность к восприятию и действию, обогащает фантазию певцов [2].

К сожалению, хоровой жанр в нынешний постсоветский период не является столь популярным. Современная молодежь и не подозревает, какого сокровища она лишается, отказываясь от изучения древнейшего вида искусства.

Хотя издревле песня сопровождала человека в радости и горе, в труде и отдыхе. Еще в конце X в. вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, радимичей, вятичей. По приглашению русских князей из Византии (центра православной религии и культуры) на Русь прибыли зодчие, иконописцы и церковные певчие. В XVII в. в царствование Иоанна IV русский народ утвердился в своем национально-религиозном мировоззрении. Постепенно в церкви развивалась и укреплялась православная певческая традиция. В храмах звучало пение без инструментального сопровождения. Человек славил Творца своим естественным голосом – даром Божиим. Монастыри были средоточиями духовности, культуры и искусства, в том числе музыкального. В храме сходились представители разных слоев общества. Церковная община объединяла на равных условиях господина и слугу. Церковно-богослужебное пение являлось центром духовного бытия народа. Церковные жанры для светских людей служили общим источником возвышенной красоты. Потому столь естественным было сочетание фольклорного и профессионального начал «Сочиняет музыку народ, а композитор аранжирует», – писал М.И. Глинка. Столь же относительным было расслоение внутри и крестьянской, и профессиональной музыки на начала серьезности и легкости. Их различия не выходили за рамки религиозно-совестливого отношения к жизни. Потому и язык был единым [3].

Церковные хоры вплоть до XIX в. были мужскими либо смешанными, где партии верхних голосов (дискантов и альтов) исполняли мальчики. Дальнейшее развитие хоровое искусство получило в музыке светской.

Творчество великих композиторов Чайковского, Рахманинова, Свиридова мы называем возвышенным, серьезным. В чем же величие, что возвышает? Почему и детей в школе учат воспринимать классическую музыку?

Последняя цель высокого искусства – самый важный слой его содержания. Сущность человека – образ Божий. Благодать по-гречески – Charis – красота, непостижимая любовь Божья. В светской музыке мы видим явное выражение ее христианского духа. Не даром концертные залы называют храмами искусств, куда человек стремится от каждодневной житейской суеты, чтобы прикоснуться к красоте, которая просветляет его представления о жизни. Важно знать, что в мире есть красота, есть нечто высшее тебя и твоих мелочных интересов, есть то, что окрыляет и дает смысл жизни.

С давних времен хоры на Руси славились басами, изумлявшими зарубежных слушателей необъятным диапазоном и густотой тембра. Композиторы создавали произведения с использованием басов-октавистов (низких басов). Отсюда свойственная русской музыке мощь, эпичность, колокольность.

В наше время все более остро ощущается нравственно-экологический кризис: феномен неких «ножниц», проявляющихся между процессом развития науки и техники и ростом комфорта – с одной стороны, и падением уровня культуры и духовности – с другой.

В недавнем прошлом урок в средней школе назывался пением, ныне он является уроком музыки. То есть значительную его часть составляют музыкальная грамота, слушание музыки, аналитические беседы, рисование и т.д. А собственно пению уделяется минимум времени. Возможно стоит пересмотреть учебные программы по данному предмету, иначе пока еще понятные каждому человеку выражения «сердце поет», «душа поет» могут безвозвратно кануть в прошлое. Вряд ли молодые люди, посещающие дискотеки, задумываются о смысле названий рок-групп и их композиций. Например: «Отрава», «Выстрелю тебе в спину», «Криминальница» – у группы «Моторхед», «Дайте мне пулю», «Поденок» – у Эй-Си/Ди-Си. Или название группы: «Слэйер» – убийца, «Дестракшн» – разрушение и т.д. В данном случае слово «творчество» вообще неуместно [4]. Рок-музыка ныне подчинила своему интонационному языковому влиянию эстраду. Она количественно господствует в эфире, в миллионах плееров, барах, ресторанах, поездах, самолетах. Что же касается современного направления «реп», то, на наш взгляд, это антимзыкальный жанр. Полное отсутствие вокального, инструментального и эстетического начал. О какой же певческой традиции тут можно говорить?

Современное телевидение открыто навязывает секс, террор, наркотики. Человечество вступило в эру бурно развивающихся технологий. Оно математически четко и ясно решает жизненные задачи – в разрыве с духовностью. Человек теряется в технике.

Сегодня каждый подросток мечтает иметь компьютер. Интерес к чтению или живому человеческому общению почти утрачен.

Современная индустрия по производству компьютерных игр воздействует на детский и юношеский организм подобно наркотику. Японские и английские врачи выявили новый вид заболевания – синдром видеоигровой эпилепсии. Применять новые технологии в обучении, безусловно, нужно, но с умом, чтобы не заслоняли истину. Для восстановления духовных основ жизни общества необходимо, чтобы наука и культура прониклись духовностью [5].

На наш взгляд, сделать шаги к разрешению этой проблемы можно путем создания творческих коллективов, подобных нашему, которые объединяли бы в себе интересных, разносторонних людей, увлеченных искусством.

Подготовка и участие мужского хора ВГУ в VII Международном фестивале православных песнопений, проходившем в феврале 2003 г. в Минске явились значительным подъемом уровня певческого мастерства коллектива. Хор исполнил 11 произведений *a capella* и был удостоен Диплома I степени в номинации «Светский хор».

Участники хора – это настоящие и будущие педагоги. Возрастной диапазон хора составляет более 50 лет. В нем соседствуют степенная седая мудрость с юношеской беспечностью, а иногда заторможенностью и закомплексованностью. А ведь непереносимое качество всякого учителя – общительность и увлеченность своим предметом. Руководитель хора должен постоянно повышать свой профессиональный и интеллектуальный уровень, учитывать возрастные особенности психологии певцов, обладать чувством юмора, подробнейшим образом продумывать ход каждой репетиции, чтобы не переутомлять хористов чрезмерной вокально-хоровой работой и чутко реагировать на их настроение, восприятие и общее состояние психики. Не следует увлекаться разглагольствованиями, загружать певчих профессиональной терминологией. Иначе, желая блеснуть эрудицией, хормейстер может превратиться в «музыкаеда» (по выражению доцента Белорусской Академии музыки А.П. Зеленковой). В работе с самодеятельным коллективом обязательно присутствие элемента импровизации. Словом, дирижер хора должен быть незаурядной личностью.

Хоровое пение – искусство музыкально-речевое. Надо научить хористов не только вокалу, но и умению ансамблировать, т.е. владеть всеми элементами хоровой звучности в согласованном единстве друг с другом. Одно дело – четко и ясно произносить в пении слова (артикулировать), и совсем иное – донести до слушателя эмоционально-выразительное и смысловое зерно литературного текста, воссоздать художественный образ, заложенный поэтом в данном произведении. Чтобы увлечь публику, тронуть потайные струны чужих сердец, надо возжечь в себе творческий огонь.

Хоровое пение становится проникновенным лишь при концентрации огромных душевных сил.

Каждая репетиция – это не только приобщение к искусству и возрождение древнейшей традиции, но и открытие, познание чего-то нового, неожиданного, что сокрыто в душе каждого хориста. В процессе работы с мужским хором наблюдается постепенное улучшение художественного вкуса его участников. На дирижера-хормейстера ложится огромная ответственность в выборе репертуара. Ведь он должен быть интересен и хористам, и слушателям. Как правило, мы начинаем свои сольные концерты с исполнения духовных песнопений, что сразу настраивает зал на возвышенно-серьезный лад. Затем звучат произведения классические, народные и, в заключение, песни патриотического, гражданского звучания.

Велико духовно-нравственное воздействие на публику стройного четырехголосного пения мужских голосов. А для хористов волнительно-торжественно единение профессора со студентом, школьного учителя с военным служащим, стоящих на сцене плечом к плечу. Для нас каждый концерт – праздник, радостное восхождение к благородной цели воспитания и просвещения молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Шамина Л.В.** Работа с самодеятельным хоровым коллективом. – М., 1983. – С. 5–6.
2. **Ровнер В.Е.** Работа самодеятельного вокального ансамбля. – Л., 1973. – С. 6–8.
3. **Гарднер И.** Церковное пение и церковная музыка. – М., 1997. – С. 146–155.
4. **Мильто И.П.** Поговорим о музыке. – Мн., 1989. – С. 3–11.
5. **Сборник пленарных докладов IX Международных Рождественских образовательных чтений.** – М., 2001. – 303 с.

S U M M A R Y

The article deals with a choral culture as a reflection of spiritual and patriotic traditions of the folk.

Поступила в редакцию 12.12.2003

On Modular Property for Fitting Classes

1. Introduction. In the theory of classes of groups, the lattice properties have been extensively studied by a number of authors. Sel'kin [1] has proved that the lattice of all Schunck classes of finite groups is distributive. Al-Dababseh [2] proved that the lattice of all Schunck classes of finite n -groups is distributive. Skiba [3] has shown that in the lattice of all formations of finite groups, the modular law holds. We also note that Guo and Shum [4] proved that the set of all Schunck classes of Mal'cev algebras satisfying the maximum condition for subalgebras is a distributive lattice and its sublattice consisting of all Schunck classes of finite algebras is algebraic. However, up to now, we do not know whether the modular law holds for the lattice of all Fitting classes of finite groups (in particular, for the lattice of all soluble Fitting classes of finite groups). This is just the open problem 14.47 in [5]. In this direction, N.T. Vorob'ev [6] obtained only some results about sublattice of the lattice of Fitting classes.

In this paper, we give a condition under which the modular law holds for the Fitting classes of finite groups.

2. Preliminaries. Throughout this paper, all groups considered are finite groups. Recall that a class of groups $\mathfrak{F}$ is called a Fitting class if the following conditions hold:

- i) if $G \in \mathfrak{F}$ and $N \triangleleft G$, then $N \in \mathfrak{F}$;
- ii) if $G = MN$, $M \triangleleft G$, $N \triangleleft G$ and $M \in \mathfrak{F}$, $N \in \mathfrak{F}$, then $G \in \mathfrak{F}$.

It is easy to see from the condition ii) that if $\mathfrak{F}$ is a nonempty Fitting class, then every group G has a unique $\mathfrak{F}$ -maximal normal subgroup which is called the $\mathfrak{F}$ -radical of G and denote by $G_{\mathfrak{F}}$.

Let $\mathfrak{F}$ and $\mathfrak{H}$ be two Fitting classes. Then the class of groups $\mathfrak{F}\mathfrak{H} = (G \mid G/G_{\mathfrak{F}} \in \mathfrak{H})$ is called the product of Fitting classes $\mathfrak{F}$ and $\mathfrak{H}$.

It is well known that the product of Fitting classes is also a Fitting class and the associative law of the multiplication holds.

We denote by $\mathfrak{F} \vee \mathfrak{H}$ the Fitting class generated by $\mathfrak{F}$ and $\mathfrak{H}$, i.e., the intersection of all those Fitting class which contains the union of $\mathfrak{F}$ and $\mathfrak{H}$.

A Fitting class $\mathfrak{F}$ is said to be a radical homomorph [7] if it is closed under homomorphic images.

Let $\mathfrak{L} = \{\mathfrak{X} \mid \mathfrak{X} \text{ is a Fitting class and } \mathfrak{X} \subseteq \mathfrak{C}\}$, where $\mathfrak{C}$ is the class of all finite groups. Obviously, $\mathfrak{L}$ by inclusion relation $\subseteq$ is a partially ordered set. The partially ordered set is a lattice. In fact, for any two elements $\mathfrak{F}, \mathfrak{H}$ in $\mathfrak{L}$ have a least upper bound $\mathfrak{F} \vee \mathfrak{H}$ and a greatest lower bound $\mathfrak{F} \cap \mathfrak{H}$.

We say that the modular law holds in $\mathfrak{L}$ provided the following condition is satisfied:

if $\mathfrak{F}, \mathfrak{H}$ and $\mathfrak{X}$ are Fitting classes in $\mathfrak{L}$ and $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{X}$, then

$$(\mathfrak{F} \vee \mathfrak{H}) \cap \mathfrak{X} = \mathfrak{F} \vee (\mathfrak{H} \cap \mathfrak{X}).$$

For other notation and terminology not mentioned in this paper are standard, the reader may refer to ref. [8, 9].

3. Main result. To proving our theorem, we need using the Cusack's result in [10] which was proved throughout the class $\mathcal{C}$ of all finite soluble groups. But, by using the same method it can be proved that the result holds throughout the class $\mathcal{E}$ of all finite groups. We now cite it as the following lemma.

Lemma 3.1 [10, Theorem 2.9]. *Let $\mathcal{X}$ and $\mathcal{Y}$ be Fitting classes such that $\mathcal{X} \vee \mathcal{Y} = \mathcal{S}_n(G|G = G_{\mathcal{X}}G_{\mathcal{Y}})$. If $\mathcal{F}$ is a Fitting class with $\mathcal{X} \subseteq \mathcal{F}$, then*

$$(\mathcal{X} \vee \mathcal{Y}) \cap \mathcal{F} = \mathcal{X} \vee (\mathcal{Y} \cap \mathcal{F}).$$

Theorem 3.2. *Let $\mathcal{X}, \mathcal{Y}$ be Fitting classes and $\mathcal{F}, \mathcal{H}$ be radical homomorphs such that $\mathcal{F} \cap \mathcal{H} = (1)$, $\mathcal{X} \subseteq \mathcal{Y}\mathcal{F}$ and $\mathcal{Y} \subseteq \mathcal{X}\mathcal{H}$. If $\mathcal{X} \subseteq \mathcal{F}$, then*

$$(\mathcal{X} \vee \mathcal{Y}) \cap \mathcal{F} = \mathcal{X} \vee (\mathcal{Y} \cap \mathcal{F}).$$

Proof. Let $\mathcal{M} = (G|G = G_{\mathcal{X}}G_{\mathcal{Y}})$. We first prove that $\mathcal{X} \vee \mathcal{Y} = \mathcal{M}$.

If $G \in \mathcal{M}$, then $G = G_{\mathcal{X}}G_{\mathcal{Y}}$. By the definition of $\mathcal{X}$ -radical, we have that $G_{\mathcal{X}} \in \mathcal{X} \subseteq \mathcal{X} \vee \mathcal{Y}$. Analogously, $G_{\mathcal{Y}} \in \mathcal{X} \vee \mathcal{Y}$. However, since $\mathcal{X} \vee \mathcal{Y}$ is a Fitting class, we see that $G = G_{\mathcal{X}}G_{\mathcal{Y}} \in \mathcal{X} \vee \mathcal{Y}$. This shows that

$$\mathcal{M} \subseteq \mathcal{X} \vee \mathcal{Y} \tag{1}$$

On the other hand, since $\mathcal{X} \subseteq \mathcal{X}\mathcal{H} \cap \mathcal{Y}\mathcal{F}$ and $\mathcal{Y} \subseteq \mathcal{X}\mathcal{H} \cap \mathcal{Y}\mathcal{F}$, we have that

$$\mathcal{X} \vee \mathcal{Y} \subseteq \mathcal{X}\mathcal{H} \cap \mathcal{Y}\mathcal{F} \tag{2}$$

Let $\mathcal{X}\mathcal{H} \cap \mathcal{Y}\mathcal{F} = \mathcal{D}$ and $G \in \mathcal{D}$. Then, $G/G_{\mathcal{X}} \in \mathcal{H}$, and $G/G_{\mathcal{Y}} \in \mathcal{F}$. But, by the condition of the theorem, $\mathcal{F}$ and $\mathcal{H}$ are radical homomorphs, so we have that $(G/G_{\mathcal{X}})/(G_{\mathcal{X}}G_{\mathcal{Y}}/G_{\mathcal{X}}) \in \mathcal{H}$ and $(G/G_{\mathcal{Y}})/(G_{\mathcal{X}}G_{\mathcal{Y}}/G_{\mathcal{Y}}) \in \mathcal{F}$.

Since $(G/G_{\mathcal{X}})/(G_{\mathcal{X}}G_{\mathcal{Y}}/G_{\mathcal{X}}) = G/G_{\mathcal{X}}G_{\mathcal{Y}}$ and $(G/G_{\mathcal{Y}})/(G_{\mathcal{X}}G_{\mathcal{Y}}/G_{\mathcal{Y}}) = G/G_{\mathcal{X}}G_{\mathcal{Y}}$, we obtain that $G/G_{\mathcal{X}}G_{\mathcal{Y}} \in \mathcal{F} \cap \mathcal{H} = (1)$. This shows that $G = G_{\mathcal{X}}G_{\mathcal{Y}}$ and hence $\mathcal{D} \subseteq \mathcal{M}$. Then, by the inclusion (2), we obtain

$$\mathcal{X} \vee \mathcal{Y} \subseteq \mathcal{M}. \tag{3}$$

From the inclusions (1) and (3) follows that

$$\mathcal{M} = \mathcal{X} \vee \mathcal{Y}.$$

Now, by using Lemma 3.1, we obtain that $(\mathcal{X} \vee \mathcal{Y}) \cap \mathcal{F} = \mathcal{X} \vee (\mathcal{Y} \cap \mathcal{F})$. The theorem is thus proved.

REFERENCES

1. **Sel'kin M.V.** Maximal Subgroups in the Theory of Classes of Finite Groups, Belarus Science, Minsk, 1997 (in Russian).
2. **Al-Dababseh A.F.** Modular lattices of classes of finite n-ary groups, Dissertation, University of Gomel, 1999 (in Russian).
3. **Skiba A.N.** On finite subformations and varieties of algebraic systems, Problems in Algebra, 2, 1986, 7–20.
4. **Guo W. and Shum K.P.** Lattices of Schunck classes of finite universal algebras, Algebra Colloquium, 10(2), 2003, 219–228.
5. **Unsolved Problems in Group Theory.** The Kourovka Notebook, Inst. Math. of Sov. Akad. Nauk SSSR, Sib. Branch, Novosibirsk, 2002.
6. **Vorob'ev N.T.** On analog Gaschutz's problem, VII Math. Conf. in Belarus, 1, 1996, 97–98.
7. **Vorob'ev N.T.** On radical classes of finite groups with Lockett's condition, Math. Notes, 43(2), 1988, 161–168.
8. **Doerk K. and Hawkes T.O.** Finite Soluble Groups, Walter de Gruyter, Berlin-New York, 1992.
9. **Guo W.** The Theory of Classes of Groups, Science Press-Kluwer Academic Publishers, Beijing-New York-Dordrecht-Boston-London, 2000.
10. **Cusack E.** The join of two Fitting classes, Math. Z., 167, 1979, 37–47.

S U M M A R Y

In this paper, we give a condition under which the modular law holds for the Fitting classes of finite groups.

Поступила в редакцию 24.02.2004

О разрешимости конечных групп с перестановочными подгруппами Шмидта четного порядка

Рассматриваются только конечные группы. Все определения и обозначения стандартны, их можно найти в [1, 2]. Группой Шмидта называют ненильпотентную группу, все собственные подгруппы которой нильпотентны. Начало изучению таких групп положила работа О.Ю. Шмидта [3]. Возможности больших приложений групп Шмидта к исследованию групп впервые заметил С.А. Чунихин еще в 1929 году [4], обратив внимание на то, что строение группы тесно связано с наличием у нее того или иного множества подгрупп Шмидта. Им было также установлено, что каждая не p -нильпотентная группа содержит p -замкнутую pd -подгруппу Шмидта. Вопросам существования 2-нильпотентных подгрупп Шмидта четного порядка посвящены работы Я.Г. Берковича [5] и В.С. Монахова [6]. В частности, В.С. Монахов доказал, что в любой группе, за исключением разрешимых групп 2-длины не более 2, существует недополняемая 2-нильпотентная $2d$ -подгруппа Шмидта четного индекса. Я.Г. Беркович и Э.М. Пальчик [7] исследовали группы, у которых подгруппы Шмидта перестановочны с некоторыми другими подгруппами.

В настоящей заметке устанавливается разрешимость групп с 2-замкнутыми и 2-нильпотентными подгруппами Шмидта, обладающими определенными свойствами.

Напомним необходимые определения и обозначения. Группа с нормальной силовой 2-подгруппой называется 2-замкнутой. Если в группе имеется дополнение к силовой 2-подгруппе и это дополнение является нормальной подгруппой, то группа называется 2-нильпотентной. pd -Группа – это группа, порядок которой делится на простое число p . Группа, порядок которой делится только на простые числа p и q , называется $\{p, q\}$ -группой. Говорят, что подгруппы A и B перестановочны, если $AB = BA$, т.е. множество всех элементов $x = ab$, где $a \in A$, $b \in B$ образует подгруппу. Пусть H – подгруппа группы G . Через H^G обозначим нормальную оболочку подгруппы H , т.е. подгруппу, порожденную всеми сопряженными с H подгруппами группы G . Таким образом, $H^G = \langle H^g \mid g \in G \rangle$.

Следуя [6], группу Шмидта с нормальной силовой p -подгруппой и ненормальной циклической силовой q -подгруппой будем называть

$S_{\langle p, q \rangle}$ -группой. Для $S_{\langle p, q \rangle}$ -группы будем использовать запись $[P]Q$, где P – нормальная силовая p -подгруппа, а Q – циклическая ненормальная силовая q -подгруппа.

Лемма 1 (лемма 1.5 [6]). *Если в группе G нет p -замкнутых подгрупп Шмидта, то G p -нильпотентна.*

Лемма 2 (следствие 3.1.1 [6]). *Любая группа либо 2-замкнута, либо в ней существует 2-нильпотентная $2d$ -подгруппа Шмидта.*

Лемма 3 (следствие 3.2.2 [6]). *В любой группе, за исключением разрешимых групп 2-длины ≤ 2 , существует недополняемая 2-нильпотентная $2d$ -подгруппа Шмидта четного индекса.*

Лемма 4 (лемма 1.8 [6]). *Если K и D – подгруппы группы G , подгруппа D нормальна в K и K/D – $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппа, то минимальное добавление L к подгруппе D в K обладает следующими свойствами:*

- (1) L – p -замкнутая $\{p, q\}$ -подгруппа;
- (2) все собственные нормальные подгруппы в L нильпотентны;
- (3) L содержит $S_{\langle p, q \rangle}$ -подгруппу $[P]Q$ такую, что Q не содержится в D

и $L = ([P]Q)^L$.

Лемма 5 (предложение 1 [5]). Неразрешимая группа G содержит $S_{\langle p, 2 \rangle}$ -подгруппу H для некоторого $p \in \pi(G)$ такую, что H не содержится в разрешимом радикале группы G и из условия $G = HK$ для некоторой подгруппы K группы G следует, что $G = K$.

Лемма 6 (лемма VI.4.10 [2]). Пусть A и B – подгруппы группы G и $G \neq AB$. Если $AB^x = B^x A$ для всех $x \in G$, то либо $A^G \neq G$, либо $B^G \neq G$.

Лемма 7 ([8]). Подгруппа группы G , перестановочная с несколькими подгруппами $A_1, A_2, \dots, A_k$ из G , перестановочна с их порождением $\langle A_1, A_2, \dots, A_k \rangle$.

Лемма 8 (лемма 4 [9]). Пусть A и B – подгруппы Шмидта простой группы G . Если $G = AB$, то $G \cong \text{PSL}(2, 5)$ или $\text{PSL}(2, 11)$.

Теорема 1. Пусть в группе G каждая 2-замкнутая подгруппа Шмидта четного порядка перестановочна с каждой 2-нильпотентной подгруппой Шмидта четного порядка. Тогда группа G разрешима.

Доказательство. Предположим, что группа G неразрешима. Ясно, что условия теоремы наследуются всеми подгруппами группы G . Проверим, что это верно и для факторгрупп. Пусть $K \triangleleft G$, а A/K – 2-замкнутая, B/K – 2-нильпотентная подгруппа Шмидта четного порядка. Пусть A_1 – минимальное добавление к подгруппе K в группе A , а B_1 – минимальное добавление к подгруппе K в группе B . По лемме 4 подгруппы A_1 и B_1 содержат подгруппы Шмидта C и D , для которых $C^{A_1} = A_1$, $D^{B_1} = B_1$. По условию, подгруппы C^x и D^y перестановочны для любых x и y из G . Тогда C^x по лемме 7 перестановочна с $D^{B_1} = B_1$ для всех x из G . Теперь, B_1 перестановочна с A_1 . Так как $A = A_1 K$, $B = B_1 K$, то A и B перестановочны. Таким образом, подгруппы A/K и B/K перестановочны, т.е. условия теоремы наследуются факторгруппами.

Предположим, что группа G не простая. Пусть N – собственная неединичная нормальная подгруппа группы G . По индукции подгруппа N и факторгруппа G/N разрешимы, следовательно разрешима и группа G . Противоречие. Значит, группа G простая. Если в группе G нет 2-замкнутых подгрупп Шмидта четного порядка, то по лемме 1 группа G 2-нильпотентна, а значит разрешима. Если в группе G нет 2-нильпотентных подгрупп Шмидта четного порядка, то по лемме 3 группа G разрешима. Значит, мы должны рассмотреть случай, когда в группе G имеются 2-замкнутые и 2-нильпотентные подгруппы Шмидта четного порядка.

Пусть A – 2-замкнутая подгруппа Шмидта четного порядка, а B – 2-нильпотентная подгруппа Шмидта четного порядка. Предположим, что $AB \neq G$. Так как $AB^x = B^x A$ для всех $x \in G$, то группа G по лемме 6 не проста. Противоречие. Значит, $AB = G$ для любой 2-замкнутой подгруппы Шмидта A и любой 2-нильпотентной подгруппы Шмидта B группы G . Тогда выполняются условия леммы 8 и группа $G \cong \text{PSL}(2, 5)$ либо $G \cong \text{PSL}(2, 11)$. Но в группе $G \cong \text{PSL}(2, 5)$ имеются подгруппы Шмидта $A \cong A_4$ и $B \cong S_3$, причем $AB \neq G$. В группе $G \cong \text{PSL}(2, 11)$ имеются подгруппы Шмидта $A \cong A_4$ и $B \cong [Z_5]Z_2$, причем $AB \neq G$. Получили противоречие. Значит, группа G разрешима. Теорема доказана.

Подгруппа A группы G называется *полунормальной*, если существует подгруппа B такая, что $G = AB$ и для каждой подгруппы B_1 из B произведение AB_1 является подгруппой группы G .

Теорема 2. *Если в группе G все 2-нильпотентные подгруппы Шмидта четного порядка полунормальны, то G разрешима.*

Доказательство индукцией по порядку группы G . Предположим, что группа G неразрешима. Тогда по лемме 5 в группе G существует 2-нильпотентная подгруппа Шмидта четного порядка H не добавляемая в G . По условию, подгруппа H полунормальна в группе G , поэтому H перестановочна со всеми подгруппами группы G .

Пусть x – произвольный элемент группы G . Так как $HH^x \neq G$ и $HH^g = H^gH$ для всех $g \in G$, то $H^G \neq G$ по лемме 6. Кроме того, все 2-нильпотентные подгруппы Шмидта, содержащиеся в подгруппе H^G , полунормальны в ней. Значит, для подгруппы H^G выполняются условия теоремы, и по индукции H^G разрешима.

Обозначим через $D = \prod H^G$ произведение нормальных оболочек всех 2-нильпотентных подгрупп Шмидта группы G . Ясно, что D – нормальная разрешимая подгруппа группы G . Рассмотрим факторгруппу G/D . Предположим, что она содержит 2-нильпотентную подгруппу Шмидта K/D . Тогда по лемме 4 в минимальном добавлении L к подгруппе D в группе K существует 2-нильпотентная подгруппа Шмидта $[P]Q$ такая, что $([P]Q)^L = L$ и $[P]Q$ не содержится в D . Получили противоречие. Значит, в G/D нет 2-нильпотентных подгрупп Шмидта. Теперь по лемме 2 факторгруппа G/D 2-замкнута, значит G разрешима. Теорема доказана.

Замечание. В теореме 2 условие 2-нильпотентности нельзя заменить условием 2-замкнутости. Так, в группе $PSL(2,5)$ все 2-замкнутые подгруппы Шмидта четного порядка изоморфны знакопеременной группе A_4 . Они имеют индекс 5, поэтому полунормальны в $PSL(2,5)$. Но группа $PSL(2,5)$ не является разрешимой.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Шеметков Л.А.** Формации конечных групп. – М., 1978. – 272 с.
2. **Huppert B.** Endliche Gruppen, I. Berlin-Heidelberg-New York, 1967. – 792 s.
3. **Шмидт О.Ю.** Группы, все подгруппы которых специальные // Математический сборник, 1924. – Т. 31. – С. 366–372.
4. **Чунихин С.А.** О специальных группах // Матем. сб. – 1929. – Т. 4, № 3. – С. 512–530.
5. **Беркович Я.Г.** Условие, необходимое для совпадения группы с коммутантом // Известия высших учебных заведений. Математика, 1968, № 8(75). – С. 11–18.
6. **Монахов В.С.** О подгруппах Шмидта конечных групп // В сб.: Вопросы алгебры. Гомель, 1998, № 13. – С. 153–171.
7. **Беркович Я.Г., Пальчик Э.М.** О перестановочности подгрупп конечной группы // Сибирский математический журнал, 1967, т. 8, № 4. – С. 741–753.
8. **Ore O.** On the application of structure theory to groups // Bull. Amer. Math. Soc., 1938. – V. 44. – P. 801–806.
9. **Монахов В.С.** Произведение двух групп Шмидта // Докл. АН БССР. – 1975. – Т. 19, № 1. – С. 8–11.

S U M M A R Y

Solvability of finite groups with 2-closed and 2-nilpotent Schmidt's subgroups, which possess the certain properties, is established.

Поступила в редакцию 11.04.2003

УДК 539.3:531.2:616.21

Г.И. Михасев, С.А. Ермоченко, В.П. Ситников

О простейшей модели расчета напряженно-деформированного состояния колебательной системы реконструированного среднего уха

Среднее ухо человека представляет собой сложную колебательную систему, состоящую из барабанной перепонки и цепи слуховых косточек – молоточка, наковальни и стремени [1]. При некоторых заболеваниях, например, при отосклерозе [2], подвижность слуховых косточек нарушается. Чаще всего такой патологии подвергается наковальня и (или) стремя. В этом случае путем хирургического вмешательства неподвижное звено заменяется стержнем [2], который одним концом крепится к головке молоточка, а вторым – к головке стремени. Иногда при механических повреждениях мембраны и цепи косточек производится полная реконструкция среднего уха путем установки искусственной мембраны (изготовленной, например, из хрящевой ткани) и введения протеза, заменяющего звено «молоточек-наковальня» [3]. Последний, выполненный из тефлона или драгметалла и имеющий в сечении Т-образную форму, своей пластинкой упирается в мембрану, а другим концом анкируется на головку стремени косточки. В целях надежной фиксации протеза его длина предполагается большей, чем расстояние между головкой стремени и плоскостью мембраны, что приводит к начальной деформации пластины, моделирующей барабанную перепонку, связок овального окна и, как следствие – к появлению напряжений во всей колебательной системе восстановленного уха [4]. Большие значения данных напряжений могут приводить к нежелательным последствиям в послеоперационный период – значительному смещению спектра собственных частот всей колебательной системы среднего уха [5] и релаксации стремени мышцы и связок овального окна.

Целью данной работы является расчет статического напряженно-деформированного состояния среднего уха после введения протеза в случае полной реконструкции. Восстановленная мембрана моделируется тонкой круглой упругой пластиной толщиной h , радиуса a с модулем упругости E и коэффициентом Пуассона ν . Введем прямоугольную систему координат $O_s x_u x_v x_z$, поместив начало координат O_s в центр основания стремени (рис. 1), направив ось $O_s z$ вдоль оси стремени косточки. Для упрощения задачи введем предположение о том, что ось $O_s z$ перпендикулярна пластине и проходит через ее центр O_p .

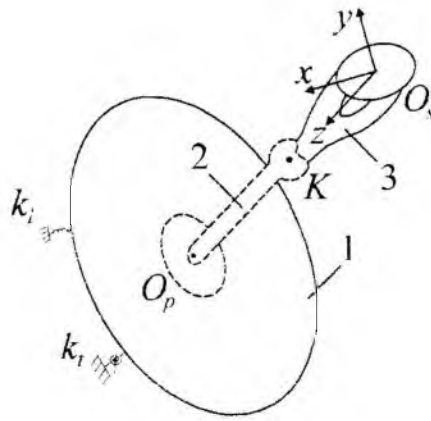

Рис. 1. Среднее ухо после полной реконструкции (упрощенная модель):
1 – искусственная мембрана, 2 – протез, 3 – стремя

Жесткостная матрица, характеризующая физические свойства связки овального окна, приведена в работе [6]. Анализ ее компонентов указывает, что стременинная косточка, лишенная механической связи с наковальной, наиболее податлива перемещению в направлении оси $O_s z$ и повороту вокруг оси $O_s x$. Принимая во внимание данное свойство связок овального окна, а также вводя предположение о наличии сферического шарнира в точке K соединения протеза и стременинной косточки, рассмотрим перемещение звена «протез-стремия» в плоскости $O_s yz$ (рис. 2) после введения протеза.

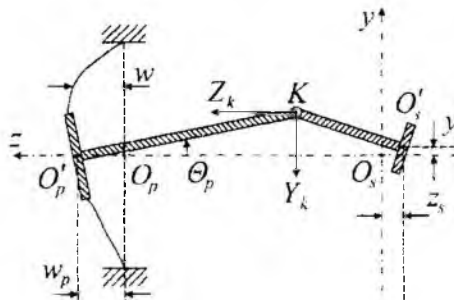

Рис. 2. Предполагаемое положение колебательной системы реконструированного среднего уха после введения протеза

По форме протез напоминает гвоздь, его «шляпка» – круглая пластинка радиуса b . Учитывая, что модуль упругости хряща, из которого изготовлена мембрана, значительно меньше модуля упругости протеза, будем рассматривать последний как абсолютно твердое тело, не испытывающее никаких деформаций.

Пусть w_p , z_s , y_s – поступательные перемещения оснований протеза и стремени вдоль осей $O_s z$, $O_s y$; θ_p , θ_s – углы их поворотов вокруг оси $O_s x$ (рис. 2), $w(r, \varphi)$ – нормальное перемещение точек пластины, где r , φ – координаты точки пластины в полярной системе координат. Параметры w_p , z_s , y_s , θ_p , θ_s и функция $w(r, \varphi)$ однозначно определяют положение всей механической системы после введения протеза. Для их отыскания следует выписать условия равновесия всех элементов, составляющих систему «пластина-протез-стремия».

Уравнение равновесия тонкой изотропной пластинки имеет вид:

$$\Delta^2 w(r, \varphi) = 0, \quad (1)$$

где Δ – оператор Лапласа в полярной системе координат.

На внешнем контуре пластинки ($r = a$) реализуется условие упругой заделки

$$k_l \cdot w(a, \varphi) = Q_L(a, \varphi), \quad k_t \cdot \left. \frac{\partial w(r, \varphi)}{\partial r} \right|_{r=a} = M_L(a, \varphi), \quad (2)$$

где k_l, k_t – коэффициенты линейной и изгибной жесткости кольца барабанной перепонки (диапазоны изменения этих параметров приведены в [7]), а $Q_L(r, \varphi), M_L(r, \varphi)$ – перерезывающая сила и изгибающий момент в пластине, определяемые соотношениями:

$$\begin{aligned} Q_L &= -D \cdot \left(\frac{\partial}{\partial r} \left(\frac{\partial^2 w(r, \varphi)}{\partial r^2} + \frac{1}{r} \cdot \frac{\partial w(r, \varphi)}{\partial r} + \frac{1}{r^2} \cdot \frac{\partial^2 w(r, \varphi)}{\partial \varphi^2} \right) \right), \\ M_L &= -D \cdot \left(\frac{\partial^2 w(r, \varphi)}{\partial r^2} + \sigma \cdot \left(\frac{1}{r} \cdot \frac{\partial w(r, \varphi)}{\partial r} + \frac{1}{r^2} \cdot \frac{\partial^2 w(r, \varphi)}{\partial \varphi^2} \right) \right) \end{aligned} \quad (3)$$

Здесь $\sigma, D = E \cdot h^3 / [12 \cdot (1 - \nu^2)]$ – поверхностная плотность и цилиндрическая жесткость материала пластины (хряща), соответственно. Случай $k_l = k_t = \infty$ соответствует жесткой заделке края.

Будем считать, что основание протеза жестко склеено с пластиной. Тогда по внутреннему контуру пластины ($r = b$), с учетом перемещения основания протеза, выполняются следующие условия:

$$w(b, \varphi) = w_p + \Theta_p \cdot b \cdot \cos \varphi, \quad \left. \frac{\partial w(r, \varphi)}{\partial r} \right|_{r=b} = 0. \quad (4)$$

Решение уравнения (1) с граничными условиями (2), (4) имеет вид:

$$w(r, \varphi) = w_p \cdot f_0(r) + \Theta_p \cdot f_c(r) \cdot \cos \varphi, \quad (5)$$

где

$$f_0(r) = [C_{11} + C_{12} \cdot r^2 + C_{13} \cdot r^2 \cdot \ln(r/a) + C_{14} \cdot \ln(r/a)] / |C|,$$

$$f_c(r) = [D_{11} \cdot r + D_{12} \cdot r^3 + D_{13} \cdot r^{-1} + D_{14} \cdot r \cdot \ln r] / |D|,$$

$$C = \begin{bmatrix} 1 & b^2 & b^2 \cdot \ln \frac{b}{a} & \ln \frac{b}{a} \\ 0 & 2 \cdot b & b \cdot \left(2 \cdot \ln \frac{b}{a} + 1 \right) & 1 \\ k_{sl} & k_{sl} \cdot a^2 & \frac{4 \cdot D}{a} & 0 \\ 0 & 2 \cdot (k_{sl} \cdot a + D \cdot (\sigma + 1)) & k_{sl} \cdot a + D \cdot (\sigma + 3) & \frac{k_{sl}}{a} + \frac{D \cdot (\sigma - 1)}{a^2} \end{bmatrix},$$

$$D = \begin{bmatrix} 1 & b^2 & \frac{1}{b^2} & \ln b \\ 1 & 3 \cdot b^2 & -\frac{1}{b^2} & \ln b + 1 \\ k_{sl} \cdot a & k_{sl} \cdot a^3 + 8 \cdot D & \frac{k_{sl}}{a} & k_{sl} \cdot a \cdot \ln a - \frac{2 \cdot D}{a^2} \\ k_{sl} & 3 \cdot k_{sl} \cdot a^2 + 2 \cdot a \cdot D \cdot (\sigma + 3) & \frac{2 \cdot D \cdot (1 - \sigma)}{a^3} - \frac{k_{sl}}{a^2} & k_{sl} \cdot (\ln a + 1) + \frac{D \cdot (\sigma + 1)}{a} \end{bmatrix},$$

а C_{1i}, D_{1i} – алгебраические дополнения матриц C и D соответственно.

Условия равновесия протеза имеют вид:

$$Q_z + Z_k = 0, \quad Q_y - Y_k = 0, \quad (6)$$

$$M_x^{(p)} - Z_k \cdot l_p \cdot \sin \Theta_p + Y_k \cdot l_p \cdot \cos \Theta_p = 0, \quad (7)$$

где l_p – длина протеза, Z_k , Y_k – составляющие силы, действующей на протез со стороны стремени, Q_y , Q_z , $M_x^{(p)}$ – проекции равнодействующей всех перерезывающих сил (4), и главный момент всех сил, действующих на протез со стороны пластины. Здесь

$$Q_y = 2 \cdot \pi \cdot b \cdot D \cdot w_p \cdot \frac{\partial}{\partial r} \left[f_0(r) + \frac{1}{r} \cdot f_0'(r) \right]_{r=b} \cdot \sin \Theta_p, \quad (8)$$

$$Q_z = -2 \cdot \pi \cdot b \cdot D \cdot w_p \cdot \frac{\partial}{\partial r} \left[f_0(r) + \frac{1}{r} \cdot f_0'(r) \right]_{r=b} \cdot \cos \Theta_p, \quad (9)$$

$$M_x^{(p)} = -\pi \cdot b \cdot D \cdot \Theta_p \cdot \left\{ f_c(r) + \frac{\sigma}{r} \cdot f_c'(r) - \frac{\sigma}{r^2} \cdot f_c(r) + \right. \\ \left. + b \cdot \frac{\partial}{\partial r} \left[f_c(r) + \frac{1}{r} \cdot f_c'(r) - \frac{1}{r^2} \cdot f_c(r) \right] \right\}_{r=b}. \quad (10)$$

Уравнения равновесия стремени запишутся в виде:

$$-Z'_k + a_{33} \cdot z_s = 0, \quad Y'_k - a_{22} \cdot y_s = 0, \quad (11)$$

$$Y'_k \cdot l_s \cdot \cos \Theta_s + Z'_k \cdot l_s \cdot \sin \Theta_s + M_x^{(s)} = 0. \quad (12)$$

Здесь $Y'_k = -Y_k$, $Z'_k = -Z_k$ – силы, действующие на стремя со стороны протеза, l_s – длина стремени, а $M_x^{(s)}$ – момент сил со стороны связки овального окна, определяемый по формуле [6]

$$M_x^{(s)} = a_{42} \cdot y_s + a_{43} \cdot z_s + a_{44} \cdot \Theta_s, \quad (13)$$

где a_{ij} – элементы матрицы, характеризующей жесткость связки овального окна.

Уравнения равновесия следует дополнить условием неразрывности звена «протез-стремени»:

$$l_p \cdot \cos \Theta_p + l_s \cdot \cos \Theta_s = w_p + z_s + l, \quad (14)$$

$$l_p \cdot \sin \Theta_p = l_s \cdot \sin \Theta_s + y_s,$$

где l – расстояние между недеформированной пластиной и основанием стремени. Здесь $l < l_p = l_s$.

Выписанные уравнения (6), (7), (11), (12), (14) являются нелинейными относительно неизвестных w_p , Θ_p , Θ_s , y_s , z_s . Рассмотрим малые перемещения и повороты стремени. Проводя линеаризацию уравнений, из соотношения (8) следует, что $Q_y \approx 0$. Тогда $Y_k \approx 0$, $y_s \approx 0$. Учитывая малые перемещения и относительно малость элемента a_{43} по сравнению с a_{44} можно пренебречь вторым слагаемым в (13). В этом случае второе уравнение в (14) вырождается в

тождество. В результате приходим к системе из пяти уравнений (6), (7), (11), (14) относительно пяти неизвестных w_p , Θ_p , Θ_s , z_s , Z_k . Решая ее, приходим к соотношениям, соответствующим упрощенной модели:

$$\Theta_p = \Theta_s = 0,$$

$$w_p = [1 - 8 \cdot \pi \cdot D \cdot C_{13} / (a_{33} \cdot |C| + 8 \cdot \pi \cdot D \cdot C_{13})] \cdot (l_p + l_s - l), \quad (15)$$

$$z_s = [8 \cdot \pi \cdot D \cdot C_{13} / (a_{33} \cdot |C| + 8 \cdot \pi \cdot D \cdot C_{13})] \cdot (l_p + l_s - l),$$

$$Z_k = [8 \cdot \pi \cdot D \cdot C_{13} / (|C| + 8 \cdot \pi \cdot D \cdot C_{13} / a_{33})] \cdot (l_p + l_s - l).$$

Таким образом, в предполагаемой упрощенной модели введенный протез раздвигает искусственную барабанную перепонку и стремя, не совершая поворотов.

На рис. 3 приведены графики зависимостей перемещений z_s , w_p стремени и протеза, а также усилия Z_k , возникающего в шарнирном соединении звена «протез-стремя» как функций параметра $\Delta l = l_p + l_s - l$. Вычисления были выполнены при $a = 5 \cdot 10^{-3}$ м, $b = 1 \cdot 10^{-3} \div 2 \cdot 10^{-3}$ м, $h = 0,15 \cdot 10^{-3}$ м, $\sigma = 1,2 \cdot 10^3$ кг/м³, $E = 3,3 \cdot 10^7$ Н/м, $\nu = 0,4$, $k_l = 7,55 \cdot 10^4$ Н/м², $k_t = 6,5 \cdot 10^5$ Н, $l = 3,5 \cdot 10^{-3}$ м, $l_s = 2 \cdot 10^{-3}$ м, $l_p = 1,5 \cdot 10^{-3} \div 3 \cdot 10^{-3}$ м, $a_{33} = 1,181 \cdot 10^3$, $a_{44} = 3,523 \cdot 10^{-4}$.

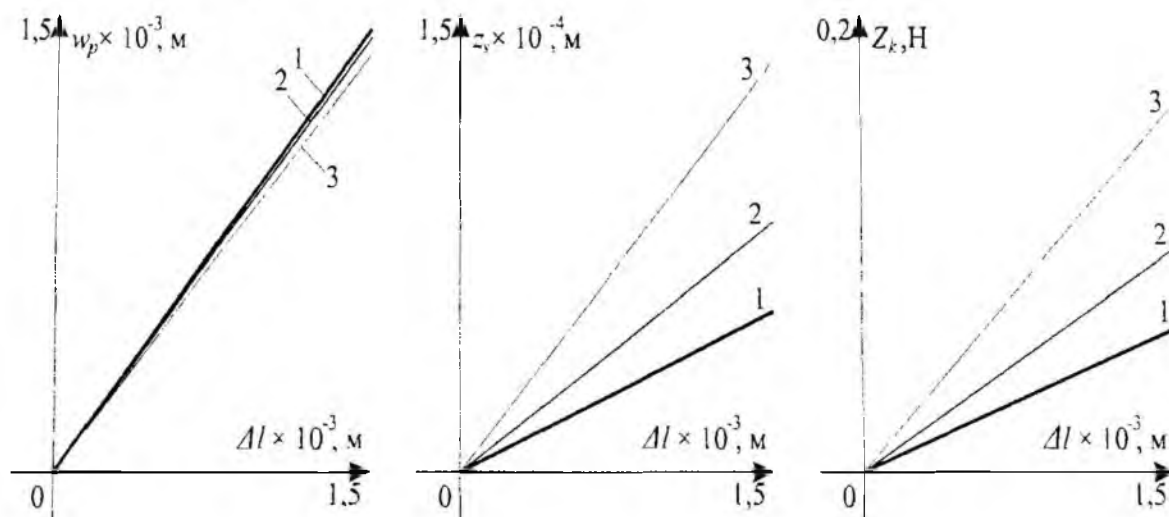

Рис. 3 Графики зависимостей перемещений z_s , w_p стремени и протеза, а также усилия Z_k , возникающего в шарнирном соединении звена «протез-стремя» как функций параметра $\Delta l = l_p + l_s - l$.

1 – графики при $b = 0,001$ м, 2 – графики при $b = 0,0015$ м,

3 – графики при $b = 0,002$ м

Приведенные графики указывают на сильную зависимость перемещения протеза от его длины и слабую податливость стремени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гельфанд С.А. Слух: введение в психологическую и физиологическую акустику: Пер. с англ. – М., 1984. – 352 с.
2. Ситников В.П., Бизунков А.Б. Щадящий вариант функциональной стапедокластики при отосклерозе // Здоровоохранение, 1997, № 7. – С. 50-51.
3. Sitnikov V.P., Kaushic A. Ossiculoplasty in patients with chronic purulent otitis media // Proc. Int. Otorhinolaryng. Congress, Bratislava, 1998. – P. 84.

4. **Eiber A., Freitag H.-G., Schimanski G., Zenner H.P.** On the coupling of prostheses to the middle ear structure and its influence on sound transfer // The Function and Mechanics of Normal, Diseased and Reconstructed Middle Ears, The Hague, The Netherlands: Kugler Publication, 2000. – P. 297–308.
5. **Mikhasev G., Firsov M., Yermochenko S., Sitnikov V.** Modeling of the dynamic behavior of the reconstructed middle ear taking into account its initial strain-stress state // Book of Abstracts of the Annual Scientific Conference GAMM 2004, Technische Universität Dresden, Dresden, 2004. – P. 25.
6. **Beer H.-J., Bornitz M., Hardtke H.-J., Schmidt R., Hofmann G., Vogel U., Zahnert Th., Hüttenbrink K.-B.** Modeling of components of the human middle ear and simulation of their dynamic behavior // Audiol Neurotol, 1999, № 4. – P. 156–162.
7. **Wada H., Koike T., Kobayashi T.** Three-Dimensional finite-element method (FEM) analysis of the human middle Ear // Middle Ear Mechanics in Research and Otosurgery: Proceedings of the International Workshop on Middle Ear Mechanics in Research and Otosurgery, Dresden: Univ. of Technology, 1997. – P. 76–82.

S U M M A R Y

Simplified mathematical model for calculation of the static strain-stress state of the reconstructed middle ear is proposed. Simulated mechanical system consists of a thin circular plate made of cartilage, the T-type prosthesis substituting the malleus-incus chain, and the intact stapes. The equations for calculation of the initial displacements of the artificial drum, the stapes footplate, and stresses in the prosthesis-stapedial articulation have been derived.

Поступила в редакцию 24.06.2004

УДК 539.3: 534.1

Е.А. Корчевская

Потеря устойчивости некруговой слоистой цилиндрической оболочки при кручении

Рассмотрим тонкую некруговую цилиндрическую оболочку, состоящую из N изотропных слоев, характеризующихся толщиной h_k , модулем Юнга E_k и коэффициентом Пуассона ν_k , $k=1,2,\dots,N$. В качестве исходной поверхности примем срединную поверхность оболочки, которую отнесем к криволинейным ортогональным координатам $\alpha_1=R_s$, $\alpha_2=R\varphi$. Здесь R – радиус цилиндра исходной поверхности, φ и s – окружная и продольная координаты соответственно. Рассмотрим задачу о потере устойчивости цилиндрической оболочки средней длины при кручении.

Введем обозначения

$$S^0 = \lambda E h \varepsilon^5 t_3^0, \quad (1)$$

где S^0 – усилия сдвига.

Будем считать, что физические характеристики слоев различаются незначительно. Тогда для описания локальной бифуркации безмоментного напряженного состояния используем систему полубезмоментных уравнений слоистых оболочек [1]

$$\varepsilon^4 (1 - \varepsilon^3 \tau \Delta) \Delta^2 \chi + k(\varphi) \frac{\partial^2 F}{\partial s^2} - \lambda \left(t_1^0 \frac{\partial^2}{\partial s^2} + 2\varepsilon t_3^0 \frac{\partial^2}{\partial s \partial \varphi} + \varepsilon^2 t_2^0 \frac{\partial^2}{\partial \varphi^2} \right) (\chi - \varepsilon^3 \kappa \Delta \chi) = 0 \quad (2)$$

$$\varepsilon^4 \Delta^2 F - k(\varphi) \frac{\partial^2}{\partial s^2} (\chi - \varepsilon^3 \kappa \Delta \chi) = 0,$$

записанную в безразмерном виде, где Δ – оператор Лапласа в криволинейной системе координат φ, s , F, χ – функции напряжений и перемещений, $\lambda > 0$ – параметр нагружения, ε – малый параметр, характеризующий тонкостенность оболочки. Здесь τ, κ – параметры, учитывающие осредненные эффекты поперечных сдвигов и вводятся по формулам

$$K/\pi^2 = \varepsilon^3 \kappa, \quad K\theta/\pi^2 = \varepsilon^3 \tau, \quad \kappa, \tau \sim 1 \text{ при } \varepsilon \rightarrow 0, \quad (3)$$

где [1]

$$K = \pi^2 h^2 / (bR^2), \quad \theta = 1 - \frac{\eta_2^2}{\eta_1 \eta_3}, \quad b = \frac{12(1 - \nu^2) q_{44}}{Eh\eta_1},$$

$$\eta_1 = \sum_{k=1}^N \zeta_k^{-1} \pi_{1k} \gamma_k - 3c_{12}^2, \quad \eta_2 = \sum_{k=1}^N \zeta_k^{-1} \pi_{2k} \gamma_k - 3c_{13} c_{12},$$

$$\eta_3 = 4 \sum_{k=1}^N (\zeta_k^2 + 3\zeta_{k-1} \zeta_k) \gamma_k - 3c_{13}^2, \quad \gamma_k = \frac{E_k h_k}{1 - \nu_k^2} \left(\sum_{k=1}^N \frac{E_k h_k}{1 - \nu_k^2} \right)^{-1},$$

$$c_{12} = \sum_{k=1}^N \zeta_k^{-1} \pi_{3k} \gamma_k, \quad c_{13} = \sum_{k=1}^N (\zeta_{k-1} + \zeta_k) \gamma_k, \quad G_k = \frac{E_k}{2(1 + \nu_k)},$$

$$q_{44} = \frac{\left[\sum_{k=1}^N \left(\lambda_k - \frac{\lambda_{k0}^2}{\lambda_{kk}} \right) \right]^2}{\sum_{k=1}^N \left(\lambda_k - \frac{\lambda_{k0}^2}{\lambda_{kk}} \right) G_k^{-1}} + \sum_{k=1}^N \frac{\lambda_{k0}^2}{\lambda_{kk}} G_k,$$

$$\lambda_k = \frac{\delta_k}{\delta_{k-1}} \int_{\delta_{k-1}}^{\delta_k} f_0(z) dz,$$

$$\lambda_{kn} = \int_{\delta_{k-1}}^{\delta_k} f_k(z) f_n(z) dz, \quad \frac{1}{12} h^3 \pi_{1k} = \int_{\delta_{k-1}}^{\delta_k} g^2(z) dz, \quad \frac{1}{12} h^3 \pi_{2k} = \int_{\delta_{k-1}}^{\delta_k} z g(z) dz,$$

$$\frac{1}{2} h^2 \pi_{3k} = \int_{\delta_{k-1}}^{\delta_k} g(z) dz, \quad h\zeta_k = h_k, \quad h\zeta_n = \delta_n,$$

$$f_0(z) = \frac{1}{h^2} (z - \delta_0)(\delta_N - z), \quad f_k(z) = \frac{1}{h_k^2} (z - \delta_{k-1})(\delta_k - z), \quad g(z) = \int_0^z f_0(x) dx.$$

В качестве граничных условий на краях рассмотрим условия шарнирного опирания.

$$F = \Delta F = \chi = \Delta \chi = \Delta^2 \chi = 0, \text{ при } s = 0, l. \quad (4)$$

Задача состоит в определении наименьшего $\lambda > 0$, для которого краевая задача (2), (4) имеет ненулевое решение.

Считаем, что потеря устойчивости происходит в окрестности некоторой образующей $\varphi = \varphi_0$, называемой «слабой образующей». Введем растяжение масштаба в окрестности этой образующей:

$$\varphi = \varphi_0 + \varepsilon^{1/2} \xi. \quad (5)$$

Согласно [2] решение задачи (2), (4) будем искать в виде

$$\chi(s, \varphi, \varepsilon) = \sum_{j=0}^{\infty} \varepsilon^{j/2} \chi_j(\xi, s) \exp \left\{ i \left(\varepsilon^{-1/2} q \xi + \frac{1}{2} a \xi^2 \right) \right\}, \quad (6)$$

где $\chi_j(\xi, s)$ – полиномы по ξ . Функция F ищется в том же виде (6).

Положим

$$\lambda = \lambda_0 + \varepsilon \lambda_1 + \varepsilon^2 \lambda_2 + \dots, \quad \text{Im } a > 0. \quad (7)$$

Последнее неравенство гарантирует убывание амплитуды волн вдали от линии $\varphi = \varphi_0$.

Разложим функцию $k(\varphi)$ в ряд в окрестности этой образующей:

$$k(\varphi) = k(\varphi_0) + \varepsilon^{1/2} k'(\varphi_0) \xi + \frac{1}{2} k''(\varphi_0) \xi^2 + \dots \quad (8)$$

Подставляя (6), (7), (8) в (2), (4), получим последовательность дифференциальных уравнений

$$\sum_{k=0}^j H_k X_{j-k} = 0, \quad j = 0, 1, 2, \dots, \quad (9)$$

и последовательность соответствующих граничных условий

$$\sum_{k=0}^j \Gamma_k^i X_{j-k} = 0, \quad i = 0, 1, \quad j = 0, 1, 2, \dots \text{ при } s = 0, l. \quad (10)$$

Здесь

$$H_0 \chi_0 = k^2(\varphi_0) \frac{\partial^4 \chi_0}{\partial s^4} - 2iq^5 \lambda_0 t_3^0 \frac{\partial \chi_0}{\partial s} + q^8 \chi_0, \quad (11)$$

$$\Gamma_0^0 \chi_0 = \chi_0 = 0, \quad \Gamma_0^1 \chi_0 = \frac{\partial^2 \chi_0}{\partial s^2} = 0, \quad \text{при } s = 0, l, \quad (12)$$

а операторы H_k и Γ_k^i при $k \geq 1$ выражаются через производные по q и φ_0 и приведены в [2].

Рассмотрим краевую задачу, возникшую в нулевом приближении:

$$k^2(\varphi_0) \frac{\partial^4 \chi_0}{\partial s^4} - 2iq^5 \lambda_0 t_3^0 \frac{\partial \chi_0}{\partial s} + q^8 \chi_0 = 0, \\ \chi_0 = \frac{\partial^2 \chi_0}{\partial s^2} = 0 \text{ при } s = 0, s = l. \quad (13)$$

При фиксированных q и φ_0 наименьшее собственное значение λ_0 будет функцией этих параметров. Положим

$$\lambda_0^0 = \min_{q, \varphi_0} \{f(q, \varphi_0)\} = f(q_0, \varphi_0^0), \quad (14)$$

где параметры q_0, φ_0^0 будут определяться из соотношений

$$\frac{\partial \lambda_0}{\partial q} = \frac{\partial \lambda_0}{\partial \varphi} = 0 \text{ при } q = q_0, \varphi = \varphi_0. \quad (15)$$

Предположим, что второй дифференциал f в точке q_0, φ_0 – положительно-определенная квадратичная форма, т.е.

$$d^2 f = \lambda_{qq} dq^2 + 2\lambda_{q\varphi} dq d\varphi + \lambda_{\varphi\varphi} d\varphi^2 > 0, \quad (16)$$

где через $\lambda_{qq}, \lambda_{q\varphi}, \lambda_{\varphi\varphi}$ обозначены производные f по соответствующим переменным при $q = q_0, \varphi = \varphi_0$.

Решением краевой задачи (13) будет функция

$$\chi_0(\xi, s) = P_0(\xi) \chi_0^0(s), \quad (17)$$

где $\chi_0^0(s)$ – собственная функция задачи (11)–(12) при условиях (15), $P_0(\xi)$ – пока неопределенная функция.

При $j=1$ и $j=2$ имеем неоднородные краевые задачи.

Во втором приближении имеем уравнение, из которого с учетом граничных условий получаем условие существования решения χ_2

$$-\frac{1}{2} \lambda_{qq} \frac{d^2 P_0}{d\xi^2} + b\xi \frac{dP_0}{d\xi} + \left(\eta - \lambda_1 + \frac{1}{2} b + c\xi^2 \right) P_0 = 0, \quad (18)$$

где

$$b = -i(a\lambda_{qq} + \lambda_{q\varphi}), \quad 2c = a^2 \lambda_{qq} + 2a\lambda_{q\varphi} + \lambda_{\varphi\varphi}, \\ \eta = \frac{(\tau - \kappa)(20\lambda_0 - q^2 \lambda_{qq})}{8} q^2. \quad (19)$$

Условие $c=0$ необходимо для существования решения уравнения (18) в виде полинома. Из этого условия находим единственную величину a , такую, что $\text{Im} a > 0$

$$a = i \left(\lambda_{\varphi\varphi}^0 / \lambda_{qq}^0 \right)^{1/2}. \quad (20)$$

При $c=0$

$$\lambda_1 = \lambda_1^{(n)} = b \left(\frac{1}{2} + n \right) + \eta, \quad n=0,1,\dots, \quad (21)$$

уравнение (18) имеет решение $P_0(\xi) = H_n(\xi)$, где $H_n(\xi)$ – полином Эрмита n -ой степени. Величина λ_1 минимальна при $n=0$. И в этом случае $H_n(\xi) \equiv 1$. Тогда $\lambda_1^{(0)} = b \frac{1}{2} + \eta$ является наименьшим.

Найденная здесь поправка λ_1 учитывает как эксцентриситет поперечного сечения, так и наличие поперечных сдвигов (зависимость от параметров τ и κ) и обобщает аналогичную формулу, полученную в [2] для изотропной оболочки.

Пример 1. Для примера рассмотрим тонкую трехслойную круговую цилиндрическую оболочку радиусом $R=150$ мм и длиной $L=450$ мм. Первый и третий слои имеют одинаковую толщину $h_1=h_3=0,3$ мм и изготовлены из алюминия, который имеет модуль Юнга 70300 Н/мм², плотность $2,7 \cdot 10^{-6}$ кг/мм³ и число Пуассона $0,345$. Второй слой толщиной $0,8$ мм изготовлен из эпоксидной смолы с модулем Юнга равным 3450 Н/мм², плотностью $1,2 \cdot 10^{-6}$ кг/мм³ и числом Пуассона $0,3$. Здесь $b=0$, тогда с использованием формул (3), (14), (21) находим $\lambda_0 = 1,91815$, $\lambda_1 = -0,02473$, $\lambda = 1,91199$. Как видно, учет поперечных сдвигов приводит к незначительному уменьшению параметра критической нагрузки. Найдем критическое значение крутящего момента: $M = 2\pi R^2 \mu$, где $\mu = \tau_0 K_*$, а формулы для τ_0 и K_* приведены в [2, с. 192]. Тогда $M = 1,166 \cdot 10^7$ Н·м.

Пример 2. Теперь рассмотрим кручение некруговой цилиндрической оболочки длиной 300 мм, состоящей из тех же трех слоев. Пусть направляющая имеет форму эллипса с полуосями 50 мм и 15 мм. Для такой оболочки имеем: $\lambda_0 = 2,476$, $\lambda_1 = 4,588$, $\lambda = 3,590$. Критическое значение крутящего момента равно $M = 5,793 \cdot 10^6$ Н·м.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григолюк Э.И., Куликов Г.М. Многослойные армированные оболочки: Расчет пневматических шин. – М., 1988. – 287 с.
2. Товстик П.Е. Устойчивость тонких оболочек. – М., 1995. – 320 с.

S U M M A R Y

The problem on torsion of thin composite laminated cylindrical shell consisting of N isotropic layers is considered. Using the complex WKB-method, the two-dimensional boundary-value problem is reduced to the sequence of one-dimensional boundary-value problems. The critical torsion load is found.

Поступила в редакцию 27.05.2004

В.И. Гидранович, А.А. Лесович

Активность фосфоглюкомутазы под действием нитрат-ионов в организме *Anodonta cygnea*

Применение химических препаратов в промышленности, в сельском хозяйстве и в быту может приводить к загрязнению окружающей среды, и в частности водных бассейнов, определенными химическими веществами, и эта проблема с каждым годом становится все более актуальной.

Пресноводные озера, которых в нашей республике насчитывается 10000, представляют собой отдельную функциональную единицу – пресноводную экосистему. В этой экосистеме, как и в любой другой, присутствуют четыре главных компонента: абиотические вещества, продуценты (автотрофы), консументы (гетеротрофы) и деструкторы (организмы, потребляющие детрит и редуценты, минерализующие органические вещества – бактерии и грибы). Между этими компонентами в разных по набору жизненных форм экосистемах прослеживается функциональная взаимосвязь в том, что энергия переходит от более высокого трофического уровня (автотрофного) к более низкому (гетеротрофному). При этом потоки энергии при переходе от одного трофического уровня к следующему всегда уменьшаются.

В противоположность энергии, переходящей в экосистеме от одного трофического уровня к другому, как правило, в одном направлении, химические вещества циркулируют между этими уровнями по биохимическим циклам, как, например, цикл азота и другие. Биомасса при переходе от одного трофического уровня к следующему, как правило, уменьшается. По этой причине в трофической цепи *первичные, вторичные и т.д. консументы* происходит концентрирование веществ, которое в определенных условиях может стать опасным для организма.

Нарушение одного из компонентов экосистемы, этапов потока энергии или биохимического цикла сопровождается нарушением всей экосистемы. Особенно наглядно действие физико-химических факторов среды на формирование экосистем озер. Так, в пресном водоеме первичная продукция достигает максимума на глубине 3 м. Органические соединения и ионы (NO_3^- , PO_4^{3-} , SO_4^{2-}) оседают вниз и в связи с резким снижением содержания кислорода восстанавливаются до NH_4 , S^{2-} и т.п.

В регионах с высоко развитой промышленностью и сельским хозяйством становится все труднее и проблематичнее сохранять стабильные саморегулирующиеся экосистемы, т.к. среда в условиях антропогенного воздействия испытывает все больший экологический стресс, в результате чего нарушается динамическое равновесие потока энергии и круговорота вещества. Экологические нагрузки ведут к снижению численности или вымиранию видов и обеднению биотопов. В этой связи перед охраной природы стоит очень важная и неотложная задача изучения антропогенной

угрозы экосистемам с целью предотвращения необратимого для природы экологического равновесия.

Химическое загрязнение водоемов заставляет представителей растений и животных определенным образом реагировать на изменение среды обитания. У представителей животного мира водоемов значительно уже круг адаптивных механизмов по сравнению с наземными животными, и главным механизмом выступает биохимическая адаптация, которая затрагивает глубинные стороны метаболизма.

В решении данной проблемы встает необходимость в научно обоснованных подходах на различных уровнях изучения реакций живых организмов на определенные химические соединения.

Биологический мониторинг как одно из направлений в системе охраны природы и в разработке природоохранных мероприятий, включающее биотестирование и биоиндикацию, требует изыскания биологических индикаторов загрязнения окружающей среды химическими соединениями и экспериментальной оценки влияния их на процессы жизнедеятельности. Определенную роль в решении данной проблемы может играть биологическое моделирование, которое позволяет варьировать в широких пределах химическими веществами, их сочетанием и концентрациями.

В целях биологического тестирования водных бассейнов могут использоваться водоросли, водные растения, моллюски, ракообразные, рыбы. Моллюски – самый богатый после членистоногих тип животных, насчитывающий 128000 видов, для подавляющего большинства которых местом обитания являются водоемы [1–4].

Двустворчатые моллюски являются весьма перспективными биологическими объектами для мониторинга и могут использоваться в целях биологического тестирования водоемов Белорусского Поозерья как биологические фильтраторы и в силу своего широкого распространения.

В последние годы особую опасность, наряду с другими факторами, занимает химическое загрязнение окружающей среды и, в частности, нитратами. В нашей зоне возможность загрязнения водных бассейнов нитратами связана с выносом из полей в бассейны рек и озер азотных удобрений и сточных вод из животноводческих ферм. Нитраты создают своеобразный экологический фон, и возрастание их уровня может быть небезопасным для животных и человека [2–5].

Токсичность соединений азота зависит от степени окисления и скорости окисления, с которой происходит процесс окисления до нитратов и восстановления до аммиака или ионов аммония. Нитрат-ионы проявляют самые сильные окислительные свойства, т.к. азот находится в высшей степени окисления (+5). Существует мнение, что нитрат-ионы в организме человека и животных не проявляют токсических свойств, а превращаются в нитрит-ионы, которые вступают во взаимодействие с гемоглобином и оксигемоглобином с образованием метгемоглобина и комплексов продуктов восстановления нитрит-ионов с гемоглобином, что нарушает транспортную функцию крови и способствует развитию гипоксии. Многие авторы считают, что одним из механизмов токсического действия нитратов является активация свободно-радикальных процессов в крови, имеются данные о взаимодействии нитрит-ионов с ферментами тканевого дыхания [5, 6].

Целью нашей работы являлось выяснение возможности оценки загрязнения водоемов нитратами по изменению каталитической активности и фосфоглюкомутазы в различных органах и тканях пресноводного двустворчатого моллюска *Anodonta cygnea* под действием нитрат-ионов для данного фермента.

Фосфоглюкомутаза (КФ 2.7.5.1, α -D-глюкозо-1,6-бисфосфат: α -D-глюкозо-1-фосфат фосфотрансфераза) впервые обнаружена в экстрактах дрожжей и тканей животных в 1938 году [7], а через 10 лет выделена в кристаллическом виде [8]. Фермент катализирует обратимую реакцию кажущегося внутримолекулярного переноса с регенерацией доноров по уравнению:

α -D-Глюкозо-1,6-бисфосфат в данной реакции выполняет роль кофермента. Считают, что реакция, катализируемая фосфоглюкомутазой, протекает с образованием промежуточного фермент-фосфатного комплекса по механизму двойного замещения с двумя стадиями переноса фосфорильной группы и фермент может быть в фосфорилированной и дефосфорилированной формах [9]. Фосфатная группа в фермент-фосфатном комплексе присоединяется к гидроксильной группе аминокислотного остатка серина и может быть присоединена к 6-й или 1-й гидроксильной группе глюкозофосфата.

При взаимодействии фермент-фосфатного комплекса с глюкозо-1-фосфатом последний этерифицируется в шестом положении, а образованием глюкозо-1,6-бисфосфата, который реагирует с нефосфорилированным ферментом с образованием глюкозо-6-фосфата и фермент-фосфатного комплекса. Фермент-фосфатный комплекс, вступая в реакцию с глюкозо-6-фосфатом, осуществляет этерификацию в первом положении, а образовавшийся глюкозо-1,6-бисфосфат реагирует со свободным ферментом и передает ему фосфатную группу в шестом положении, при этом образуется глюкозо-1-фосфат. Фосфорилированная форма фермента является неустойчивой и легко подвергается гидролизу. Свободный фермент фосфорилируется за счет глюкозо-1,6-бисфосфата. Образование глюкозо-1,6-бисфосфата обеспечивает фермент фосфоглюкокиназа, катализируя реакцию фосфорилирования глюкозо-1-фосфата за счет АТФ. В конечном итоге фосфоглюкомутаза катализирует обратимое превращение глюкозо-1-фосфата в глюкозо-6-фосфат.

С одной стороны, фосфоглюкомутаза обеспечивает превращение глюкозо-1-фосфата – продукта фосфорилазной реакции, образующегося в результате фосфорилитического расщепления гликогена, в глюкозо-6-фосфат и тем самым поставляет субстрат для окислительного пентозофосфатного пути и для глюкозофосфат-изомеразной реакции, обеспечивающей гликолиз и неокислительный пентозофосфатный путь метаболизма углеводов. С другой стороны, глюкозо-1-фосфат как продукт фосфоглюкомутазной реакции, образовавшийся из глюкозо-6-фосфата, может быть использован в биосинтезе гликогена и метаболическом пути уроновых кислот, от которого ведет к биосинтезу аскорбиновой кислоты.

Как видим, фосфоглюкомутаза находится на перекрестке различных путей метаболизма углеводов, что и определило выбор данного фермента в наших исследованиях.

Для выяснения поставленных задач проведено две серии экспериментальных исследований. В каждой серии исследований по принципу аналогов с учетом возраста и массы было подобрано пять групп животных. В первой серии опытов животные содержались в аквариумах 5 суток, а во второй – 10 суток. В каждой серии исследований была контрольная группа животных, которые находились в обычной воде. Четыре опытные группы моллюсков содержались в воде, в которую было внесено 5, 10, 20 и 50 ПДК нитрат-ионов, что соответствовало 250, 500, 1000 и 2500 мг $\text{NO}_3^-/\text{л}$.

Активность фосфоглюкомутазы определяли по методу Noltman и Bruns [10], результаты экспериментальных исследований обрабатывали методом вариационной статистики с использованием компьютерной программы.

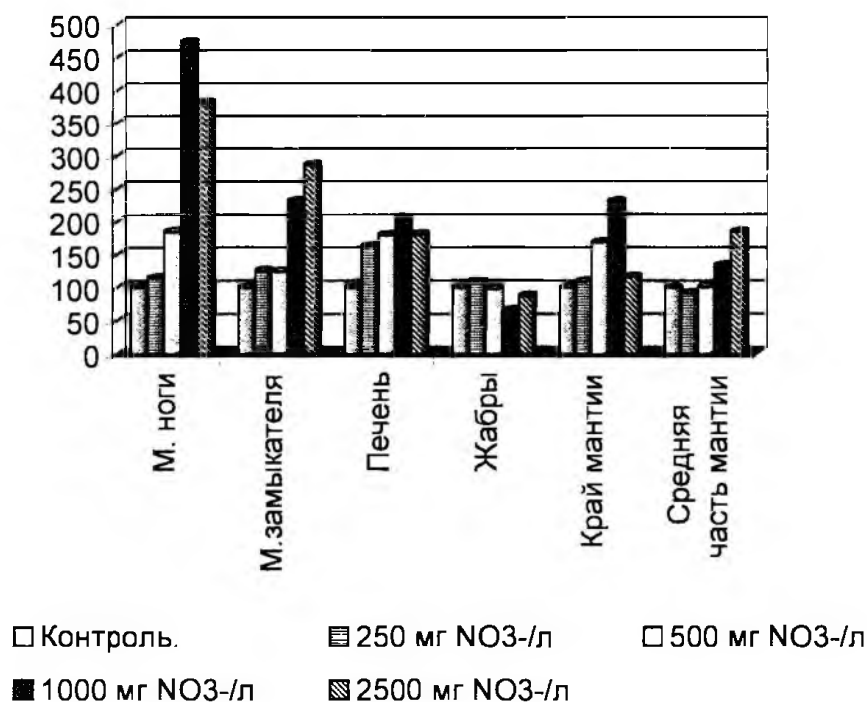

Рис. 1. Активность фосфоглюкомутазы в организме *Anodonta cygnea* под влиянием нитратов (в % к контролю), экспозиция 5 суток

Исследования показали (рис. 1), что нитраты в концентрации 250 мг/л через 5 суток незначительно повышают активность фосфоглюкомутазы в мышце ноги и замыкателя, в жаберных пластинках и в крае мантии и только в печени активность фермента возросла на 63% ($P < 0,01$). Нитраты в концентрации 500 мг/л оказывают более высокое стимулирующее действие на активность фермента в мышце ноги (85%, $P < 0,01$), печени (80%, $P < 0,05$) и крае мантии (69%, $P < 0,05$).

Повышение концентрации нитратов в воде до 1000 мг/л сопровождалось дальнейшим повышением активирующего действия фосфоглюкомутазы. Так, активность фермента повысилась в мышце ноги на 373% ($P < 0,001$), в мышце замыкателя на 132% ($P < 0,001$), в печени на 107% ($P < 0,05$), в крае мантии на 131% ($P < 0,01$). В жаберных пластинках наблюдалось ингибирование фосфоглюкомутазы, и ее активность составила 66% по отношению к активности контрольной группы ($P < 0,01$).

Под действием нитратов в концентрации 2500 мг/л в течение 5 суток возрастает стимуляция активности фосфоглюкомутазы в мышце замыкателя на 186% ($P < 0,001$), в средней части мантии на 85% ($P < 0,02$). В мышце ноги, в печени и в крае мантии стимулирующее действие нитратов снижается, но остается на достаточно высоком уровне в мышце ноги на 282% ($P < 0,001$), в печени на 81% ($P < 0,001$), и превышает активность фосфоглюкомутазы по сравнению с контрольной группой.

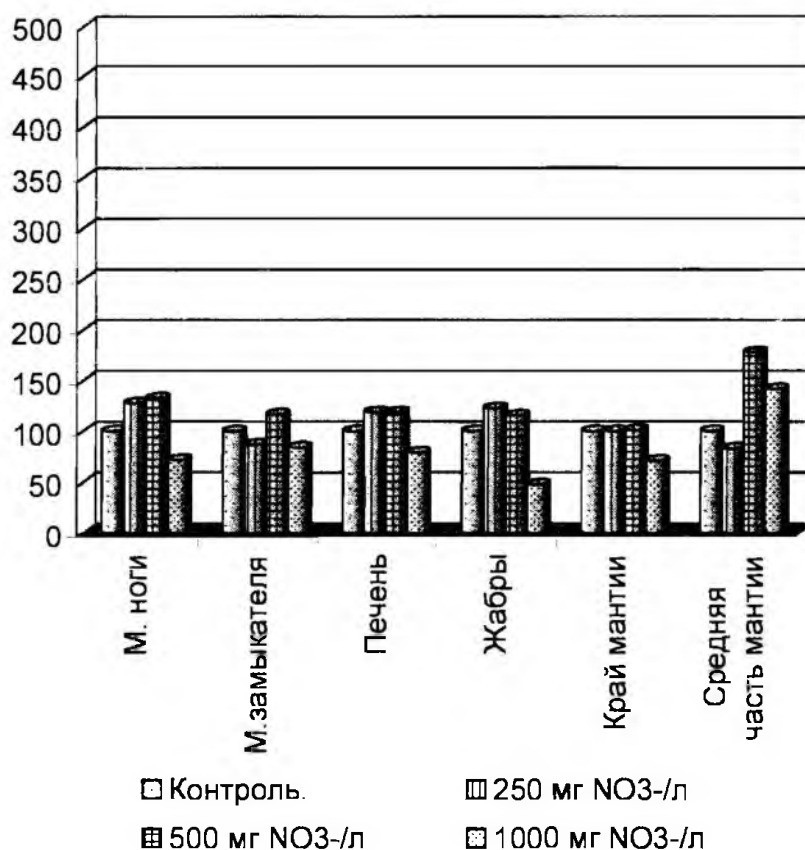

Рис. 2. Активность фосфоглюкомутазы в организме *Anodonta cygnea* под влиянием нитратов (в % к контролю), экспозиция 10 суток

Экспозиция моллюсков в течение 10 суток показала, что под действием нитратов в концентрации 250 мг/л достоверных изменений в активности фосфоглюкомутазы в изучаемых органах в этот период не наблюдалось.

Через 10 суток содержания моллюсков в воде при концентрации нитратов 500 мг/л активность фермента была несколько повышенной в мышце замыкателя, печени и жаберных пластинках (рис. 2). В средней части мантии повышение активности фосфоглюкомутазы составило 78% ($P < 0,05$), а в мышце ноги – 33% ($P < 0,005$).

В этот период исследований активность фосфоглюкомутазы под действием нитратов в концентрации 1000 мг/л снижалась во всех органах, за исключением средней части мантии. В мышце ноги, в мышце замыкателя, в печени и в крае мантии снижение активности было незначительным и статистически недостоверным, а в жаберных пластинках ингибирование фермента составило 52% ($P < 0,05$). В средней части мантии, наоборот, наблюдалось повышение активности фосфоглюкомутазы на 42% ($P < 0,05$).

Под действием нитратов в концентрации 2500 мг/л на 6–9-е сутки моллюски погибли и изучение активности фермента в данной ситуации требует проведения дополнительных исследований и методических подходов.

На основании полученных экспериментальных данных можно сделать заключение, что нитраты активируют фосфоглюкомутазу в организме *Anadonta cygnea*. Степень активирования зависит от концентрации нитратов и времени воздействия. Определение активности фосфоглюкомутазы в организме беззубки может быть использовано как один из показателей в оценке загрязнения водоемов нитратами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жизнь животных*. В 6 т. Т. 2. Беспозвоночные / Под ред. **А.А. Зинкевича**. – М., 1968. – 564 с.
2. **Калинкина М.Н.** Прогноз состояния гидробионтов при нарушении ионного состояния воды // *Экология*, 2002, № 1. – С. 81–84.
3. **Березина Н.А.** Влияние pH среды на пресноводных беспозвоночных в экспериментальных условиях // *Экология*, 2002, № 5. – С. 372–381.
4. **Данилин И.А., Сынзыныс Б.И., Козьмин Г.В., Рот Г.М.** Экспериментальное обоснование нового метода биотестирования пресноводных водоемов по содержанию металлотионенинов в органах и тканях двусторчатых моллюсков // *Экология*, 2002, № 5. – С. 397–400.
5. **Гидранович Л.Г.** Химические аспекты механизма токсического действия нитратов и нитритов // Сб. научн. тр. к 40-летию фармацевтического факультета. – Витебск, 1999. – С. 213–220.
6. **Ажила Я.И., Реутов В.П., Каюшин Л.П.** Экологические и медико-биологические аспекты проблемы загрязнения окружающей среды нитратами и нитритами // *Физиология человека*, 1990. Т. 16, № 3. – С. 131–149.
7. **Cori G.T., Colowick S.P., Cori C.F.** The enzymatic conversion of glucose-1-phosphoric ester to 6-ester in tissue extracts // *J. Biol. Chem.*, 1938. – 124, № 2. – P. 543–555.
8. **Najjar V.A.** The isolation and properties of phosphoglucomutase // *J. Biol. Chem.*, 1948. – 175, № 1. – P. 181–290.
9. **Najjar V.A., Mc Coy E.** Mechanism of action of muscle and yeast phosphoglucomutase and suggested mechanism for yeast hexokinase // *Federat. Proc.*, 1958. – 17. – P. 1141.
10. *Клиническая ферментология* / Под ред. **Э. Щеклика**. – Варшава, 1966. – 491 с.

S U M M A R Y

It was stated in experimental investigation that nitrates activate phosphoglucomutase in Anodonta cygnea organism. The level of activation depends on the nitrates concentration and time of exposure. Phosphoglucomutase activity detection in Anodonta cygnea organism can be used in the monitoring nitrates pollution of natural ponds.

Поступила в редакцию 23.06.2004

УДК 595.78

С.И. Денисова

Динамика содержания вторичных метаболитов в листьях кормовых растений чешуекрылых

Проблема формирования трофических адаптаций у насекомых-фитофагов издавна привлекает внимание биологов [1–4].

Питание насекомых-фитофагов – сложный динамический процесс, связывающий воедино физиологические требования, выживание, рост, размножение и распространение фитофагов с экологическими особенностями среды обитания [2, 5, 6].

Растения содержат не только собственные питательные вещества (белки, жиры, углеводы, аминокислоты), но и множество промежуточных и конечных продуктов вторичного обмена. Начиная с классических работ Г. Френкеля [7], исследователи приписывают ряду групп растительных метаболитов ведущее место в функционировании системы *растение – фитофаги*. Экологически активные соединения – аллелохимики – имеются в каждом растении, и с ними сталкивается любой консумент. В настоящее время известно более 10 тыс. вторичных метаболитов растений, однако считается, что общее их количество превышает 400000 [8].

К одному из крайне перспективных для практического применения направлений изучения химических взаимоотношений в природе относится исследование аллелохимических взаимодействий фитофагов и их кормовых растений.

Известно, что продуцируемые растениями аллелохимики могут служить аттрактантами во взаимодействии с одними организмами и репеллентами при контакте с другими. Синигрин стимулирует питание капустной тли, но препятствует сосанию другого вида тли. Многие вторичные вещества лежат в основе защитных систем растений против фитотрофных насекомых. Они играют в основном роль антифидантов, пищевых детергентов и фитотоксикантов. Роль пищевых детергентов могут играть таннины, алкалоиды, флавоноиды [9].

Установлено, что гидролизуемые таннины, содержащиеся в дубе красном, снижают плодовитость непарного шелкопряда [10].

Изучено влияние возраста растений на состав вторичных метаболитов и влияние последних на усвоение пищи *Daphnis nerii*. Предполагается, что биодоступность пищи блокируется вторичными метаболитами, такими, как фенолы и цианогенные глюкозиды, появляющиеся в старых листьях [11].

Ряд авторов считает, что сам факт повреждения растений фитофагами индуцирует химическую защиту у растений. Так, листья картофеля инфицировались *Myzus persicae*, что приводило с течением времени к увеличению продукции гликоалкалоидов в листьях, что повышало уровень индивидуальной эндогенной защиты растения против насекомых-вредителей.

Химическая защита растений от насекомых-вредителей определяется не только веществами качественного действия (алкалоидами), но и веществами количественного действия – таннинами.

Таким образом, хемотаксис является важным средством для экологических исследований взаимодействий в системе *растение – насекомое*. Процесс выбора растения насекомыми определяется взаимодействием репеллентов и аттрактантов. Важно отметить, что специализированные насекомые моно- и олигофаги способны быстрее или более точно идентифицировать кормовое растение по сравнению с генералистами или полифагами.

Следует отметить, что современным теориям эволюции защитных систем растений не достает экспериментальных данных о временной (сезонной) и пространственной (в пределах растения) динамике содержания аллелохимиков в тканях разных древесных пород. Накопление фактического материала в данном направлении поможет также в разработке основных положений трофической теории динамики численности хвое- и листогрызущих насекомых.

Но пока исследования такого типа не многочисленны, и полученные нами данные о сезонной динамике некоторых вторичных метаболитов в листьях дуба черешчатого, березы повислой, ивы корзиночной как кормовых растений дендрофильных чешуекрылых разной трофической специализации актуальны и позволяют несколько восполнить имеющуюся нехватку экспериментального материала.

В связи с вышеизложенным целью настоящей работы явилось изучение влияния трофической специализации дендрофильных чешуекрылых на эффективность питания ряда чешуекрылых-консортотрофов отдельных древесных пород.

Исследования проводились на базе биологических стационаров «Придвижье», «Щитовка» и в лабораториях биологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Кормовыми растениями китайского дубового шелкопряда (*Antheraea pernyi* G.-M. (Attacidae)), непарного шелкопряда (*Lymantria dispar* L. (Lymantriidae)), березового шелкопряда (*Endromis versicolora* L. (Endromididae)) служили дуб черешчатый (*Qercus robur* L.), береза повислая (*Betula pendula* Roth.), ива корзиночная (*Salix viminalis* L.), черемуха обыкновенная (*Rubus avium* Mill.). Для сравнения особенностей питания и роста гусениц отдельных видов воспитывали с момента от рождения на тестируемой породе.

В листьях определялось содержание фенолов, гидролизуемых и конденсированных таннинов, алкалоидов, пирогаллола, пирокатехина [12], цианогенных глюкозидов [13].

Полученные данные обрабатывались статистическими методами.

Анализ полученных данных, приведенных в таблице, показал, что в листьях дуба черешчатого суммарное количество фенолов и алкалоидов увеличивается, причем возрастание содержания алкалоидов происходит более быстрыми темпами. Если к концу августа количество фенолов возросло по сравнению с июнем на 16,1%, то количество алкалоидов увеличилось за тот же период почти в 10 раз. Содержание гидролизуемых таннинов также возросло за тот же период почти в 3 раза, а количество конденсированных таннинов в 2,5 раза.

Что касается флавоноидных соединений пирогаллола и пирокатехина, то содержание пирокатехина практически не изменилось на протяжении вегетации, а концентрация пирогаллола возросла очень существенно, почти в 10 раз. Таким образом, важнейшие группы аллелохимиков (фенолы, таннины, алкалоиды), оказывающие, согласно данным многих авторов, значительное влияние на процессы питания насекомых-фитофагов, присутствуют в листьях дуба черешчатого и накапливаются к концу вегетативного периода различными темпами.

Быстрее всех идет накопление алкалоидов, медленнее – таннинов, а количество фенолов отличается более высокой концентрацией (их примерно в три раза больше по сравнению с таннинами и алкалоидами, на протяжении всего периода вегетации) и незначительным увеличением содержания к концу вегетационного периода. Сходные данные динамики фенолов, таннинов и алкалоидов у других видов растений получены рядом авторов [14].

Исследование содержания вторичных метаболитов в листьях березы бородавчатой показало, что фенолов в листьях березы меньше, чем в листьях дуба в среднем за исследуемый период в 2 раза, но тенденция к их возрастанию к концу лета также четко выражена, как и у дуба. Но увеличение концентрации фенолов происходит несколько интенсивнее. К концу лета, в августе, количество фенолов в листьях березы увеличивается на 29,2%, а в листьях дуба, как уже указывалось, лишь на 16,1%.

Алкалоидов в листьях березы также меньше, чем в листьях дуба на протяжении всех летних месяцев. Причем июньский лист, как березы, так и дуба, содержит минимальное количество алкалоидов, но в листьях березы их меньше в 3,5 раза. Июльский лист березы содержит алкалоидов в 16 раз меньше, чем у дуба, а августовский – в 10 раз меньше. И скорость накопления их у березы меньше, чем у дуба. В листьях березы концентрация алка-

лоидов к концу августа увеличивается примерно в 3 раза, а в листьях дуба – в 10 раз. Что касается содержания гидролизуемых и конденсированных таннинов в листьях березы, то их концентрация к концу вегетации медленно, но закономерно возрастает.

Сравнение данных показателей с аналогичными листа дуба показало, что гидролизуемых таннинов в листьях дуба больше, чем в листьях березы: в июне примерно в 3 раза, в июле – в 3,5 раза, а в августе – в 6 раз. Конденсированных таннинов также больше в листьях дуба, чем в листьях березы: в июне – в 2,5 раза, в июле – почти в 3 раза, в августе – в 4 раза.

Пирогаллола в листьях березы намного меньше, чем у дуба: примерно в 1,5–2 раза в июне и июле и в 6 раз меньше – в августе. Концентрация пирокатехина у листа березы увеличивается в течение вегетации в 2,5 раза, а у листа дуба содержание пирокатехина сохраняется приблизительно на одном уровне весь вегетационный период. Следует указать на такое различие, если в июне пирокатехина у листа дуба было больше, чем у листа березы, в 2 раза, то к августу его содержание стало примерно одинаковым.

Что касается цианогенных глюкозидов, то нами они не обнаружены ни в листьях дуба, ни в листьях березы, хотя в литературных источниках имеются указания на то, что стареющие листья растений могут накапливать цианогенные глюкозиды [12].

Таким образом, лист березы по сравнению с листом дуба характеризуется меньшим содержанием фенольных соединений, алкалоидов и таннинов.

Изучение содержания аллелохимиков в листьях ивы корзиночной в течение вегетации показало, что лист ивы имеет фенолов больше, чем лист березы, но меньше, чем лист дуба. К концу вегетации концентрация фенольных соединений ивы возрастает, так же как и у других исследуемых пород, и становится почти равной с содержанием фенолов в листьях дуба, превышая количество данных соединений в листьях березы примерно в 1,5 раза. Сумма алкалоидов у листа ивы возрастает в течение вегетации в три раза, но общее содержание алкалоидов в листьях ивы меньше, чем у дуба, примерно в 1,5 раза в июне, в 5 раз – в июле и 4 раза – в августе. Сравнение данного показателя с аналогичным показателем листа березы указывает на промежуточное положение листа ивы, т.е. лист ивы содержит алкалоидов меньше, чем лист дуба, но больше, чем лист березы (таблица).

За тот же период наблюдений гидролизуемых таннинов в листьях ивы также меньше, чем в листьях дуба. Это различие сохраняется на протяжении всех трех месяцев и в среднем выражается цифрой – в 2–2,5 раза меньше. При сравнении содержания гидролизуемых таннинов листа ивы с листом березы можно констатировать, что лист ивы по этому показателю превышает лист березы по всем месяцам примерно в 2 раза, т.е. и по содержанию гидролизуемых таннинов лист ивы занимает промежуточное положение между листом дуба и листом березы, аналогично содержанию алкалоидов.

Конденсированные таннины по содержанию в листьях ивы приближаются к значениям этого же показателя в листьях дуба (имеются незначительные отличия на протяжении всего периода вегетации), т.е. концентрации конденсированных таннинов в листьях дуба и ивы примерно равны.

Сравнение этого показателя с аналогичным в листьях березы указывает на то, что конденсированных таннинов в листьях ивы больше, чем в листьях березы за весь период вегетации в 2–3 раза (таблица).

Таблица

Содержание вторичных метаболитов в листьях кормовых растений шелкопрядов на протяжении вегетации

Месяц	Содержание, % абсолютно сухого вещества								Мг, %	
	Влаж-ность	Золь-ность	Сумма фенолов	NXP-силуфол	Гидропи-зируемые танины	200 ⁰ Пирогал-лол	200 ⁰ Пирока-техин	Конденси-рованные танины	Сумма алкало-идов	Цианоген-ные глю-козиды
Дуб черешчатый										
Июнь	11,8± 0,25	14,3± 0,21	1,24± 0,03	28	0,36± 0,03	0,16± 0,01	0,12± 0,01	0,56± 0,01	0,14± 0,01	—
Июль	12,1± 0,28	17,3± 0,16	1,32± 0,01	32	0,52± 0,04	0,24± 0,01	0,16± 0,01	0,69± 0,002	0,81± 0,007	—
Август	11,9± 0,26	19,2± 0,12	1,44± 0,04	34	1,14± 0,55	1,13± 0,61	0,14± 0,02	1,20± 0,001	1,1± 0,005	—
Береза бородавчатая										
Июнь	12,4± 0,32	11,3± 0,21	0,65± 0,01	26	0,12± 0,003	0,09± 0,001	0,06± 0,0001	0,24± 0,003	0,04± 0,0001	—
Июль	12,3± 0,15	12,1± 0,15	0,72± 0,025	26	0,16± 0,001	0,16± 0,001	0,11± 0,0001	0,26± 0,002	0,05± 0,0001	—
Август	12,4± 0,17	14,7± 0,09	0,84± 0,005	26	0,18± 0,001	0,17± 0,002	0,16± 0,001	0,29± 0,001	0,12± 0,001	—
Ива корзиночная										
Июнь	11,7± 0,11	16,1± 0,15	0,96± 0,01	23	0,21± 0,001	0,12± 0,001	1,0± 0,03	0,45± 0,001	0,09± 0,0001	1,0± 0,05
Июль	12,1± 0,12	16,9± 0,12	1,25± 0,01	23	0,28± 0,02	0,16± 0,001	1,26± 0,01	0,65± 0,003	0,15± 0,001	1,13± 0,04
Август	12,6± 0,10	17,8± 0,13	1,37± 0,04	23	0,38± 0,001	0,18± 0,001	1,26± 0,03	0,93± 0,005	0,29± 0,002	1,26± 0,01

Содержание пирогаллола и пирокатехина в листьях ивы незначительно, но возрастает с течением вегетации, а общий уровень пирогаллола сопоставим с таковым у листа березы, но резко отличается от уровня этого соединения в листьях дуба, особенно в августе, т.е. скорость накопления пирогаллола к концу вегетации в листьях ивы в отличие от листа дуба невелика. Так, количество пирогаллола в листьях ивы увеличивается в августе лишь в 1,5 раза по сравнению с июнем, в листьях дуба – в 6 раз, в листьях березы – в 2 раза.

Пирокатехин в листьях ивы сохраняет стабильность концентрации так же, как и в листьях дуба, но превышает его содержание в листьях дуба примерно в 8 раз в июне, в 10 раз – в июле и августе. То есть лист ивы отличается от листа дуба и березы очень высоким содержанием пирокатехина, метаболита из группы флавоноидов. В листьях ивы обнаружены цианогенные глюкозиды в незначительных количествах, но их содержание увеличивается к концу вегетационного периода.

Таким образом, лист ивы содержит довольно значительное количество фенолов, алкалоидов, конденсированных таннинов, самое большое среди исследуемых растений количество пирокатехина, а также характеризуется присутствием цианогенных глюкозидов в минимальных концентрациях.

Обобщая все вышесказанное, отметим, что самые высокие концентрации фенолов, алкалоидов и таннинов характерны для листа дуба на протяжении всего периода вегетации, самые низкие – у березы, а лист ивы занимает промежуточное положение по концентрации вышеуказанных аллелохимиков. Кроме этих количественных изменений содержания основных аллелохимиков, лист каждого растения характеризуется своими видоспецифичными чертами. У дуба черешчатого лист отличается стабильным содержанием флавоноида пирокатехина на протяжении всего вегетационного периода и самым высоким содержанием пирогаллола. Лист березы бородавчатой содержит минимальное количество пирокатехина и пирогаллола, а лист ивы корзиночной – максимальное количество пирокатехина и цианогенные глюкозиды. Выявленная нами динамика концентрации вторичных соединений листа кормовых растений непарного, дубового и березового шелкопрядов в течение вегетации имеет значение для изучения влияния вторичных метаболитов на процессы питания гусениц шелкопрядов разной трофической специализации.

Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кожанчиков И.В.** Биологические особенности европейских видов *Galerucella* и условия образования биологических форм у *Galerucella lineola* // Тр. ин-та / Зоол. ин-т АН СССР, 1958. – Т. 24. – С. 271–322.
2. **Баранчиков Ю.Н.** Трофическая специализация чешуекрылых. – Красноярск, 1987. – 170 с.
3. **Суховольский В.Г., Овчинникова Т.М., Вшивкова Т.А.** Насекомое как потребитель: модель эффективного поведения // Докл. РАН, 2000. – Т. 373, № 3. – С. 424–426.
4. **Вшивкова Т.А.** Расходование энергии корма непарным шелкопрядом *Lymantria dispar* L. (Lepidoptera, Lymantriidae) на разных этапах онтогенеза // Известия РАН, сер. биол., 2003, № 5. – С. 575–581.
5. **Радкевич В.А.** Экология листогрызущих насекомых. – Мн., 1980. – 239 с.
6. **Исаев А.С.** Системный анализ взаимодействия древесных растений и насекомых-фитофагов // Материалы междунар. симпозиума ИЮПРО/МАБ. – Красноярск, 1983. – С. 15–33.
7. **Fraenkel G.** The raison d'etre of secondary plant substances // Science, 1959. – V. 129, № 3361. – P. 1466–1470.
8. **Swain T.** Secondary compounds as protective agents // Ann. Rev. Plant Physiol., 1977. – V. 28. – P. 479–501.
9. **Гудвин Т., Мерсер Э.** Введение в биохимию растений / Под ред. **В.Л. Кретовича**. В 2 т. – М., 1986. – 731 с.

10. **Foster M.A., Schultz J.C., Hunter M.D.** Modelling gypsy moth-virus-leaf chemistry interactions: Implications of plant quality for pest and pathogen dynamics // J. Anim. Ecol., 1992. – 61, № 3. – P. 509–520.
11. **Babu R., Kumar N. Senthil, Jeyabalan D., Sivaramakrishnan S., Kavitha R., Murugan K.** Effect of host plant secondary chemicals on food utilization of *Daphnis nerii* L. (Lepidoptera: Sphingidae) // Uttar Pradesh. J. Zool., 1996. – 16, № 3. – P. 133–136.
12. **Гринкевич Н.И., Сафронич Л.Н.** Химический анализ лекарственных растений. – М., 1983. – 175 с.
13. **Ермаков А.И.** Методы биохимического исследования растений. – Л., 1972. – 455 с.
14. **Агапова М.В., Селянинова Г.А., Грайфер А.Л.** К вопросу об активности фенольных и терпеноидных ингибиторов роста у различных по степени морозоустойчивости сортов яблони // В сб.: Рост, развитие и адаптация растений к экстремальным факторам. – Пермь, 1987. – С. 4–13.

S U M M A R Y

The Qercus robur leaves are notable for the highest content of pyrogallol. The Betula pendula Roth. contains the minimal quantity of pyrocatechin and pyrogallol while the leaves of Salix viminalis L. contain the maximum of pyrocatechin and cyanogenetic glucosides.

Поступила в редакцию 6.04.2004

Г.И. Пиловец

Полувековая деятельность Белорусского Географического общества

Белорусское Географическое общество было образовано в 50-е годы XX века, а именно: с момента принятия постановления Ученого Совета Географического общества (ГО) СССР от 19 марта 1954 года о создании своего филиала.

Вначале с момента образования Русского Географического общества многие белорусские географы принимали активное участие в его организационной и научной деятельности: И.Д. Черский, Б.И. Дыбовский, А.И. и Б.А. Вилькицкие, В.В. Прончищев, А.А. Смолич и другие ученые, которые в составе Русского Географического общества за свои научные достижения получали высшие награды. Объединение в самостоятельное научное общество белорусских географов позволило скоординировать работу по основным научным направлениям исследований, привлечь к сотрудничеству представителей других наук (историков, геологов, этнографов) и расширить связи белорусов с другими научными школами.

В самом начале существования Географического общества БССР была проведена огромная организационная работа. В состав первого организационного комитета и Ученого Совета Географического общества входили академик И.С. Лупинович (председатель), доцент В.А. Новицкий, доцент В.А. Дементьев, доцент Ф.С. Марцинкевич, доцент И.И. Трухан, профессор А.Н. Попов, Г.Г. Шенберг. В 1957 году председателем Белорусского Географического общества стал вице-президент АН БССР К.И. Лукашев. В составе Географического общества возникли секции: физической географии (В.А. Дементьев), экономической географии (Ф.С. Марцинкевич), краеведения и туризма (В.А. Жучкевич), фенологии (А.Е. Шкляр). В 1958 году вышел из печати первый Атлас БССР, а в 1959 году был подготовлен первый сборник научных работ Географического общества БССР. С 1959 года Белорусское Географическое общество стало расширяться. Ученый Совет ГО БССР в начале 1959 года утвердил создание Могилевского отдела ГО БССР. Председателем отдела был избран М.С. Ратобыльский.

В 60-е годы XX века активизировались международные связи белорусских географов (И.И. Трухан, В.А. Дементьев и др.), и в 1962 году Белорусский филиал ГО СССР получил самостоятельность и стал называться Географическим обществом БССР при Академии наук БССР. Председателем общества был избран В.А. Дементьев. Работа Географического общества значительно активизировалась. Огромную популярность получили собрания членов ГО БССР, на которых выступали ведущие ученые, представители творческих союзов, зарубежные ученые. Активное участие в работе Географического общества принимали медики, археологи, историки. В 1964 году были созданы отделение этнографии и фольклора, комиссия по медицинской географии. В 1966–1967 гг. началась активная деятельность ГО БССР, направленная на

обоснование и создание заказников и заповедников. Географическое общество стало одним из инициаторов создания Белорусской Советской энциклопедии в 12 томах (1969–1975 гг.)

Примечательно, что начиная с IV съезда Географического общества СССР (Москва, 1964 г.) члены ГО БССР представляли на последующих съездах самостоятельную делегацию. В начале 70-х гг. XX века ГО БССР перешло от проведения отчетно-выборных собраний к съездам. Первый съезд ГО БССР состоялся 12 марта 1975 года на географическом факультете БГУ. На нем был принят новый Устав ГО БССР (последняя перерегистрация Устава произведена в 1999 году) [1]. Председателем общества был избран В.А. Жучкевич. С его приходом работа Ученого Совета ГО БССР стала более разнообразной. Расширился состав Совета и Президиума, увеличилось количество комиссий, отделений и секций. Начали проводиться ежегодные конференции по результатам научных исследований, выходить сборники научных работ членов ГО БССР. Проведение съездов позволило расширить список участников, так как программы съездов включали не только организационные вопросы, а и научные доклады. На съезды приглашались как белорусские географы, так и зарубежные ученые.

Активная работа привела к рассмотрению вопроса образования отдельного отраслевого института географии. В решения III съезда Географического общества БССР был внесен пункт о создании научно-исследовательского института географии АН БССР. Среди решений VII съезда ГО СССР читаем: «... поручить Ученому Совету ГО СССР ходатайствовать перед Президиумом АН СССР об организации НИИ географии АН БССР».

В 70-е годы XX века в работе Ученого Совета появляются новые формы: географические экспертизы отдельных проектов (обвалования р. Припять, строительства Даугавпилсской ГЭС и др.), издание монографий и учебников, выездные заседания Ученого Совета, тематические семинары. Впервые было осуществлено обоснование более 30 охраняемых природных объектов, предложено создание Браславского Национального парка. В практику работы общества были введены научные чтения памяти известных ученых, торжественные собрания географов на их родине (А.А. Смолич, И.Д. Черский и др.).

Географическое общество БССР стало инициатором подготовки энциклопедии о природе Беларуси, и в ноябре 1983 года состоялось обсуждение первого тома «Энциклопедии природы Беларуси». На базе общества в 1990-х гг. начали выполняться крупные научные проекты («Схема рационального природопользования Белорусского Поозерья» и др.). Больше внимания уделялось школьной географии. Стали проводиться по инициативе и при участии Ученого Совета Географического общества школьные географические олимпиады республиканского и международного уровней, совместные семинары ученых, учителей географии и учащихся по различным вопросам географии, краеведения и др.

В январе 1992 года Географическое общество БССР было преобразовано в Белорусское Географическое общество (БГО). После перерегистрации в июле 1999 г. оно стало называться – общественное объединение «Белорусское Географическое общество» (ОО БГО). Общественное объединение «Белорусское Географическое общество» (ОО БГО) – республиканская научно-общественная организация. Главными целями Белорусского Географического общества являются: всемерное содействие развитию географических наук; рациональное использование природных ресурсов, их охрана и воспроизводство; содействие координации научно-исследовательских работ в области географии; содействие по вопросам преподавания географии в средней, среднеспециальной и высшей школах; проведение конференций, симпозиумов, семинаров и других научных мероприятий; издание специальной литературы; популяризация географических знаний.

Высшим руководящим органом ОО БГО является съезд, созываемый раз в пять лет. Руководящим органом на период между съездами является Ученый Совет БГО (17 чел.), который собирается не реже одного раза в 3 месяца и возглавляется президентом (который избирается на съезде Общества сроком на 5 лет) и президиумом Совета (5 чел.), в областных отделах – президиумами отделов. В 1954 г. в обществе насчитывалось 40, а в 2000 г. – 400 членов. 95% нынешних членов общества имеют высшее образование. Среди них – географы, геологи, почвоведы, экономисты, этнографы, учителя и многие другие. В составе общества 16 докторов наук, 50 кандидатов наук.

Основой республиканского общества служат областные отделы: Могилевский, Гомельский, Брестский, Витебский, Мозырский. Витебский отдел (ВО БГО) – сравнительно молодое территориальное структурное подразделение (основано в сентябре 1990 года). Представляет собой научное объединение географов Витебского региона, занимающееся географическими исследованиями, изучением и пропагандой географических знаний. Члены ВО БГО проводят различные исследования на региональном уровне, представляющие научные направления современной географии: территориальная организация хозяйства, изучение природно-антропогенных геосистем, природно-ресурсного, ресурсно-экономического, трудоресурсного потенциала территории, топонимические, геоэкологические, экологические исследования. Ежегодно ВО БГО проводит географические олимпиады среди студентов-географов, заседания клуба «Географ», научные студенческие конференции, посвященные значимым датам (100-летие со дня рождения А.Г. Медведова, 90-летие В.А. Дементьева, 150-летие А.П. Сапунова, 110-летие А.А. Смолича, 200-летие со дня рождения И. Домейко, 50-летие БГО, 70-летие географического факультета БГУ), жизни и деятельности путешественников, ученых, географов, исследователей («Из истории географических открытий», «Известные люди Витебщины»), где выступают ученые, аспиранты, магистранты (С.И. Сидор, С.И. Белов, Е.В. Усова и др.). ВО БГО поддерживает научные связи с вузами республики (ГГУ, МГУ, БрПУ, БГПУ, БГУ), дальнего и ближнего зарубежья – МГУ (Россия), СПбУ (Россия). Осуществляется сотрудничество с Витебским областным краеведческим музеем (Г.И. Пиловец, А.Н. Галкин), организованы и работают семинар «Инновационные модели школьного географического образования» (С.В. Чубаро), и Центр экономико-географических знаний (М.И. Бобрик, О.Д. Строчко). Члены ВО БГО выступают с докладами на международных и республиканских конференциях, со статьями в научных журналах, с публикациями в периодической печати.

В структуре республиканского ОО БГО выделяются отделения, которые объединяют специалистов узких специальностей. Отделение физической географии возглавляет заведующий кафедрой общего землеведения Петр Степанович Лопух. Отделение экономической географии – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической географии Стран Содружества Геннадий Степанович Смоляков. Отделение геоэкологии – кандидат геологических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией оптимизации геосистем института проблем использования природных ресурсов и экологии (ИПИПРЭ) Национальной Академии Наук Беларуси Валерий Степанович Хомич. Отделение школьной географии – методист Академии последипломного образования Валентина Леонидовна Белая. Отделение геологии, аэрокосмического дешифрирования – доктор геологических наук, профессор, заведующий кафедрой динамической геологии Валерий Николаевич Губин. Редакционно-издательское отделение – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой геоэкологии Александр Николаевич Витченко. Отделение ГИС и картирования – сотрудник Госкомитета по земельным ресурсам и картографии Валерий Петрович Казакевич.

Деятельность Общества включает комплексные исследования проблем рационального природопользования, оценку последствий народнохозяйственной деятельности, изучение географических основ формирования агропромышленных комплексов, систем расселения, улучшения преподавания географии в школах и вузах республики, вопросы теоретической и прикладной географии.

Основными формами работы являются заседания Ученого Совета, Президиума, отделов и комиссий, а также проведение общих собраний, научных конференций, участие в научных экспертизах, издании научных сборников, проведении научных чтений, много внимания уделяется вопросам увековечения памяти известных белорусских географов.

В последние годы Белорусское Географическое общество провело несколько крупных международных конференций, посвященных юбилейным датам: 200-летию профессора И.И. Домейки, 155-летию И.Д. Черского, 90-летию профессора А.Е. Шкляра, 100-летию академика И.С. Лупиновича и академика Г.И. Горещкого, 110-летию профессора А.А. Смолича, 80-летию профессора О.Ф. Якушко, 95-летию профессора В.А. Дементьева. На заседаниях отделений и комиссий географического общества проходят студенческие научные чтения, а также апробируются все диссертационные работы географических специальностей.

В разное время президентами Белорусского Географического общества были: Иван Степанович Лупинович (1954–1957 гг.), Константин Игнатьевич Лукашев (1957–1960 гг.), Тимофей Сазонович Горбунов (1960–1962 гг.), Василий Алексеевич Дементьев (1962–1974 гг.), Вадим Андреевич Жучкевич (1974–1983 гг.) [2]. С 1983 года по 2004 год Белорусское Географическое общество возглавлял профессор, доктор географических наук, заведующий кафедрой почвоведения и геологии географического факультета Белорусского государственного университета Валерий Станиславович Аношко, который внес значительный вклад в развитие этой общественной организации географов. На VII съезде в октябре 2004 года президентом Белорусского Географического общества избран доктор географических наук, заведующий кафедрой общего землеведения географического факультета БГУ Петр Степанович Лопух.

Члены БГО вносят достойный вклад в решение физико- и экономикогеографических проблем Республики Беларусь. Они участвуют в руководстве и осуществлении научных проектов и программ. При содействии ОО БГО белорусские географы получили возможность участвовать во многих международных географических конгрессах, симпозиумах и конференциях.

2004 год стал годом подготовки и проведения мероприятий, посвященных 70-летию географического факультета БГУ и 50-летию Белорусского Географического общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Устав Общественного объединения «Белорусское Географическое общество».** Зарегистрировано 30 июля 1992, Свидетельство № 394. Перерегистрировано Министерством юстиции Республики Беларусь 29 августа 1995 года, Свидетельство № 0501. Перерегистрировано Министерством юстиции Республики Беларусь 5 июля 1999 года, Свидетельство № 00171. – 9 с.
2. **Аношка В.С.** Пяцьдзесят гадоў грамадскай дзейнасці на карысць беларускай геаграфіі // «Беларускі ўніверсітэт». Газета Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, № 6, 2004.

S U M M A R Y

The article highlights the history of the Belarusian Geographical Society, its members, Belarusian geographers, and their activities as well.

Поступила в редакцию 24.06.2004

Е.В. Шаматульская

Демографические и региональные аспекты старения сельского населения Витебской области (1979–1999 гг.)

Старение населения – это увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения [1]. Причиной демографического старения являются длительные изменения в характере воспроизводства населения.

Согласно данным переписи 1999 г. в Республике Беларусь пятая часть всех жителей (21%) приходится на пенсионеров, а в Витебской области – четвертая (25%). В сельской местности нашей области уже каждый третий житель – пенсионер (33%, в РБ – 32%). Демографическое постарение требует от общества все больших финансовых и других материальных затрат на обслуживание этой возрастной категории населения. И этот вопрос является очень актуальным при решении ряда социальных проблем.

Теоретической и информационной базой данной работы являются труды российских и отечественных ученых, материалы Национальных отчетов о человеческом развитии Республики Беларусь, данные Витебского областного управления статистики и др.

Предметом исследования является процесс взаимодействия сельского населения старше трудоспособного возраста с социальной реальностью.

В работах А.Я. Боярского, Ж. Буржуа-Пиша, А. Сови, А. Коула (США), Э. Россета и др. было показано, что демографическое старение в экономически развитых странах происходило в основном из-за снижения уровня рождаемости.

В Беларуси проблема демографического старения рассматривалась лишь с позиций специальных наук, в частности, геронтологии и демографии, экономики, географии, социологии. Проблемы социально-медицинских аспектов старения населения затронуты в исследованиях белорусских ученых-геронтологов Е.Ф. Конопки, А.И. Микулича, А.А. Тальчука, Г.Д. Бердышева, А.В. Манулика. Некоторые социально-экономические проблемы старения населения исследовали белорусские демографы: А.А. Раков, Л.П. Шахотко; географический аспект старения населения рассматривала Б.А. Манак; социологические аспекты возраста изучаются учеными Института социологии НАН Беларуси и пр. [2].

Различают «старение снизу», происходящее из-за постепенного сокращения числа детей вследствие снижения рождаемости, и «старение сверху», вызываемое ростом числа старых людей в результате сокращения смертности в старческих возрастах при относительно медленном росте числа детей.

Наиболее часто используемым показателем старения общества является доля людей старшего возраста в его структуре. Обычно полагают, что нижняя граница старости соответствует возрасту 60–65 лет. Глубокими стариками считаются люди в возрасте 80 лет и старше. Доля последних в структуре общества рассчитывается по отношению к общей численности населения или по отношению к количеству людей в возрасте 60 лет и старше [3].

Эксперты отдела демографии ООН приняли возраст 65 лет как границу для измерения процессов старения и предложили три уровня, характеризующие демографическую структуру населения:

1. При наличии 4% лиц старше 65 лет – молодое население.
2. От 4 до 7% – структура зрелого населения.
3. Более 7% – старое население.

Сдвиги, происходящие в возрастной структуре сельского населения Витебской области (как и в РБ) за последние 10 лет (1989–1999 гг.), свидетельствуют о том, что за эти годы в пенсионный возраст вступило самое многочисленное поколение 1925–1930 гг. рождения, которое дало прибавку пенсионеров, что во многом обострило проблему социального обеспечения (табл. 1).

Таблица 1

**Соотношение численности возрастных групп сельского населения
Витебской области, %**

Годы	1979 г.	1989 г.	1999 г.
В возрасте:			
Моложе трудоспособного	22,4	19,7	20,1
Трудоспособном	49,9	46,9	46,2
Старше трудоспособного	27,7	33,4	33,7
Итого:	100	100	100

Следует отметить уменьшение продолжительности жизни населения, в особенности сельского. В 1999 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин, проживающих в городах, составила 61,1 года против 60,0 на селе, а у женщин – 74,8 против 72,4 лет соответственно, т.е. разница составила более 2-х лет, а в последнее время эта разница увеличивается.

Среди факторов, способствующих сохранению этих различий, следует отметить относительно низкий уровень образования сельского населения, слабое развитие сельского здравоохранения и инфраструктуры вообще, миграционное истощение наиболее активных и трудоспособных возрастных групп на селе, а также большую степень алкоголизации сельского населения, а следовательно, и более высокую смертность на селе от несчастных случаев, отравлений и травм, которые тесно связаны с употреблением алкоголя.

Однако процесс постарения сельского населения Витебской области характеризуется региональной дифференциацией. Относительно благополучно выглядят Лепельский, Витебский, Оршанский и Полоцкий районы с долей пенсионеров до 30%. В группу самых неблагополучных попали 9 районов с долей пенсионеров от 36–40% (рисунок).

Отдельно хочется отметить разницу в количестве пожилых людей по полу. Среди сельских женщин доля лиц в пенсионном возрасте в ряде районов достигла половины (Бешенковичский, Городокский, Поставский, Ушачский), а в большинстве районов приближается к этой величине (40–49%). И только в двух районах области (Витебском и Оршанском) доля женщин-пенсионерок составляет «всего» 37–38%. Среди мужского населения картина не столь удручающая и такой резкой дифференциации не наблюдается. Доля пожилых мужчин среди сельского населения колеблется в пределах от 22 до 26%, и только в Витебском и Оршанском районах она составляет 18%. Таким образом, только эти два сельских района области имеют благоприятную возрастную структуру населения, что объясняется влиянием крупного города (табл. 2).

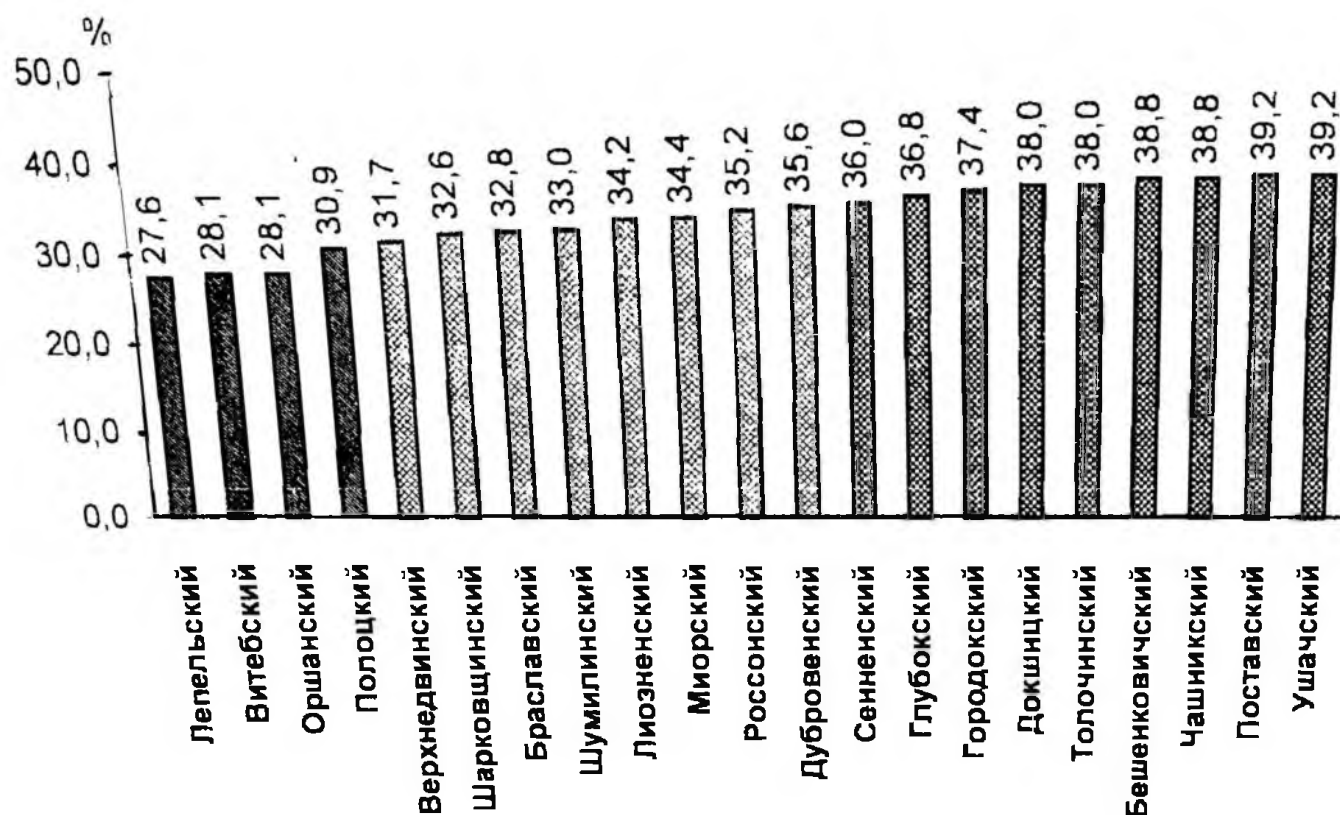

Рис. Удельный вес пенсионеров в общей численности сельского населения Витебской области: региональные различия (в процентах, по состоянию на 1.01.1999 г.)

Таблица 2

Доля мужчин и женщин пенсионного возраста среди сельского населения Витебской области в разрезе районов, %

Районы	1989 г.		1999 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Бешенковичский	21,7	50,2	26,5	50,5
Браславский	24,5	47,1	21,9	43,1
Верхнедвинский	19,8	43,6	23,5	40,7
Витебский	15,8	38,0	18,8	36,8
Глубокский	23,5	46,8	25,2	46,9
Городокский	21,0	50,7	25,9	49,0
Докшицкий	25,1	49,5	26,6	43,8
Дубровенский	21,3	50,7	23,6	47,8
Лепельский	22,1	47,1	21,7	41,2
Лиозненский	20,3	45,6	23,4	45,2
Миорский	26,2	46,2	22,6	45,6
Оршанский	17,1	41,4	18,3	38,1
Полоцкий	18,3	42,6	21,2	41,9
Поставский	27,1	51,3	28,0	50,6
Россонский	22,5	45,7	25,3	44,2
Сенненский	19,6	47,6	25,2	47,5
Толочинский	22,8	48,1	25,8	47,9
Ушачский	20,0	50,5	26,6	50,5
Чашникский	22,7	45,9	26,6	49,8
Шарковщинский	23,7	43,6	22,9	43,3
Шумилинский	20,9	46,6	22,8	43,5
Витебская область	21,2	45,9	23,3	44,4

Если рассматривать долю лиц пожилого возраста в зависимости от типа населенного пункта, то прослеживается четкая закономерность: чем больше численность сельского населенного пункта, тем меньше доля пенсионеров, и наоборот (табл. 3).

Таблица 3

Доля лиц послетрудоспособного возраста в сельских населенных пунктах (с.н.п.) различной величины в Витебской области (2003 г.), %

С.н.п. с численностью населения, чел.	До 10	11–100	101–200	201–400	Более 400
Доля пенсионеров	60–100	40–60	30–40	25–30	15–30

Старение населения приводит к увеличению нагрузки лиц трудоспособного возраста престарелыми. В целом в Республике Беларусь демографическая нагрузка пожилыми, приходящимися на 1000 человек трудоспособного возраста растет: в 1979 г. она составляла 289 человек, а в 1999 г. – 372. В Витебской области эти показатели выше более чем на 10%, причем процентная разница увеличивается (с 4,4 до 11%). И если на городское население нагрузка ниже, чем в среднем по республике и области, то в сельской местности наблюдается катастрофическое положение: на селе этот показатель выше почти в два раза, что указывает на еще более неблагоприятную демографическую обстановку в регионе (табл. 4).

Таблица 4

Численность населения в пенсионном возрасте на 1000 человек трудоспособного возраста в РБ и Витебской области

Годы	Все население		Городское население		Сельское население	
	РБ	Область	РБ	Область	РБ	Область
1979	289	302	165	180	480	555
1989	349	399	220	261	659	713
1999	372	418	300	301	725	730

Процесс постарения белорусского населения протекает весьма интенсивно. С ним связан сложный комплекс последствий, включающий социально-экономические, психологические и многие другие проблемы. Это порождает, в свою очередь, целый ряд вопросов, как для правительства, так и для местной администрации: повышение прямых расходов на пенсионное обеспечение пожилых людей, оказание им дополнительной материальной помощи, предоставление льгот, оказание социальной помощи и поддержки остро нуждающимся одиноким престарелым.

Обобщая анализ одной из самых актуальных проблем пожилых людей, следует отметить, что социальные проблемы демографического старения у нас в республике не обойдены вниманием, а постепенно и настойчиво изучались и переосмысливались специалистами по мере развития самого процесса демографического старения. Вместе с тем, разработка и проведение в жизнь ряда законодательных и правовых основ по решению социальных проблем пожилых были сопряжены с огромным количеством трудностей, связанных с особенностями общественного развития общества на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Народонаселение*: Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. Ред. коллегия: А.Я. Кваша, А.А. Ткаченко, Н.Н. Шаповалова, Д.К. Шелестов. – М., 1994. – 640 с.
2. *Снытко Н.И.* Социальные проблемы демографического старения. – Мн., 2001. – 205 с.
3. *Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г.* Социальная геронтология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 1999. – 224 с.

SUMMARY

Getting old as the main tendency in the evolution of age structure is a typical characteristic of the rural population in Vitebsk region. In addition the strong regional differentiation in the number of elderly people is observed.

Поступила в редакцию 26.11.2003

Конференції. Сімпозиумы

Б.Г. Кожевников

VI Международный симпозиум «CANTUS CHORALIS SLOVACA»

В сентябре 2004 года в университете Матея Бела г. Банска Быстрица Словацкой Республики был проведен VI Международный научный симпозиум «Вокально-хоровая культура Словакии» профессорско-преподавательского состава музыкально-педагогического и хормейстерского профиля европейских вузов и школьной образовательной системы. В нем приняли участие около 200 представителей из Словакии, Венгрии, Беларуси, Польши, Чехии, Украины.

Симпозиум «Cantus choralis Slovaca» был посвящен 50-летию педагогического факультета университета Матея Бела. По традиции он начался с пленарного заседания, на котором выступили с приветствием проректор университета, а также профессора местного университета на тему концептуальных вопросов педагогики, в тесной связи с эстетическим воспитанием и образованием в Словакии, перспективах их развития. В работе пленарного заседания приняли участие преподаватели разных кафедр, не связанных с хоровым воспитанием, — изобразительного искусства, физического воспитания, музыкального инструмента, вокала, дирижирования, филологии, теологии, истории, учителя из школ Банской Быстрицы и других городов Словакии. На симпозиуме присутствовал известный композитор Словакии Зденко Микула, который в советское время был председателем Союза композиторов Чехословакии, поддерживал дружеские и творческие связи с выдающимися музыкантами из СССР: А. Хачатуряном, Д. Шостаковичем, Д. Ойстрахом, Т. Хренниковым.

Во время симпозиума плодотворно обсуждалось пять направлений в вокально-хоровом воспитании: музыкальная педагогика, духовная хоровая музыка, личность (о творчестве композиторов Словакии и Чехии), исторический аспект хоровой культуры в Словакии, вокально-хоровое творчество европейских государств. На последней секции каждый из приглашенных давал характеристику хорового творчества своей страны.

Следует отметить, что вся культура страны (и хоровая, и физическая, и изобразительное искусство, и хореография, и инструментальное исполнительство) подчинена единой образовательной структуре — Министерству школьства. В Словакии, Венгрии и Чехии на первый план учебного процесса как в школе, так и в вузах выступают предметы эстетического цикла. Эту тему освещал в своем докладе профессор Амантиус Акимьяк, который указывал на воспитательную роль хорового жанра в школьной системе. Доктор педагогики Зузана Славикова рассказала в своем выступлении о перспективах развития методики в подготовке учителей музыки. Интересным было сообщение доктора педагогики Любомира Шимчика о продолжении традиции музыкально-фольклорной коммуникации в воспитании детей в школе 1 ступени (с I по IX класс). Доцент Милан Пазурик (вице-президент симпозиума), подытоживая эту тему, выразил свое удовлетворение о важности полученных в ходе дискуссии новых идей для совершенствования учебного процесса в подготовке учителей музыки не только в Словакии, но и в других европейских странах.

Большой интерес для слушателей представляла тема о духовной хоровой музыке и ее воспитательном аспекте. Рассматривалась проблема хорового воспитания детей в разных конфессиях: католической (профессор Амантиус Акимяк, профессор Ян Шульц, магистр Душан Билл), евангелистской (магистр Иван Валента), православной (профессор Анатолий Болгарский из Киева (Украина), иудейской (доцент Томаш Новотны из Остравы (Чехия), о польской духовной музыке (профессор Анджея Яворска из Люблина (Польша).

Повышенное внимание вызвало обсуждение вокально-хорового творчества выдающихся композиторов и дирижеров Словакии и Чехии, таких, как Ладислав Холуска, Пётр Градил, Павел Прохазка, Леопольд Душинский, Ёзеф Ржигу, мало известных в нашей стране. В выступлениях докладчиков было использовано техническое оснащение в виде фрагментов видеофильмов. Перед участниками форума выступали смешанный хор, вокальный ансамбль педагогического факультета университета, смешанный хор Академии искусств при университете, смешанный хор филологического факультета университета Матея Бела, женский хор еврейской песни филологического факультета Остравского университета из Чехии, симфонический оркестр консерватории Банской Быстрицы. Каждый вечер по окончании рабочего дня в лучших храмах города для участников симпозиума и жителей города проходили концерты классической хоровой музыки.

На завершающем этапе симпозиума разговор шел о вокально-хоровом творчестве европейских стран. Довольно ярко была представлена венгерская хоровая культура. Профессор Магда Граф-Форраи из Будапештского университета продемонстрировала в записи CD-диска исполнение хорами (смешанным и женским) произведений современных венгерских композиторов, а также хоровых миниатюр А. Вивальди, Л. Боккерини, Дж. Паизиелло. Интересным было выступление доктора филологии Петра Ежила о духовной музыке в репертуаре детских хоров Чехии. Доктор педагогики Павел Рэжны из Оломоуцкого университета (Чехия) подробно рассказал о творчестве своего соотечественника Иржи Павлица и интерпретации его хоровой музыки в исполнении ведущих детских хоров Чехии и солистов Оломоуцкой оперы.

На симпозиуме доцентом кафедры хорового дирижирования и вокала Витебского государственного университета им. П.М. Машерова Б.Г. Кожевниковым было предложено выступление на тему: «Инновации вокально-хоровой работы в системе образования Беларуси», в котором были освещены направления музыкально-эстетического воспитания в школьной системе, формы обучения музыке и хорового воспитания в школах с музыкально-хоровым и общеэстетическим уклоном, перспективы развития хорового жанра в системе образования и стремление к профессиональному росту хоровых коллективов. Также отдельно поднимался вопрос о проведении в Беларуси ежегодных хоровых фестивалей: «Магутны Божа» в г. Могилеве, традиционном Международном фестивале православных песнопений в г. Минске, ежегодном Рождественском хоровом празднике в Национальном Белорусском академическом театре им. Я. Коласа в г. Витебске, ежегодном открытом детско-юношеском фестивале хорового искусства учебных заведений «Спяваючы свет», одним из учредителей которого является наш университет.

По окончании симпозиума всем участникам были розданы партитуры (в рукописи) «Приветствую свет» на библейский текст чешского композитора Иржи Павлица. Все присутствующие, приветствуя друг друга, исполнили, читая с листа, этот гимн. Вице-президент симпозиума доцент Милан Пазурик поблагодарил всех за участие в работе и поделился планами о проведении VII симпозиума «Cantus choralis Slovaca» в 2006 году. Доклады, прозвучавшие на симпозиуме, будут напечатаны в течение будущего года.

БИОЛОГИЯ. 8 КЛ.: Учебное пособие для 8 класса учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования, с русским языком обучения с 12-летним сроком обучения (и белорусским языком обучения) / **В.С. Конюшко, В.Я. Кузьменко, А.А. Лешко.** – Мн.: Народная асвета, 2004. – 248 стр.: ил. Тир. 5000 экз. (русский) и 2000 экз. (белорусский).

В Республике Беларусь ведется активная работа по созданию учебно-методических комплексов по всем дисциплинам, в том числе и по биологии. Важным компонентом УМК является учебник.

Для обеспечения учебного процесса по биологии в 8 классе 12-летней школы преподавателями биологического факультета ВГУ В.С. Конюшко, В.Я. Кузьменко, А.А. Лешко разработано и издано оригинальное учебное пособие для школ с русским и белорусским языками обучения.

Учебное пособие включает «Введение», «Строение и жизнь животных (на примере позвоночных)», «Беспозвоночные животные», «Позвоночные животные». В конце учебного пособия приведен лабораторный практикум. Данное издание выгодно отличается от существующих новизной структуры, меньшей загруженностью морфологическим материалом, практической направленностью. Учебное пособие

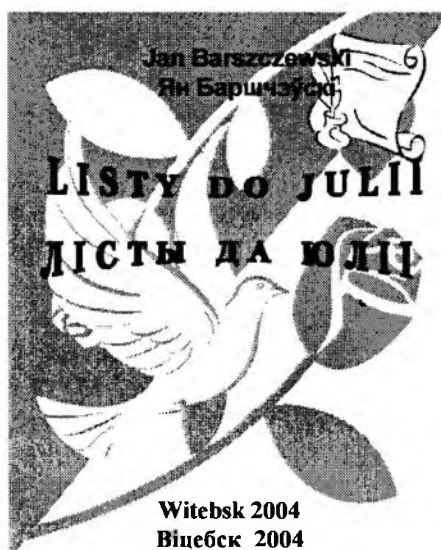
имеет гриф Министерства образования Республики Беларусь.

А.В. Наумчик

Баршчэўскі Я. ЛІСТЫ ДА ЮЛІІ: Письмы, вершы, балады / Укладанне, пераклад з польскай мовы **В.У. Таранеўскага**. Літаратурная апрацоўка вершаў і балад **А.М. Канапелькі**. Падрыхтоўка польскага тэксту да друку **С.М. Якаўлева**. – Віцебск: Выдавецтва УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2004. – 111 с.: іл. Тыр. 125 экз.

Духоўная культура чалавецтва – найважнейшы яго здабытак, а духоўная культура беларусаў і палякаў – агульная спадчына абодвух народаў. Яны калісьці складалі адну дзяржаву – Рэч Паспалітую. Многія выхадцы з нашых земляў праславілі тую дзяржаву. Успомнім А. Міцкевіча, Т. Касцюшку, і Я. Баршчэўскі з таго шэрагу. Кожны з іх мае права быць ацэненым намі, кожны з іх мае права на нашае асэнсаванне іх духу, філасофіі, увогуле зямнога шляху.

«Лісты да Юліі» – гэта духоўная споведзь паэта, якую сёння зможа прачытаць кожны. Томік уключае ў сябе 28 лістоў, іх паэт у перыяд з 1837 па 1844 гг. даслаў з Пецярбурга каханай

жанчыне – Юліі Шапялёвіч-Корсак. Яны тут упершыню надрукаваны ў арыгінальнай мове, з захаваннем усіх арфаграфічных і стылёвых асаблівасцей. Невялікая прадмова «Застаюся назаўсёды шчыраазначлівым», напісаная В. Таранеўскім, удала стасуецца да «Лістоў...» і ўводзіць у задуму кнігі. Партрэт Яна Баршчэўскага, яго аўтографы «Лістоў...» упрыгожваюць выданне, а паштовы голуб на тытульным лісце нагадвае пра рамантычную душу паэта-пілігрыма.

«Лісты да Юліі» адрасаваны самым розным чытацкім колам як у Беларусі, так і ў Польшчы. Кожны зможа зачэрпнуць з іх для сябе: і навукоўцы, і маладыя людзі студэнцкага ўзросту, і пажылыя, філасофія якіх ужо скіравана да Неба, на якое так маліўся Паэт.

Г.П. Харошка

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ИЗ БУМАГИ: СКЛАДЫВАНИЕ И СГИБАНИЕ: Пособие по изобразительному искусству и художественному труду для учащихся общеобразовательных школ и школ с техническим и художественным уклонами / **В.И. Коваленко**. – Мн.: Беларусь, 2003. – 223 с. Тир. 4100 экз.

Учебное пособие подготовлено на основе изучения и обобщения опыта работы педагогов по изготовлению разнообразных поделок из бумаги. В пособии представлены образцы поделок из бумаги на основе сгибания, складывания и процессов их изготовления, доступных для изготовления учащимися 4–8-х классов.

Выполнение предлагаемых поделок будет способствовать развитию у учащихся эстетического вкуса, наблюдательности, фантазии, конструкторского и творческого мышления.

Большинство приводимых в пособии образцов поделок нет необходимости выполнять с буквальной точностью – их желательно рассматривать как средство пробуждения и стимулирования творческого воображения. Поэтому в пособии показаны лишь возможные варианты изделий и раскрыты общие принципы их изготовления.

Пособие разработано профессором кафедры декоративно-прикладного искусства В.И. Коваленко и рекомендовано Научно-методическим центром учебной книги и средств обучения Министерства образования Республики Беларусь.

В.В. Кулененок

В.И. Гидранович (к 70-летию со дня рождения)

Гидранович Виктор Иосифович, доктор биологических наук, профессор кафедры химии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, родился 28 октября 1934 года в крестьянской семье в деревне Корысть Старобинского района Минской области. В 1954 году окончил Метявичскую среднюю школу и поступил в Витебский ветеринарный институт. В 1959 году, после окончания института, был направлен на Витебскую областную опытную станцию, где работал вначале младшим, а затем старшим научным сотрудником. В 1963 году поступил в аспирантуру на кафедру биохимии Витебского ветеринарного института. После окончания аспирантуры был направлен на работу в Витебский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова, где работал старшим преподавателем, затем

доцентом кафедры химии. В 1966 году защитил диссертацию на соискание степени кандидата биологических наук по специальности «Биологическая химия», а в 1968 году был избран деканом биолого-химического факультета. С 1969 года по 1988 год его жизнь связана с Витебским ветеринарным институтом. С 1972 по 1991 гг. В.И. Гидранович был членом Научного координационного совета по биохимии животных и человека при Академии наук СССР. В 1982 году на базе кафедры по линии Академии наук СССР была проведена Всесоюзная конференция по биологии животных. В 1987 году Виктор Иосифович защитил докторскую диссертацию по теме «Обмен углеводов в эндокринных железах животных», в 1989 году утвержден в звании профессора кафедры органической и биологической химии. С 1998 года В.И. Гидранович зачислен профессором кафедры химии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, где работает по настоящее время.

Сегодня область научных интересов ученого составляет изучение влияния экологических факторов на ферментативные системы обмена углеводов естественных популяций животных. По данным проблемам опубликовано более 250 научных работ, подготовлено 2 доктора, 3 кандидата наук и 5 магистров по биологической химии. Под руководством профессора В.И. Гидрановича выполняются дипломные работы и работает студенческое научное общество кафедры. Под его руководством за последние 5 лет опубликовано более 20 студенческих научных работ, результаты исследований доложены студентами на международных, республиканских и университетских конференциях. На Республиканском конкурсе студенческих научных исследований под руко-

водством Виктора Иосифовича было представлено 4 студенческие работы, которые получили I и II категории.

За многолетний плодотворный труд профессор В.И. Гидранович награжден Почетной грамотой Витебского обкома и облисполкома, Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования СССР, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Республики Беларусь и Грамотой Министерства образования Республики Беларусь.

Коллектив кафедры химии

В.П. Климович (к 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет Валентину Петровичу Климовичу – доценту, кандидату педагогических наук, декану художественно-графического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Валентин Петрович родился 18 августа 1944 года в городе Челябинске Российской Федерации. С 1951 по 1961 гг. он учился в средней школе № 2 г. Чаусы Могилевской области. В 1961 году он поступил на художественно-графический факультет Витебского государ-

ственного педагогического института им. С.М. Кирова. С 1963 по 1966 гг. проходил службу на Балтийском флоте в морских частях пограничных войск СССР, после чего продолжил обучение на художественно-графическом факультете, который успешно закончил в 1969 году. В студенческие годы В.П. Климович принимал активное участие в общественной и спортивной жизни факультета.

По окончании института три года Валентин Петрович работал руководителем изостудии Витебского областного Дворца пионеров и школьников, где за это время подготовил для поступления в художественные вузы, архитектурные и художественно-графические факультеты более 50 учащихся.

В 1972 году В.П. Климович приглашен в Витебский пединститут для работы в качестве преподавателя, а затем и старшего преподавателя (1976) кафедры рисунка и живописи. В 1975, 1977 и 1983 гг. исполнял обязанности ответственного секретаря приемной комиссии Витебского пединститута.

С 1976 по 1978 гг. – аспирант заочного отделения, а с 1978 по 1980 гг. – дневного отделения при кафедре рисунка и преподаватель художественно-графического факультета Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, где под руководством профессоров Н.Н. Ростовцева и дважды лауреата Государственных премий СССР, народного художника РСФСР К.М. Максимова он успешно защитил кандидатскую диссертацию по проблемам теории и методики преподавания композиции в высшей школе.

После окончания аспирантуры он вернулся в Витебский пединститут в качестве старшего преподавателя, а с 1986 года продолжил работать доцентом кафедры изобразительного искусства. За время работы на кафедре изобрази-

зительного искусства он зарекомендовал себя грамотным специалистом, владеющим высокой профессиональной культурой и современными технологиями образования. Лекции по теории композиции и другие виды учебных занятий по специальным дисциплинам проводятся на высоком научно-методическом уровне, базирующемся на новейших достижениях науки и требованиях высшей школы.

В январе 1986 года Валентин Петрович избирается деканом художественно-графического факультета, где в полной мере проявляются его способности организатора и педагога. Под его руководством на факультете сформировался работоспособный коллектив ученых и педагогов, получила существенное развитие материальная база. Большое внимание В.П. Климович уделяет художественному оформлению интерьеров университета.

В.П. Климович автор более 30 печатных научных работ, среди которых три программы педагогических институтов по композиции для художественно-графических факультетов (соавторы Е.В. Шорохов, А.П. Яшухин), утвержденных Управлением учебных заведений Министерства просвещения СССР (М.: Просвещение, 1983, 1988) и Министерства образования Российской Федерации (М.: Наука – Флинта, 2000). Валентин Петрович принимал активное участие в разработке образовательного стандарта для специальности «Изобразительное искусство и черчение. Трудовое обучение» (Минск, 2000). Он является организатором четырех республиканских научно-практических конференций «Изобразительное искусство в системе образования». Участник городских, областных и республиканских выставок. Им подготовлен один кандидат педагогических наук (2002 г.) и четыре магистра педагогики (изобразительное искусство), постоянно руководит научными исследованиями и творческими работами студентов-дипломников.

Педагогический опыт и авторитет в преподавательской среде позволили В.П. Климовичу в течение последних 20 лет быть постоянным председателем жюри городских, областных и 11 республиканских олимпиад по изобразительному искусству среди учащихся педагогических колледжей и училищ Республики Беларусь, учащихся художественных школ искусств, общеобразовательных школ, школ с художественным и архитектурно-художественным уклоном Витебска и Витебской области.

За многолетнюю безупречную работу В.П. Климович награждался Почетными грамотами Министерства образования Республики Беларусь, Витебского горисполкома и облисполкома, Знаком «Отличник образования». В 2004 году ему объявлена Благодарность Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

Коллеги желают юбиляру крепкого здоровья, оптимизма, успехов в дальнейшей научной, педагогической и общественной деятельности. Счастья и благополучия Вам и Вашей семье, Валентин Петрович!

Н.Н. Гугнин

8-10 сентября 2004 г. в Беловеже (Польша) проходила XIV Всепольская ономастическая конференция «Ономастика на пороге нового века». Инициаторами проведения конференции выступили Институт восточнославянской филологии Белостокского университета, с которым наш университет связывает договор о сотрудничестве, и Ономастическая комиссия Комитета языкознания Академии наук Польши.

В конференции приняли участие ведущие ономасты из десяти стран: *Польши* (представители ономастических школ из двадцати городов: Белостока, Варшавы, Кракова, Гданьска, Люблина, Познани, Вроцлава, Ольштына, Липска, Ополе, Быдгоща, Катовице, Кельце, Лодзи, Ломжи, Дыгова, Зелёной Гуры, Седльце, Слупска, Щецина), *Беларуси, Болгарии, Германии, Литвы, России, Словакии, Словении, Украины, Чехии*. Витебский государственный университет на конференции представляли заведующая кафедрой общего и русского языкознания профессор А.М. Мезенко, старший преподаватель Т.И. Синкевич, аспирант А.Н. Деревяго.

Конференция носила научный характер, способствовала обмену опытом ономастической работы, установлению профессиональных контактов.

- 28 сентября в нашем университете состоялись педагогические чтения, посвященные памяти известного белорусского профессора, автора шестидесяти научных работ, бывшего заведующего кафедрой педагогики и психологии Иосифа Чернышенко. В 60–70-е годы прошлого века в Беларуси Чернышенко называли «Наш Макаренко». В витебской средней школе № 15, где Иосиф Дмитриевич на протяжении многих лет работал директором, его просто боготворили. И неудивительно. Для учителя не составляло проблемы выполнить практически любую работу: создать проект дома, изготовить чертеж детали, написать за одну ночь статью в научный журнал.

Именно в этой школе (сейчас это гимназия № 1) наиболее ярко проявился талант педагога-новатора, усилиями которого был создан первый в республике учебно-производственный комбинат. Стремление самореализоваться привело Чернышенко в 1966 году в Витебский педагогический институт имени С.М. Кирова. И уже через год по его инициативе тут открылись инструктивно-методический лагерь по подготовке воспитателей для детских летних лагерей и Совет по защите кандидатских диссертаций, а чуть позже – лаборатория трудового воспитания школьников.

И в наши дни в учительской среде пользуются популярностью монографии Иосифа Дмитриевича Чернышенко «Трудовое воспитание школьников», «Система общественно полезного труда учащихся современной школы» (кстати, отмеченные в 1970-е годы Академией педагогических наук СССР как одни из лучших).

А.Н. Фенченко

У другой палове верасня сябры Беларускага саюза мастакоў прафесар кафедры дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва В.В. Шамшур і загадчык кафедры мастацтваў М.Л. Цыбульскі прынялі ўдзел у чарговым XI міжнародным пленэры «Усход–Заход–2004», які адбыўся ў г. Горліцэ (Польшча). Разам з творцамі з Італіі, Францыі, Англіі, Расіі, Украіны нашы мастакі на працягу двух тыдняў знаёміліся з багатай і разнастайнай культурай і гісторыяй братняга польскага народа, наведалі старажытны Кракаў, актыўна творча працавалі. Паколькі сярод удзельнікаў пленэру былі прадстаўнікі розных творчых арганізацый і ўстаноў – Саюза польскіх мастакоў і групы мастакоў польскага паходжання «Vigos» з Англіі, Саюза незалежных мастакоў Расіі, Беларускага саюза мастакоў, Львоўскага таварыства аматараў выяўленчага мастацтва, Львоўскай Акадэміі мастацтваў і шэрагу іншых еўрапейскіх навучальных устаноў, нямала часу было прысвечана і развіццю ўзаемных кантактаў.

На заключнай выставе, якая была разгорнута ў вядомай у гэтым рэгіёне Польшчы галерэі «Dwór Karwaciaków» сярод твораў іншых удзельнікаў пленэру экспанаваліся пейзажныя кампазіцыі В.В. Шамшура, выкананыя ў тэхніцы пастэлі, акварэлі і гуашавы жываліс М.Л. Цыбульскага.

● 4 ноября 2004 г. Витебский областной центр физического воспитания и спорта учащихся и кафедра теории и методики физической культуры УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова» провели IV региональную научно-практическую конференцию «Состояние и проблемы физического воспитания школьников». Участники конференции обсудили общие вопросы состояния физического воспитания и здорового образа жизни школьников Витебской области, проблемы физического воспитания детей с отклонениями в состоянии здоровья и нарушенным психофизическим развитием, обменялись опытом решения задач физического воспитания в общеобразовательной школе.

По итогам работы конференции издан сборник статей и докладов практических работников системы образования и научных сотрудников нашего университета.

Ф.И. Шкирандо

18 ноября 2004 г. в университете состоялся III международный научный семинар «Человек в окружающем мире». На этот раз он был посвящен проблемам глобализации. Обсуждавшаяся на семинаре проблема весьма актуальна. В последние два десятилетия мы являемся свидетелями расширения и углубления всего комплекса социальных связей и отношений. На семинаре были рассмотрены актуальные вопросы мирового политического процесса, а также проблемы духовного самоопределения человека в глобализирующемся мире. В ходе дискуссии подчеркивалось, что современная глобализация – закономерное и объективное явление, достаточно сложное и противоречивое. Участники семинара уделили самое пристальное внимание социально-политическим, экономическим, технологическим, правовым и культурным связям и процессам, которые приобрели всемирный характер. Были представлены доклады и сообщения из многих вузов Республики Беларусь, а также из Сарагосы (Испания).

Э.И. Рудковский

С 16-го по 18-е ноября 2004 года в УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина» была проведена международная научно-практическая конференция-фестиваль, приуроченная к знаменательной дате – 50-летию Детского народного ансамбля песни и танца «Прибужье», известного не только в Беларуси, но и далеко за ее пределами. Этот популярный коллектив базируется в Национальной гимназии искусств № 3 города Бреста.

Тема международной научной конференции: «Воплощение национальной идеи в контексте общечеловеческих ценностей и детско-юношеского художественного творчества». В работе конференции принимали участие представители Министерства образования РБ, высших учебных заведений Беларуси, России, Украины, Литвы, Германии, Польши, гости из Дании и Голландии. Всего около 150 человек. На конференции освещался определенный круг достижений в области детско-юношеского образования, воспитания и творчества, способствующих инновационным научным и практическим подходам к решению возникающих проблем, распространению передового опыта и интересных творческих примеров в области образования и воспитания.

Главная тема, пронизывающая идею и направленность всей конференции, выражалась в роли художественного творчества в формировании, развитии и реализации национальной идеи, выдвинутой академиком Е.М. Бабосовым. Выступления с докладами на конференции постоянно перемежались с практическими показами открытых уроков, мастер-классов брестских учителей и преподавателей БрГУ им. А.С. Пушкина, концертных выступлений образцовых коллективов учащихся Национальной гимназии искусств № 3, музыкальной гимназии № 4, художественной школы № 10, а также концертного выступления профессоров Челябинского университета искусств, заслуженных артистов России В.Г. Герасимова (баян) и Л.В. Герасимовой (аккордеон).

При подведении итогов работы научно-практической конференции была дана высокая оценка организации, научной обоснованности и злободневности вышеуказанной тематики конференции. Решением оргкомитета наиболее активные участники были удостоены Дипломов международной научно-практической конференции-фестиваля в г. Бресте.

Б.Г. Кожевников

19 ноября 2004 года в выставочном зале Центра современного искусства г. Витебска открылась юбилейная выставка творческих работ преподавателей, посвященная 45-летию художественно-графического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова».

Экспозицию составили более 90 работ 34 участников выставки – преподавателей кафедр изобразительного и декоративно-прикладного искусства. На выставке представлены акварели А. Карпана, М. Левковича, И. Шкуратова, Н. Гугнина, графика А. Чмиля и Г. Исакова, работы маслом О. Костогрыза, В. Нестеренко, И. Лисицы, В. Климовича, А. Ковалева, Т. Глевицкой, скульптуры И. Колодовского, резьба по дереву И. Хитько и А. Герасимова, дизайнерские проекты В. Кулененка, батики Н. Яковицкой и работы других педагогов-художников.

Выставка свидетельствует о том, что преподаватели факультета успешно сочетают педагогическую и научную работу с активной творческой деятельностью.

Н.А. Гугнин

ЛИТВЕНКОВА

Евгения Александровна

28 сентября 2004 г. на семьдесят седьмом году жизни скончалась доцент кафедры зоологии Евгения Александровна Литвенкова.

Евгения Александровна родилась в 1928 году в г. Ярцево Смоленской области. В 1941 году она с матерью Клавдией Петровной и сестрой эвакуировалась в деревню Елхов Бузулукского района Оренбургской области, где проживала до 1946 года. Здесь же окончила 10 классов Воронцовской средней школы.

В 1946 году семья вернулась на прежнее место жительства в Смоленскую область. В этом же году Евгения Александровна поступила в Витебский ветеринарный институт.

После окончания института в 1951 году работала преподавателем терапии внутренних незаразных болезней,

домашних животных в Витебском ветеринарном техникуме.

В 1952 году Евгения Александровна поступила учиться на заочное отделение биолого-химического факультета Витебского педагогического института им. С.М. Кирова и после успешного его окончания была принята на работу ассистентом кафедры общей биологии Витебского медицинского института.

С 1958 года Евгения Александровна постоянно работала в Витебском педагогическом институте: вначале ассистентом кафедры зоологии, а с 1963 года – старшим преподавателем, а с 1965 года – доцентом кафедры зоологии.

В 1963 году Евгения Александровна защитила диссертацию, и ей была присуждена ученая степень кандидата биологических наук.

Е.А. Литвенкова с 1969 г. по 1973 год была деканом биолого-химического факультета.

Евгения Александровна преподавала курс зоологии беспозвоночных, постоянно повышала свою квалификацию на ИПК, ФПК и стажировках в различных высших учебных заведениях СССР. Она стала профессиональным высококвалифицированным педагогом. На высоком научно-методическом уровне читала курсы лекций по зоологии беспозвоночных и паразитологии, вела лабораторные занятия и полевую практику. Евгения Александровна была требовательна к себе и студентам, но в то же время учитывала индивидуальные особенности студентов.

Работая на кафедре зоологии, Евгения Александровна сформировалась не только как профессиональный педагог, но и как известный ученый в области протозоологии. Ею опубликовано 60 научных работ по кокцидиозу птиц и млекопитающих в научных журналах и сборниках. Она неоднократно участвовала в работе международных конгрессов, съездов и симпозиумов (Варшава, Ленинград), Всесоюзных паразитологических съездов (Киев, Москва, Ленинград, Баку и т.д.), где ее научные результаты неизменно получали высокую оценку коллег-ученых.

Евгения Александровна вела большую научную работу со студентами биологического факультета. На протяжении 25 лет она успешно руководила студенческим научным обществом факультета. Научные работы студентов, выполненные непосредственно под ее руководством, неоднократно отмечались высокими наградами на республиканских конкурсах студенческих научных работ.

За большие успехи в педагогической и научной работе Евгения Александровна награждена знаками «Отличник просвещения СССР» и «Отличник народного образования БССР», юбилейными медалями «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда», двумя почетными грамотами Министерства просвещения БССР, почетными грамотами Витебского облисполкома, горисполкома, райисполкомов.

Евгения Александровна активно участвовала в общественной жизни. Она руководила университетом культуры, неоднократно была куратором студенческих групп, избиралась членом парткома института и членом партбюро биологического факультета.

Светлая память о замечательном человеке, педагоге и ученом навсегда сохранится в сердцах ее коллег, друзей и знакомых.

**А.А. Лешко,
В.Я. Кузьменко,
А.М. Дорофеев**

УДК 323(476)(091)

Мигуцкий С.Г. Становление гражданского общества в современной Беларуси и влияние идеологии на его формирование // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 3–9.

В данной статье речь идет о социальных процессах, происходивших в Беларуси в начале 1990-х гг., о процессе становления «третьего сектора» и его участии в жизни государства. Особое внимание уделяется вопросу о взаимоотношениях между неправительственными организациями и государством, а также роли идеологии в процессе становления на территории Республики Беларусь правового государства.

Библиогр. – 15 назв.

УДК 908 (476.5)

Півавэр М.В. Краязнаўчая дзейнасць клуба «Узгор'е» ў Віцебску ў канцы 1980-х – пачатку 1990-х гадоў // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 10–13.

З сярэдзіны 1980-х гг. адбываюцца пэўныя змены ў грамадскім жыцці СССР. Ва ўмовах абуджэння грамадскай актыўнасці мас, аднаўлення цікавасці да гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі, крызіса камуністычнай ідэалогіі новай формай грамадскай актыўнасці стала дзейнасць неформальных арганізацый і таварыстваў. На жаль, яна амаль не знайшла адлюстравання ў айчынай навуковай літаратуры. У той жа час такія грамадскія аб'яднанні адыгралі важную ролю ў жыцці грамадства. Аналіз матэрыялаў дазваляе сцвярджаць, што важнае значэнне ў фарміраванні грамадскай супольнасці Беларусі, абуджэнні ў людзей цікавасці да гістарычнай спадчыны і прыцягненні іх да ўдзелу ў яе захаванні адыграла Віцебскае аб'яднанне «Узгор'е».

Бібліягр. – 19 назв.

УДК 398.21:316.346.2 – 055.2

Пушкина О.И. Брак как критерий оценки женского успеха и модели его достижения в сказках восточных славян // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 14–17.

Являясь носителями культурных стереотипов, сказки отражают модели социализации человека. Их исследование позволяет более глубоко понять многие культурные процессы современности. Уже в сказках брак выступает как критерий женского успеха. В статье рассматриваются различные модели его достижения, нашедшие отражение в сказках восточных славян, прослеживается их влияние в современном социуме.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 338.24(075.8)

Смольский А.П. Антикризисное управление экономически несостоятельным предприятием: оперативный и стратегический аспекты // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 18–23.

Рассматриваются содержание и взаимосвязь оперативного и стратегического уровней антикризисного управления предприятием. Проанализированы противоречия между ними, необходимость и возможности согласования их целей и способов реализации.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 330

Орлов В.И. Неформальная экономика и реформирующиеся общества // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 24–30.

Раскрываются социально-экономические и политические принципы широкого распространения неформальной экономики на постсоветском пространстве, анализируются различные функции этой экономики в реформирующихся обществах.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 312.874

Жукова Е.Т., Родичева Е.В. Графическая подготовка воспитателей дошкольного образования к работе с детьми // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 31–39.

Рассматриваются вопросы владения графической грамотой воспитателями дошкольных учреждений. Как показали исследования, учебная и методическая литература, дидактические материалы, предназначенные для данной категории людей, включают до 80% от общего объема разноплановые изображения (чертежи, схемы, рисунки, наглядные изображения и др.). Все виды изображений, применяемых в воспитании и обучении детей, выстроены в систему, что дает возможность определить содержание графической подготовки специалистов, которая должна быть неотъемлемой частью их профессионализма. Восполнить этот пробел поможет спецкурс «Основы графической информации». Дано обоснование необходимости введения его в учебный процесс соответствующих учебных заведений и предложен проект программы.

Табл. – 1. Библиогр. – 7 назв.

УДК 371.132

Гайковая О.Л. Готовность будущего педагога к формированию у учащихся-подростков социально-нравственной устойчивости // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 39–44.

Представлен современный подход к определению содержания профессиональной готовности будущего учителя к формированию социально-нравственной устойчивости у учащихся-подростков, которая рассматривается автором как интегративное личностное качество-ценность, как процесс и как результат. Обоснована необходимость выделения в структуре профессионально-педагогической готовности педагога мотивационного, когнитивного, операционно-деятельностного, эмоционально-волевого и креативно-оценочного компонентов в психологическом, теоретическом и практическом аспектах.

Рис. – 1. Табл. – 1. Библиогр. – 10 назв.

УДК 316. 61 + 316. 356. 2

Девярых С.Ю. Идеалы мужа и жены в юношеском возрасте: гендерные различия и прогноз супружеских отношений // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 45–49.

Статья основывается на результатах эмпирического исследования, в ней анализируются гендерные различия идеалов мужа и жены у лиц юношеского возраста, дается прогноз их будущих супружеских отношений.

Табл. – 1. Библиогр. – 10 назв.

УДК 316.622.066

Кухтова Н.В. Сравнительный анализ личностных и ситуационных детерминант у старших школьников с просоциальной и асоциальной направленностью поведения // *Веснік ВДУ*, 2004, № 4(34). – С. 50–55.

Нашел отражение анализ данных, который позволил определить психологические особенности проявления личностных и ситуационных детерминант просоциального поведения личности подростков с различными уровнями асоциальности-просоциальности. На основе проведенного анализа были установлены значимые независимые переменные, определяющие проявление просоциального и асоциального поведения.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 808.2–08

Минина Н.Е. «Нам всем подобает умирать за единый азъ...» (о взаимосвязи языка и обрядности в старообрядческом социуме) // *Веснік ВДУ*, 2004, № 4(34). – С. 56–60.

На материале островных русских (старообрядческих) говоров Витебщины выявлены языковые доминанты, которые наиболее ярко отражают особенности быта, уклада жизни, веры старообрядцев, осознаются ими как свои, исконные, и не характерны для белорусского диалектного окружения.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 808.26–558

Кузьміна А.У. Суадноснасць лексічнага і граматычнага (трывальнага) значэнняў афіксаў // *Веснік ВДУ*, 2004, № 4(34). – С. 60–64.

Даследуецца суадноснасць лексічнага і граматычнага (трывальнага) значэнняў афіксаў, якія прымаюць удзел ва ўтварэнні прэфіксальна-суфіксальных адыменных дзеясловаў.

Бібліягр. – 13 назв.

УДК 802.2

Тагаев М.Дж. Морфемно-словообразовательная концептосфера как дискурсивно-семантическое поле смыслопорождения // *Веснік ВДУ*, 2004, № 4(34). – С. 64–69.

Словообразование имени рассматривается с когнитивных позиций, когда морфемно-словообразовательные связи слов в концептосфере связывают не только однокоренные и родственные слова, но и различные дискурсы.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 81'376:811.161.3

Алісіевіч С.А. Эвалюцыя паняцця «перыяд» у мовазнаўстве // *Веснік ВДУ*, 2004, № 4(34). – С. 69–72.

Высвятляецца ўзнікненне і станаўленне ў мовазнаўстве паняцця «перыяд». Аўтар сцісла разглядае эвалюцыю перыяду з антычнасці па цяперашні час.

Бібліягр. – 7 назв.

УДК 882.06(091) + 37(091)(476)

Емяльянаў А.С. Якуб Колас – дзіцячы пісьменнік і педагог у «Другім чытанні для дзяцей беларусаў» // *Веснік ВДУ*, 2004, № 4(34). – С. 73–76.

Прыведзены эстэтычны аналіз твораў розных жанраў, якія ўвайшлі ў вучэбную кнігу Якуба Коласа, паказана іх роля ў адукацыі і выхаванні малодшых школьнікаў.

Бібліягр. – 2 назв.

УДК 882.6-1

Лапацінская В.В. Ідэйна-мастацкая функцыя тропаў у творчасці Анатоля Сербантовіча (на прыкладзе метафары) // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 77–83.

Артыкул прысвечаны даследаванню праблемы паэтыкі тропаў. Аналіз ідэйна-мастацкай функцыі метафар (з дапамогай сродкаў статыстычнага аналізу) у творчасці А. Сербантовіча сведчыць, што ад «Азбукі» да «Пярсцёнкі» стыль паэта відавочна мяняўся: становіўся ўсё больш «сінкрэтычным», спалучаўся з прынцыпамі рамантычнага і рэалістычнага пісьма, набываў адзнакі адметнасці і індывідуальнай своеасаблівасці.

Дыягр. – 1. Табл. – 1. Бібліягр. – 5 назв.

УДК 152.823.8:78(07)

Гребельник С.Г. О соотношении слуха абсолютного и относительного // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 84–87.

Сходство между слухом абсолютным и относительным в том, что оба они складываются в процессе восприятия музыки. Различие их состоит в путях образования: абсолютное слышание складывается при отражении звуковых комплексов, каждый из которых представляет неразлагаемое единство компонентов, а относительное слышание – при отражении звуковых комплексов, представляющих сумму этих элементов.

Бібліогр. – 9 назв.

УДК 784

Захарова Т.Л. О некоторых проблемах развития современного самодеятельного хорового творчества // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 88–91.

Данное исследование посвящено такой важной проблеме современного общества, как формирование духовной и нравственной культуры личности-гражданина.

Автор акцентирует основное внимание на хоровой культуре как отражении духовных и патриотических традиций нашего народа, на исполнительской деятельности хора как основном средстве формирования нравственно-эстетической культуры хористов и слушателей.

Бібліогр. – 5 назв.

УДК 512.542

Liu Yu-Feng, Yu Qiu. On Modular Property for Fitting Classes // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 92–93.

В работе определены достаточные условия, при которых решетка классов Фиттинга является модулярной.

Бібліогр. – 10 назв.

УДК 512.542

Княгина В.Н. О разрешимости конечных групп с перестановочными подгруппами Шмидта четного порядка // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 94–96.

Устанавливается разрешимость конечных групп с 2-замкнутыми и 2-нильпотентными подгруппами Шмидта, обладающими определенными свойствами.

Бібліогр. – 9 назв.

УДК 539.3 : 531.2 : 616.21

Михасев Г.И., Ермоченко С.А., Ситников В.П. О простейшей модели расчета напряженно-деформированного состояния колебательной системы реконструированного среднего уха // *Веснік ВДУ*, 2004. № 4(34). – С. 97–102.

Предлагается упрощенная математическая модель для расчета статического напряженно-деформированного состояния реконструированной колебательной системы среднего уха после введения протеза, замещающего звено «молоточек-наковальня». Рассматриваемая механическая система состоит из круглой пластинки, моделирующей искусственную барабанную перепонку, и сопряженного с ней Т-образного протеза, который шарнирно связан со стремением. В явном виде получены соотношения для определения начальных малых перемещений барабанной перепонки, основания стремени, а также напряжений в шарнирном соединении протеза и стремени как функции длины вводимого протеза.

Рис. – 3. Библиогр. – 7 назв.

УДК 539.3: 534.1

Корчевская Е.А. Потеря устойчивости некруговой слоистой цилиндрической оболочки при кручении // *Веснік ВДУ*, 2004, № 4(34). – С. 102–106.

Рассматривается задача о потере устойчивости некруговой цилиндрической оболочки средней длины при кручении. В качестве исходных используются уравнения уточненной теории многослойных оболочек. А в качестве граничных условий на краях – условия шарнирного опирания. Предполагается, что потеря устойчивости происходит вблизи слабой образующей. С использованием асимптотического метода двумерные уравнения многослойных оболочек сведены к последовательности одномерных краевых задач. Найден параметр критической нагрузки.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 577.124 : 594.1

Гидранович В.И., Лесович А.А. Активность фосфоглюкомутазы под действием нитрат-ионов в организме *Anodonta cygnea* // *Веснік ВДУ*, 2004. № 4(34). – С. 107–112.

В результате экспериментальных исследований установлено, что нитраты в концентрации 250, 500, 1000 и 2500 мг/л активируют фосфоглюкомутазу в организме *Anadonta cygnea*. Степень активирования зависит от концентрации нитратов и времени воздействия. Определение активности фосфоглюкомутазы в организме беззубки может быть использовано с целью оценки загрязнения водоемов нитратами.

Рис. – 2. Библиогр. – 10 назв.

УДК 595.78

Денисова С.И. Динамика содержания вторичных метаболитов в листьях кормовых растений чешуекрылых // *Веснік ВДУ*, 2004, № 4(34). – С. 112–118.

Многие вторичные вещества лежат в основе защитных систем растений против фитотрофных насекомых.

Самые высокие концентрации фенолов, алкалоидов и танинов характерны для листа дуба на протяжении всего периода вегетации, самые низкие – у березы, а лист ивы занимает промежуточное положение по концентрации вышеуказанных аллелохемиков. У дуба черешчатого лист отличается самым высоким содержанием пирогаллола. Лист березы бородавчатой содержит

минимальное количество пирокатехина и пирогаллола, а лист корзиночной – максимальное количество пирокатехина и цианогенные глюкозиды.

Табл. – 1. Библиогр. – 14 назв.

УДК 91(09)(476)

Пиловец Г.И. Полувековая деятельность Белорусского Географического общества // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 119–122.

Представлена история создания Белорусского Географического общества и многогранная плодотворная деятельность белорусских географов за годы его существования.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 314(947.6)

Шаматульская Е.В. Демографические и региональные аспекты старения сельского населения Витебской области (1979–1999 гг.) // Веснік ВДУ, 2004, № 4(34). – С. 123–126.

Старение населения как основная тенденция в эволюции возрастной структуры особенно характерно для сельского населения Витебской области. При этом наблюдается еще и сильная порайонная дифференциация в доле лиц пожилого возраста.

Рис. – 1. Табл. – 3. Библиогр. – 3 назв.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Алісіевіч Святлана Аляксандраўна	– аспірантка кафедры беларускага мовазнаўства БДПУ імя М. Танка
Арлоў Валерый Іванавіч	– кандыдат філасофскіх навук
Гайкавая Вольга Леанідаўна	– аспірантка кафедры педагогікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Гідрановіч Віктар Іосіфавіч	– доктар біялагічных навук, прафесар кафедры хіміі ВДУ імя П.М. Машэрава
Грабельнік Станіслаў Герасімавіч	– кандыдат псіхалагічных навук, дацэнт кафедры харавога дырыжыравання і вакала ВДУ імя П.М. Машэрава
Дзевятых Сяргей Юр’евіч	– старшы выкладчык кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Дзянісава Святлана Іванаўна	– кандыдат біялагічных навук, прафесар кафедры заалогіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Емяльянаў Анатоль Серафімавіч	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Ермачэнка Сяргей Аляксандравіч	– магістрант матэматычнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава
Жукава Алена Ціханаўна	– кандыдат педагогічных навук, прафесар кафедры начартальнай геаметрыі і тэхнічнай графікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Захарава Таццяна Львоўна	– дацэнт кафедры харавога дырыжыравання і вакала ВДУ імя П.М. Машэрава
Карчэўская Алена Аляксееўна	– выкладчык кафедры прыкладной матэматыкі і механікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Княгіна Вікторыя Мікалаеўна	– аспірантка кафедры алгебры і геаметрыі ГДУ імя Ф. Скарыны
Кузьміна Алеся Уладзіміраўна	– аспірантка Інстытута мовазнаўства імя Я. Коласа НАН Рэспублікі Беларусь
Кухтова Наталля Валянцінаўна	– аспірантка кафедры псіхалогіі і карэкцыйнай работы ВДУ імя П.М. Машэрава
Лапацінская Вольга Віктараўна	– аспірантка кафедры беларускай літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава

Лі Ю Фенг	– дацэнт Шандонгскага інстытута бізнесу і тэхналогій (Кітайская Народная Рэспубліка)
Лясовіч Анатоль Анатольевіч	– студэнт V курса біялагічнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава
Мігуцкі Сяргей Генадзьевіч	– аспірант Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
Мініна Наталля Яфімаўна	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры агульнага і рускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
Міхасёў Генадзій Іванавіч	– прарэктар па навуковай рабоце, доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар кафедры прыкладной матэматыкі і механікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Півавар Мікалай Васільевіч	– настаўнік Лужаснянскай гімназіі для здольных і таленавітых дзяцей Віцебскай вобласці
Пілавсц Галіна Іванаўна	– дацэнт кафедры геаграфіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Пушкіна Вольга Іванаўна	– выкладчык кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Родзічава Кацярына Валер’еўна	– выкладчык Мінскага педагагічнага каледжа № 2 імя М. Танка
Сітнікаў Валерый Пятровіч	– намеснік дырэктара па навуцы Санкт-Пецярбургскага інстытута хвароб вуха, горла, носа і маўлення, доктар медыцынскіх навук, прафесар
Смольскі Аляксей Пятровіч	– дацэнт кафедры эканомікі Віцебскага філіяла УА «Інстытут сучасных ведаў»
Тагаеў Мамед Джакыпавіч	– дэкан філалагічнага факультэта Ошскага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (Рэспубліка Кыргызстан)
Шаматульская Алена Уладзіміраўна	– выкладчык кафедры геаграфіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Ю Кі	– старшы выкладчык Хай-Хайскага інстытута тэхналогій (Кітайская Народная Рэспубліка)

П Е Р А Л І К

артыкулаў, змешчаных у часопісах «Веснік Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта імя П.М. Машэрава» (№№ 31–34)

	С.	№
<i>Liu Yu-Feng, Yu Qiu.</i> On Modular Property for Fitting Classes	92	34
Адаменко Н.Д., Оганджян О.П. Подготовка будущих программистов к работе с сетевыми базами данных	76	33
Алісіевіч С.А. Эвалюцыя паняцця «перыяд» у мовазнаўстве	69	34
Андреев А.Н., Канторович О.К. Игра как способ реализации дискурса персонажей в пьесах Гарольда Пинтера	121	33
Антонычева Е.Ю. Технология обучения акварельной живописи пейзажа в условиях пленэра	62	31
Байнев В.Ф., Дадеркина Е.А. Теоретические основы полезностной оценки эффективности инноваций	36	33
Бароўка В.Ю. Міфалагічныя вобразы ў сучаснай беларускай прозе	107	33
Бароўка В.Ю. У пошуках аптымальнай метадалогіі	147	32
Башун Н.З. Ферменты метаболизма ГАМК в мозге при экспериментальной ишемии и реперфузии	97	31
Беженарь Ю.П. Графическая подготовка школьников с использованием компьютерных технологий	56	31
Бойчук В.Н., Гуревич Р.С., Хитько И.П. Использование компьютерных технологий в процессе обучения резьбе по дереву	49	31
Борботько П.В. Правотворческая деятельность фракции СДПГ по вопросу принятия конституции в немецком Национальном собрании в 1919 году	54	33
Борботько П.В. Становление правовой части программы Немецкой католической партии центра в 1870–1921 гг.	44	31
Бочков А.А., Ивашкевич Е.Ф. Законодательство России и Беларуси в области свободы совести и религиозных организаций	58	33
Бруцкі А.П. Калі неба плакала крывёю	3	33
Буйнов Н.С., Иванов В.С. Спектр элементарных возбуждений в системе осцилляторного типа	128	32
Василенко Е.А. Н.Н. Шкут (к 60-летию со дня рождения)	158	33
Василенко С.Г., Нурбаева М.Н., Сорокина С.А. Показатели центральной гемодинамики и вегетативная регуляция сердца у подростков	150	33
Васюковіч Л.С. Інтэрпрэтацыя мастацкага тэксту падручніка як вучэбна-пазнавальная дзейнасць	72	32
Вежновец В.В. Видовой состав зоопланктона малых рек Березинского биосферного заповедника и верхнего течения реки Березина	102	31
Венгер Ю.И. Тенденции развития государственной социальной политики в области охраны и защиты детства в Республике Беларусь	27	31
Воробьева О.И. Композиционные приемы повышения воздействующего эффекта рекламы	128	31
Гайковая О.Л. Готовность будущего педагога к формированию у учащихся-подростков социально-нравственной устойчивости	39	34
Гайковая О.Л. Педагогические условия подготовки студентов к формированию социально-нравственной устойчивости подростков	58	32
Гащенко Л.А. Патриотическая идеология и ее составляющие	9	32
Гидранович В.И., Лесович А.А. Активность фосфоглюкомутазы под действием нитрат-ионов в организме <i>Anodonta cygnea</i>	107	34
Голубович Н.В. Сатирическая условность в прозе М.А. Булгакова 1920-х годов	83	32

Гребельник С.Г. О соотношении слуха абсолютного и относительного	84	34
Гречаников А.В., Платонов А.П., Ковчур С.Г. Утилизация отходов ТЭЦ	138	32
Гусев А.П. Сукцессионные процессы в антропогенном ландшафте зоны отселения	141	33
Девярых С.Ю. Идеалы мужа и жены в юношеском возрасте: прогноз супружеских отношений	45	34
Девярых С.Ю. Образы-идеалы матери и отца как обобщенная система установок на родительство в юношеском возрасте	11	31
Денисова С.И. Динамика содержания вторичных метаболитов в листьях кормовых растений чешуекрылых	112	34
Дервоед В.В. К вопросу о сущности доктрины в качестве источника права	65	33
Дзядзінікіна С.У. Дзэнталагічная праблематыка журналісцкай працы над судовым нарысам	75	31
Добжинская Т.В. Роль Высшего Старообрядческого Совета в Польше в довоенный период (1927–1929 гг.)	38	32
Дударев А.Н. С заботой о здоровье человека	134	31
Дунина Е.Б., Корниенко А.А., Контарева О.А. Анализ параметров интенсивности люминесцентных и абсорбционных переходов Eu^{3+} в YAlO_3	124	32
Емельянов С.Л. Понятие и правовая природа гражданского иска в уголовном процессе	40	31
Емяльянаў А.С. Якуб Колас – дзіцячы пісьменнік і педагог у «Другім чытанні для дзяцей беларусаў»	73	34
Жорава Н.П. Асаблівасці рэпрэзентацыі касмаганічных аб'ектаў у мове беларускіх загадак	67	31
Жукова Е.Т., Родичева Е.В. Графическая подготовка воспитателей дошкольного образования к работе с детьми	31	34
Задорожнюк Е.А. О р-сверхразрешимости конечных групп	107	32
Захарова Т.Л. О некоторых проблемах развития современного самодетельного хорового творчества	88	34
Здольников В.В. И сегодня востребованный... (К 175-летию со дня рождения Л.Н. Толстого)	133	31
Зыбин С.Ю. Освобождение Беларуси (хроника основных событий)	3	32
Канапацкі І.Б. Становішча татараў у БССР у 20–30-я гады XX стагоддзя	20	33
Керножицкая И.Е., Шаркова О.Б. Дополнительное образование детей в современной школе	70	33
Княгина В.Н. О разрешимости конечных групп с перестановочными подгруппами Шмидта четного порядка	94	34
Кожевников Б.Г. VI Международный симпозиум «CANTUS CHORALIS SLOVACA»	127	34
Командина Л.В. Прямой опорный метод решения специальной задачи дробно-линейного программирования	131	33
Корчевская Е.А. Потеря устойчивости некруговой слоистой цилиндрической оболочки при кручении	102	34
Косенок Н.С. Конечные группы с заданными добавлениями к максимальным подгруппам силовских подгрупп	90	31
Котович Т.В. Театр и ритуал	91	32
Красовская И.А. Устойчивость эколого-геологических систем: содержание и определение	108	31
Красовский С.Г. Характеристические спектральные множества линейных сингулярных систем	92	31
Крестьянинова Т.Ю., Николаева А.Г., Прищепа И.М. Опыт применения обучающих программ при реабилитации больных бронхиальной астмой	145	33

Кривцун В.П. Сравнительная характеристика эффективности средств физической культуры для лиц умственного труда	143	32
Кузьменко В.Я., Дорофеев А.М., Лешко А.А., Мерзвинский Л.М. Конюшко Вильям Семенович	142	31
Кузьміна А.У. Суадноснасць лексічнага і граматычнага (тры- вального) значэнняў афіксаў	60	34
Кухтова Н.В. Возрастные и гендерные различия в проявлении просоциального поведения	66	32
Кухтова Н.В. Сравнительный анализ личностных и ситуацион- ных детерминант у старших школьников с просоциальной и асоци- альной направленностью поведения	50	34
Лапацінская В.В. Ідэяна-мастацкая функцыя тропаў у творчасці Анатоля Сербантовіча (на прыкладзе метафары)	77	34
Лешко А.А., Кузьменко В.Я., Дорофеев А.М. Литвенкова Евге- ния Александровна	137	34
Локтионов А.В., Буткевич В.Г., Мачихо Т.А. Исследование процесса смешивания волокнистых компонентов при формировании нетканых полотен	120	32
Лукашевич А.М. Водные пути Беларуси в военно-стратегических планах России: себежская коммуникация (1811–1812 гг.)	18	31
Ляшкевіч В.М. Імя-мянушка як крыніца экстралінгвістычнай інфармацыі	92	33
Ляшчынская В.А. Капулятывы-фразеалагізмы ў паэзіі Янкі Ку- палы	71	31
Малах О.Н. Особенности метаболических сдвигов в организме животных в условиях различных режимов гипобароадаптации	123	31
Медведецкий С.В. Особенности развития белорусской станковой живописи в 1990-е годы	97	32
Мигуцкий С.Г. Становление гражданского общества в совре- менной Беларуси и влияние идеологии на его формирование	3	34
Минаева В.М. Развитие методики преподавания природоведе- ния в Беларуси в 80–90-е годы XX века	54	32
Минина Н.Е. «Нам всем подобает умирать за единый азъ...» (о взаимосвязи языка и обрядности в старослужбеском социуме) ..	56	34
Миницкий Н.И. Текст исторического источника: когнитивные мо- дели	29	32
Михальчук Т.Г. Национальная специфика форм комплимента в русской художественной литературе и в русском общении	96	33
Михасев Г.И., Ермоченко С.А., Ситников В.П. О простейшей модели расчета напряженно-деформированного состояния коле- бательной системы реконструированного среднего уха	97	34
Несцяровіч В.І. Дыялектная аснова легенды Мерадж з Кітаба Хасяневіча (1832)	87	33
Никитевич А.В. Транспозиция в отношении к деривационному анализу. Глагол	101	33
Нікалаева І.У. Савецкая гістарыяграфія становішча жанчын Бе- ларусі ва ўмовах Вялікай Айчыннай вайны	23	31
Ольшанский О.Е. Лексическое опрощение суффиксальных су- ществительных в русском языке	82	33
Орлов В.И. Неформальная экономика и реформирующиеся об- щества	24	34
Орлов В.И. Предпринимательская деятельность как форма коммуникации и социальной игры	4	31
Орлов В.И. Современные концепции предпринимательской дея- тельности: концептуальный статус и социальные функции	46	33
Орлов В.И. Социальные функции бизнеса в современном обще- стве	15	32
Осипович А.И. Научно-технический и информационный обмены между Великобританией и БССР в 1924–1939 гг.	30	33

Падстаўленка В.Ф. IV Міжнародныя навуковыя чытанні «Ян Баршчэўскі ў славянскім свеце» (да 210-годдзя з дня нараджэння) ..	148	32
Падстаўленка В.Ф. Спецыфіка жанраў сатырычнага рамана і апавесці ў літаратуры 20-30-х гадоў XX стагоддзя	85	31
Півавар М.В. Краязнаўчая дзейнасць клуба «Узгор'е» ў Віцебску ў канцы 1980-х – пачатку 1990-х гадоў	10	34
Пиловец Г.И. Полувековая плодотворная деятельность Белорусского Географического общества	119	34
Пискунов В.И., Солодовников И.А. Уточнение перечня видов выемчатокрылых молей (Lepidoptera, Gelechiidae) Беларуси	131	32
Полетаева Н.И. Купечество Беларуси: источники формирования (60-е годы XIX – начало XX вв.)	48	32
Прохожий С.А. Об однозначной разрешимости задачи Коши для уравнения фильтрации с конвекцией и поглощением	111	32
Пушкина О.И. Брак как критерий оценки женского успеха и модели его достижения в сказках восточных славян	14	34
Рачинский С.В. Художественно-эстетическое направление в системе дополнительного образования на современном этапе	62	32
Руммо В.Е. Экономические аспекты реабилитации больных, перенесших инфаркт миокарда	130	31
Русецкий Ю.А., Гащенко Л.А. Ценностно-мотивационные детерминанты получения второго высшего образования	11	33
Савельева Н.В., Воробьев Н.Т. О максимальных подклассах нормального класса Фиттинга	104	32
Слабін У.К. Удзел вучоных універсітэта ў канферэнцыях 2003 г. у Даўгаўпілскім універсітэце	135	31
Смольский А.П. Антикризисное управление экономически несостоятельным предприятием: оперативный и стратегический аспекты ...	18	34
Строчко О.Д. Территориальная организация легкой промышленности Витебской области	35	31
Субботин О.Г. Бавария и рейх: «федеративный конфликт» 1923–1924 гг.	25	33
Сурин Т.Л., Шерегов С.В. Об угловой неправильности систем с функционально-коммутативными матрицами коэффициентов	127	33
Тагаев М.Дж. Морфемно-словообразовательная концептосфера как дискурсивно-семантическое поле смыслопорождения	64	34
Трацевская Л.Ф. Свободные экономические зоны: сущность, эволюция и классификация	31	31
Трофимович Т.Г. К изучению нумерально-темпоральных наименований старорусского делового языка	76	32
Уткевіч В.І. Міфалогія і мастацкая літаратурная творчасць	23	32
Федотов В.Л. Биогеохимия кальция в ландшафте, сформированном на моренных суглинках Белорусского Поозерья	135	33
Хорошко Г.П. Историческое прошлое в драматической поэме «Крево» Н. Орочко	113	33
Чеснокова О.И. Методология анализа проблем пола и гендера в славянской культуре XX века	41	32
Шаматульская Е.В. Демографические и региональные аспекты старения сельского населения Витебской области (1979–1999 гг.) ...	123	34
Шахнович Е.С. Эволюция экономических систем: критерии оценки	42	33
Шчука Ю.А. Ідэйна-мастацкія асаблівасці заходнебеларускай тэатралогіі Вячаслава Адамчыка	82	31
Щербакова М.А., Прищепа И.М. Влияние антропогенных факторов окружающей среды на здоровье подростков	115	31

ПРАВИЛЫ ДЛЯ АҰТАРАҰ

1. «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» публікуе вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Віцебскім дзяржаўным ўніверсітэце, іншых навуковых установах і ВНУ рэспублікі. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці публікацыі з'яўляецца навізна і арыгінальнасць артыкула.
2. У артыкуле паслядоўна выкладаюцца пастаноўка праблемы, метадычныя падыходы, аб'ём выкарыстанага матэрыялу, вынікі даследавання, вывады ці заключэнне.
3. Артыкулы падаюцца ў рэдакцыю на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам не больш за пяць старонак, надрукаваных праз адзін інтэрвал. У гэты аб'ём уваходзяць тэкст, табліцы, спіс літаратуры; колькасць малюнкаў не павінна перавышаць трох. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Артыкулы павінны быць падрыхтаваны ў рэдактары Word для Windows і падаюцца на дыскетах (3,5"), або перасылаюцца на адрас электроннай пошты ўніверсітэта (rio@vsu.by).
4. Да артыкула, падпісанага аўтарам, павінна быць прыкладзена рэкамендацыя кафедры, рэцэнзія спецыяліста ў гэтай галіне (прафесара, доктара навук), рэферат на мове арыгінала (да 0,25 стар.), рэзюмэ на англійскай мове (2–3 сказы), індэкс УДК, звесткі пра аўтара (месца працы, пасада, вучоная ступень, адрас, нумар тэлефона).
5. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СІ).
6. Па рашэнні рэдкалегіі артыкул накіроўваецца на рэцэнзію, затым візіруецца членам рэдкалегіі. Вяртанне артыкула аўтару на дапрацоўку не азначае, што ён прыняты да друку. Перапрацаваны варыянт артыкула зноў разглядаецца рэдкалегіяй. Датай паступлення лічыцца дзень атрымання рэдакцыяй канчатковага варыянта артыкула.
7. Літаратура, выкарыстаная ў артыкуле, друкуецца ў канцы тэксту, а спасылкі ў тэксце азначаюцца парадковым нумарам у квадратных дужках. Спіс літаратуры афармляецца:
для кніг: прозвішча і ініцыялы аўтара, поўная назва кнігі, месца і год выдання, нумар тома, выпуску, агульная колькасць старонак (напрыклад, 300 с.) або спасылка на канкрэтныя старонкі (напрыклад, С. 10–15);
для артыкулаў: прозвішча і ініцыялы аўтара, назва артыкула, назва крыніцы, у якой ён надрукаваны (часопіс, зборнік і т.п.), год, нумар, старонкі (напрыклад, // Веснік ВДУ, 1997, № 1(3). – С. 3–7).
8. Спасылкі на неапублікаваныя працы, дысертацыі не дапускаюцца. Указваецца поўная назва аўтарскага пасведчання і дэпаніраванага рукапісу, а таксама арганізацыя, якая прад'явіла рукапіс да дэпаніравання.

GUIDELINES FOR AUTHORS

1. General notes:

Vesnik of Vitebsk State University publishes issues based on scientific researches carried out at Vitebsk State University and other educational establishments in the Republic of Belarus. The major criterion for publishing is the novelty and authenticity of the issue.

2. Format of the article:

The article is to be typed in Microsoft Word. Computer print-outs of the article should be submitted to the editorial office in Belarusian, Russian or English in duplicate. It is necessary to present also a floppy disk (3,5") or an e-mail version sent to: rio@vsu.by.

a. Paper format: A 4.

b. Length: not exceeding 5 full pages.

c. Page format: 10-point Arial font; 1.0-spaced; margins: T – 2, B – 6, L – 4, R – 4.

d. Structure of the article: text (tables if necessary; no more than 3 pictures if necessary; photos are not allowed); bibliography. All sources are to be marked and listed at the end of the article under the heading BIBLIOGRAPHY in succession as they appear in the text. References in the text are to be given in brackets indicating the ordinal number and the number of the page.

3. Procedure:

The article is to be signed by the author and recommended for publishing by the faculty board. The following papers are to be attached: annotation of an expert in the field of research; summary in the original language (1/4 page), summary in English (2-3 sentences); the author's personal information (place of work, position, degree, address, contact telephone number).

On the decision of the editorial board the article is submitted for annotation. If returned to the author for further consideration, the article shouldn't be accounted rejected. The improved variant is submitted to the editorial board. The acceptance date is the date of submitting the final version of the article to the editorial office.